

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Крючкова О. Ю.** Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования 128
- Жандарова А. Н.** Метаэлементы в контекстах с наименованиями пищи и кухонной утвари (на материале вологодских говоров) 134
- Губанов С. А.** О специфике атрибутивных конструкций в текстах М. Цветаевой 140
- Викторова Е. Ю.** Авторизующие конструкции самоупоминания в оценочном научном дискурсе 145
- Лашкова Г. В., Матяшевская А. И.** Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотолерантности 151
- Темирова Д. А., Моргун Н. Л.** Способы компенсации невербальных средств коммуникации в SMS-общении 158
- Алексеев А. Б.** Особенности оппозиционного политического дискурса угандийского политика Боби Вайна 164

Литературоведение

- Загуменнов А. В.** «И звёзды тебя служить»: солнце, луна и звезды как внешние очертания смысловых констант в творчестве протопопа Аввакума (на материале текстов разных жанров) 171
- Абдурахманова-Павлова Д. В.** Образ Джона Вулмена в англоязычной публицистике 1850–1940-х гг.: агиографические мотивы 177
- Сягина Е. И.** Раннее творчество Андрея Немзера: к проблеме определения статуса автора 186
- Елина Е. Г.** Жанровые модификации и «поиски жанра» в романе Тимура Кибирова «Генерал и его семья» 192

Журналистика

- Махакова Л. С.** Профессиональные компетенции тележурналиста в оценке работодателей: региональные аспекты (на примере Республики Бурятия) 199

Приложения

Дата

К 160-летию Петра Аркадьевича Столыпина

- Гапоненков А. А. П. А. Столыпин** в журнале «Русская Мысль» 210
- Байкулова А. Н., Куликова Г. С.** Риторическое мастерство П. А. Столыпина 217
- Новикова Н. В. Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин:** вопрос о земле (историческое противостояние писателя и политика) 223
- Ванюков А. И.** Смерть П. А. Столыпина в воспоминаниях современников: С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и другие 232
- Алтынбаева Г. М., Герасимова Л. Е.** Образ П. А. Столыпина у А. И. Солженицына 238

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01; 10.01.03; 10.01.10; 10.02.01; 10.02.04; 10.02.05; 10.02.19; 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9)

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Степанова Наталья Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.05.22.
Подписано в свет 31.05.22.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 100 экз. Заказ 58-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 20 000–30 000 знаков с пробелами.

Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках.

Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями: левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: iiyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Kryuchkova O. Yu.** The role of historical and dialectal data in interpreting the modern word-formation phenomena 128
- Zhandarova A. N.** Metaelements in contexts with food names and kitchen tools (Based on the material of the Vologda subdialects) 134
- Gubanov S. A.** On the specific features of attributive constructions in the texts of M. Tsvetaeva 140
- Viktorova E. Yu.** Self-mentions in evaluating academic discourse 145
- Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I.** English borrowings in modern Russian. On the problem of linguistic tolerance 151
- Temirova D. A., Morgoun N. L.** Ways of compensation for nonverbal communication in SMS 158
- Alexeyev A. B.** The peculiarities of the oppositional political discourse of Ugandan politician Bobi Wine 164

Literary Criticism

- Zagumenov A. V.** "And the stars serve you": The sun, the moon and stars as the external outlines of meaningful constants in the works of Protopope Avvakum (Based on the texts of different genres) 171
- Abdurakhmanova-Pavlova D. V.** John Woolman's image in the English non-fiction in the 1850–1940s: Hagiographical motives 177
- Syagina E. I.** Early works by Andrey Nemzer: To the problem of defining the author's status 186
- Elina E. G.** Genre modifications and "search for a genre" in Timur Kibirov's novel *The General and His Family* 192

Journalism

- Makhakova L. S.** Professional competencies of a TV journalist as evaluated by employers: Regional aspects (A case study of the Republic of Buryatia) 199

Appendices

Date

On the occasion of the 160th anniversary of Pert Arkadyevich Stolypin

- Gaponenkov A. A.** P. A. Stolypin in the journal *Russkaya Mysl'* (Russian Thought) 210
- Baikulova A. N., Kulikova G. S.** P. A. Stolypin's rhetorical skill 217
- Novikova N. V.** L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin: Land issue (A historical confrontation of the writer and the politician) 223
- Vanyukov A. I.** The death of P. A. Stolypin in the memoirs of contemporaries: S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov and others 232
- Altynbaeva G. M., Gerasimova L. E.** The image of P. A. Stolypin in A. I. Solzhenitsyn's works 238

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук, доцент (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакар Абдулвахиду, кандидат филол. наук, доцент (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитар. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук, профессор (Харбин, КНР)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шраер Максим Давидович, Ph.D. (Бруклин, штат Массачусетс, США)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

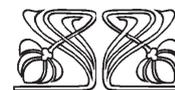
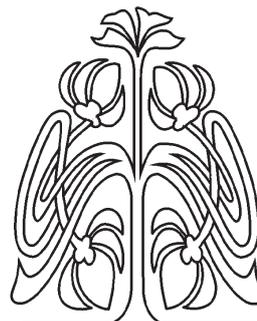
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

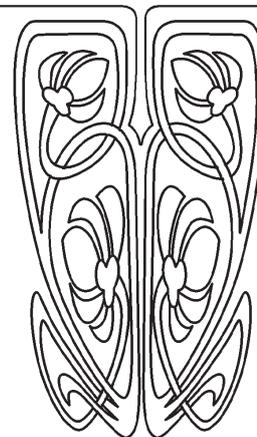
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaev (Nalchik, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Lina V. Razumova (Chita, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Xie Chunyan (Harbin, People's Republic of China)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Olga B. Sirotnina (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Maksim D. Shrayer (Brookline, Massachusetts, USA)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 128–133
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 128–133
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133>

Научная статья
УДК 811.161.1'373.611

Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования

О. Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

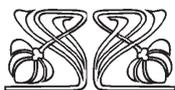
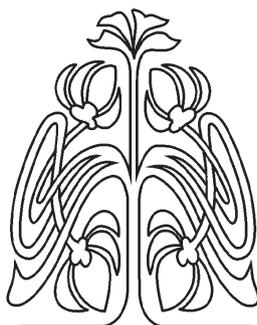
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambker.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. В статье развивается идея о необходимости привлечения исторических и диалектных данных к анализу явлений современного словообразования. Сопоставление фактов современного литературного языка, письменной истории языка, современной диалектной речи позволяет с наибольшей объективностью охарактеризовать лингвистический статус деривационных единиц, моделей, подсистем, реконструировать полную картину их бытования в национальном языке, лучше понять направления языковой динамики и деривационный потенциал языка. Данный подход иллюстрируется автором на примере образования имен прилагательных на *-овский* в русском языке. Вопрос о словообразовательной структуре таких прилагательных является дискуссионным. Аффиксальная часть имен прилагательных на *-овский* определяется либо как суффиксальная последовательность, состоящая из двух самостоятельных формантов, либо как суффикс *-ск-*, осложненный интерфиксом *-ов-*, либо как вторичный (производный) суффиксальный морф с наращением. Картина структурно-семантических связей рассматриваемых прилагательных в современном русском литературном языке разнородна и не дает преимуществ ни для одной из названных интерпретаций. Рассмотрение имен прилагательных на *-овский* в комплексе данных современного русского литературного языка, его истории и территориальных диалектов служит основанием для следующей интерпретации комплекса *-овск-*: на современном этапе развития русского языка последовательность *-ов/ск(ий)* представляет собой морфемный комплекс, сформировавшийся на основе древней модели суффиксального удвоения относительно-притяжательных суффиксов *-ов(ый) + -ск(ий)*. Морфемный комплекс *-ов/ск(ий)* функционирует в современном русском языке как членимый бисуффиксальный формант, не образовавший до настоящего времени единой морфемы – сложного суффикса. Морфемный комплекс, в отличие от сложного суффикса, легко членился на составляющие, служит базой для развития процессов редеривации.

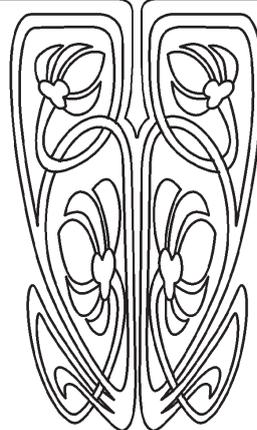
Ключевые слова: словообразование, история русского языка, русская диалектология, имена прилагательные, суффиксация, морфемный комплекс

Для цитирования: Крючкова О. Ю. Роль исторических и диалектных данных в интерпретации явлений современного словообразования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 128–133. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The role of historical and dialectal data in interpreting the modern word-formation phenomena

O. Yu. Kryuchkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambker.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. The author proposes the idea that it is necessary to draw on historical and dialectal data in the analysis of the modern word-formation phenomena. The comparison of the modern Russian literary language facts with those of the written language history and the modern dialect speech allows to estimate, with maximum objectivity, the linguistic status of the derivative units, models, subsystems, as well as to reconstruct the whole picture of their usage in the national language and to better understand the directions of linguistic dynamics and the derivational potential of the language. This approach is illustrated by the formation of the adjectives ending with *-ovskij* in the Russian language. The question of the word-formation structure of such adjectives is debatable in the modern derivatology. The affixal part of the adjectives ending with *-ovskij* is defined in different ways: 1) as a suffixal sequence including two different formants, 2) as a suffix *-sk-*, complicated with the interfix *-ov-*, 3) as a derived suffixal morph with accumulation. The picture of structural and semantic connections of the above-mentioned adjectives in the modern Russian literary language is complicated, heterogeneous and does not give precedence to any of these three interpretations. The analysis of the adjectives ending with *-ovskij* in the complex of the modern Russian literary language data, its history and the modern territorial dialects, gives ground to the following interpretation of *-ovskij* complex. At the modern stage of the Russian language development the sequence *-ov/sk(ij)* is a morphemic complex, that has developed on the basis of the ancient suffixal duplication model of the relative and possessive suffixes *-ov(yj) + -sk(ij)*. The morphemic complex *-ov/sk(ij)* is functioning in the modern Russian language as a single polysemantic segmented bisuffixal formant, which has not formed, up to now, a unified morpheme – a complex suffix. A morphemic complex, as opposed to a complex suffix, is easily divided into components and provides a basis to re-derivation processes.

Keywords: word-formation, the Russian language history, the Russian dialectology, adjectives, suffixation, morphemic complex

For citation: Kryuchkova O. Yu. The role of historical and dialectal data in interpreting the modern word-formation phenomena. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 128–133 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-128-133>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мысль о необходимости изучения явлений синхронного словообразования в широком контексте языковой современности (в сопоставлении со взаимодействующими («родственными») языковыми системами) и на фоне исторических данных отчетливо заявлена в теоретической дериватологии (см., например, работы Н. М. Шанского, О. Н. Трубачёва, Г. А. Николаева, И. С. Улуханова, Э. П. Кадькаловой, О. И. Дмитриевой). Ср.: «Объяснение, опирающееся только на факты современного литературного языка, принципиально отличается от объяснения с использованием фактов других языковых систем (языка предшествующих эпох, диалектов, родственных языков)» [1, с. 115]; «Что касается систематического (последовательного) в границах изучаемого явления обращения к истории языка, в том числе и при анализе любого синхронного его среза, то это безусловно рентабельная и высокоинформативная методика» [2, с. 238]; «Многие статично изученные словообразовательные явления и факты часто выстраиваются в систему при обращении к их динамическому исследованию» [3, с. 56].

Однако в лингвистической практике данные современного русского словообразования все еще не часто соотносятся с данными историческими, по-прежнему актуально замечание И. С. Улуханова: «...исследования, в которых один и тот же материал... рассматривался бы одновременно с синхронной и диахронической точек

зрения, весьма немногочисленны» [1, 19]. Еще реже к описанию явлений словообразования привлекается материал русских народных говоров. Словообразовательная грамматика (правила словообразования) строится почти исключительно на базе фактов литературного языка в отрыве от его генетической основы – диалектной речи. Вряд ли такой подход можно признать оптимальным, отвечающим объективной историчности языка, многообразию его социально-территориальных форм существования. Заметим, что обращение к диалектным данным позволяет в ряде случаев найти звено, связующее историю и современность, если такая связь не выявляется при наблюдении за фактами литературного языка.

Например, отсутствие деривационных моделей с вторичной приставкой *за-* в современном русском литературном языке на фоне представленности (хотя и слабой) дериватов этой модели в письменных памятниках предшествующих периодов истории русского языка (*заозлобити, заповелевати, запомышляти, започинивати, запровадити, запровадати, запотешить, заприйти, зауверить*) получает свое объяснение и складывается в стройную картину при изучении диалектных данных. В диалектной речи вторичная приставка *за-* относится к числу активно используемых средств словообразования: в Словаре русских народных говоров [4] содержится около 100 лексических единиц с вторичной приставкой

за-, зафиксированных на разных территориях, в говорах разных типов. Сопоставление фактов современного литературного языка, письменной истории языка, современной диалектной речи позволяет охарактеризовать жизненный цикл моделей, включающих вторичную приставку за-: зародившись в разговорно-просторечной среде, получив некоторое распространение в письменности в период расширения ее жанрово-стилистических границ и неустойчивых норм (образования со вторичной приставкой за- фиксируются прежде всего в текстах деловой письменности XVI–XVIII вв.), соответствующие модели сужают сферу своего распространения, локализируются в территориальных говорах в эпоху стандартизации письменного языка, формирования литературной нормы [5]. Опираясь исключительно данными современного литературного языка, мы вынуждены были бы констатировать несвойственность русскому языку моделей с усложняющей приставкой за-, что искажает объективную картину русского словообразования.

Остановимся далее на анализе словообразования имен прилагательных на *-овский/-евский*, привлекая к интерпретации синхронных словообразовательных отношений единиц русского литературного языка исторические и диалектные данные.

Вопрос о словообразовательной структуре имен прилагательных на *-овский* (морф *-евск-* далее для краткости не указывается) и характере этого морфемного сегмента неоднократно становился предметом обсуждения (см., например, [6–8]). Дискуссия относительно лингвистического статуса элемента *-овск-* (суффиксальная последовательность, состоящая из двух самостоятельных формантов; суффикс *-ск-*, осложненный интерфиксом *-ов-*; вторичный (производный) суффиксальный морф с сегментным видоизменением – наращением?) разворачивалась исключительно в плоскости литературноцентрической синхронии, что в значительной мере препятствовало объективной оценке данного аффиксального комплекса.

Анализ прилагательных на *-овский*, фиксируемых словарями современного русского литературного языка, дает следующую картину их структурно-семантических связей. Прилагательные на *-овский* в ряде случаев соотносительны с прилагательными на *-ов* и *-овый* (*атамановский* – *атаманов*, *дедовский* – *дедов*, *гутенберговский* – *гутенбергов*, *ерундовский* – *ерундовый*, *аэропортовский* – *аэропортовый*, *гобеленовский* – *гобеленовый*, *банковский* – *банковый*, *рентгеновский* – *рентгеновый*, *клановый* – *клановский*, *люксовый* – *люксовский*, *портовый* – *портовский*), что дает основание интерпретировать прилагательные на *-овский* как производные от

соответствующих односуффиксных прилагательных с суффиксом *-ов-* и вычленять в них суффиксальную последовательность, состоящую из двух самостоятельных формантов *-ов-* + *-ск-*.

Среди новообразований второй половины XX – начала XXI в. отмечается значительное количество прилагательных с элементом *-овск-*, активно присоединяющимся, в частности, к новым сложным и сложносокращенным существительным и именам собственным, ср.: *бамовский*, *вазовский*, *вузовский*, *джазовский*, *детсадовский*, *DOS-овский*, *жигулевский*, *йоговский*, *камазовский*, *лесхозовский*, *мазовский*, *натовский*, *пентагоновский*, *тюзовский*, *учхозовский*, *физтеховский*, *юаровский*, *ооновский*, *взиковский*, *мхатовский*, *ридберговский*, *брэгговский*, *ибсеновский*, *шопеновский* и т.п. Такие прилагательные не имеют соотносительных форм на *-ов* и *-овый*, что дает повод усматривать в подобных производных единый формант *-овск-*, природа которого остается, однако, не вполне ясной (морф с интерфиксальным (или иной природы?) наращением или сложный суффикс, образованный путем сращения ранее двух самостоятельных словообразовательных аффиксов; морфемный комплекс?).

Наконец, в современном русском языке прилагательные на *-овский*, не имеющие параллелей на *-ов* и *-овый*, коррелируют с однокорневыми прилагательными с суффиксом *-ск-* (*исполкомовский* – *исполкомский*, *месткомовский* – *месткомский*, *пульмановский* – *пульманский*, *совнаркомовский* – *совнаркомский*, *аэроклубовский* – *аэроклубский*, *интернетовский* – *интернетский*, *совдеповский* – *совдепский*), что дает основание для интерпретации прилагательных на *-овский* как интерфиксально осложненных форм.

Такова синхронная картина структурно-семантических связей прилагательных на *-овский*, которая вряд ли может дать непротиворечивый ответ на вопрос о функциональном статусе последовательности *-овск-*.

Обратимся далее к истории имен прилагательных анализируемой структуры.

В древнерусский период формируется модель вторичного присоединения суффикса *-ьск-* к первичнопроизводным основам прилагательных с суффиксом *-ов-*, образованных как от одушевленных, так и от неодушевленных имен существительных: *поповый* – *поповьский*, *рядовой* – *рядовской*. Эта модель увеличивает продуктивность в старорусский период. В памятниках XV–XVII вв., по свидетельству Словаря русского языка XI–XVII вв. [9], фиксируются такие синонимические производные, как *бунтовый* – *бунтовской*, *верховой* – *верховский*, *вѣчевой* – *вѣчевский*, *вожевой* – *вожевский*,

волховъ – волховский, домовый – домовский, кожевниковъ – кожевниковский, львовъ – львовский, мартовый – мартовский, мысовой – мысовский, низовой – низовский, отцовъ – отцовский, помѣщиковъ – помѣщиковский, пустовой – пустовской.

Вторичное присоединение адъективного форманта *-ьск-* к основам прилагательных с суффиксом *-ов-* поддерживало семантико-словообразовательные процессы, имплицитно развивавшиеся в первичных суффиксальных производных. Почвой для вторичного суффиксального осложнения атрибутивных основ, содержащих суффикс *-ов-*, стало, по-видимому, начавшееся в древнерусский период семантическое расщепление этого форманта на притяжательный и относительный [10, с. 200]. В древнерусском языке в основах на *-ов-* более активно, чем в основах, осложненных другими адъективными формантами, формируется относительное значение [11, с. 227, 236]. Поссесивное значение суффикса *-ов-* явственно выступало при мотивирующих именах собственных, относительное – при мотивирующих нарицательных, ср.: Христовъ, но: круговой [12–14].

Суффикс *-ов-* относился к общеславянскому фонду словообразовательных средств (был выделен из существительных древнего типа склонения на **й*), широко употреблялся как в составе именных, так и в составе местоименных основ, и отличался неоднозначностью и семантической неустойчивостью. В этих условиях присоединение вторичного относительно-притяжательного суффикса *-ьск-* к первичному поссесивному суффиксу *-ов-* способствовало транспозиции именной формы поссесива в местоименную и усилению относительно-качественной семантики у местоименных форм имен прилагательных. Ср., например, в следующих контекстах поссесивное значение у именных односуффиксных форм прилагательных и относительно-качественное значение у однокорневых местоименных форм с суффиксальным удвоением: Еванове попове [надпись о чем-то, принадлежащем попу Ивану]. Берест. гр. XIII–XIV вв. Но: Нам же всѣмъ въходящемъ съ Епифанъмъ въ цркъвь, имяхъ мысль бѣжати, тяготу творя брѣмя поповское. Усп. сб. XII–XIII вв.

В старорусском языке удвоение относительных суффиксов *-ов-* + *-ск-* способствовало окачествлению относительной семантики суффиксально неудвоенных прилагательных или же создавало дублетные формы, предназначенные для реализации широко распространенного в то время приема варьирования средств выражения одного и того же содержания (см.: [15]), ср.: бунтовый ‘относящийся к бунту, возмущению;

призывающий к бунту, возмущению’ (общая относительность) – бунтовской ‘выступающий против власти, побуждающий к неповиновению, производящий бунт’ (характеризующая относительность); вѣчевский ‘то же, что вѣчевой’.

С середины XIX в. суффиксальные удвоения приобретают формантные функции и применяются в акте словопроизводства как целостные морфемные комплексы (ср.: в 1-й половине XIX в. образования с суффиксом *-ов-* еще функционировали шире, чем образования с производным формантом *-овск-* от тех же основ, см.: [16, с. 312–313]).

Ослабление мотивационных связей между притяжательными прилагательными на *-ов* и прилагательными на *-овский* в этот период свидетельствует об угасании продуктивности древней модели «одуш. сущ. + суфф. *-ов(ъ)* с притяжательно-относительным значением + суфф. *-ск(ий)* с относительно-притяжательным значением» в пользу широкозначного бисуффиксального формантного комплекса *-ов/ск(ий)*. Вместе с тем увеличение продуктивности удвоенного адъективного форманта *-овск-* способствует также расширению словопроизводственной базы суффикса *-ов-* и служит в современном русском языке основой для дальнейшего развития сложившейся еще в старорусский период модели суффиксального удвоения «неодуш. сущ. + *-ов(ый, -ой)* + *-ск(ий)*».

В русском языке национальной эпохи (начиная с XVIII в.) модель удвоения относительных суффиксов *-ов(ый)* + *-ск(ий)* наполняется новым функциональным содержанием, продуцируя стилистически дифференцированные лексемы. Сосуществующие в современном дискурсе односуффиксные прилагательные на *-ов* и *-овый* и суффиксально удвоенные однокоренные параллели на *-овский* обычно резко различаются своей употребительностью, и менее употребительные лексемы выступают как стилистически маркированные единицы. Ср.: 133 употребления со словом *гобеленовый* в Национальном корпусе русского языка [17] и 4 вхождения прилагательного *гобеленовский*, *дедов* (1528 вхождений в НКРЯ) в сравнении с *дедовский* (833 употреблений) *ерундовый* (112 вхождений) и *ерундовский* (13), *клановый* (362) и *клановский* (1), *люксовый* (70) и *люксовский* (19), *портовый* (1840) и *портовский* (2), *рентгеновый* (1) и *рентгеновский* (1480), *банковый* (403) и *банковский* (5296), *аэропортовый* (34) и *аэропортовский* (79).

Функционально-стилистическая дифференциация свойственна также и параллельным образованиям на *-овский* и *-ский* (типа *месткомский* – *месткомский*). Однако если в параллелях на *-овый* и *-овский* функционально-сти-

лигистические характеристики односуффиксных и суффиксально удвоенных прилагательных неоднотипны (функционально ограниченными могут быть как прилагательные на *-овый*, так и прилагательные на *-овский*), то в парах на *-овский* и *-ский* функциональное распределение односуффиксных и суффиксально удвоенных прилагательных более последовательно (хотя тоже не абсолютно). Однокоренные прилагательные на *-овский* и *-ский* соотносятся чаще как узуальные и окказиональные соответственно (во всяком случае, образования на *-ский* значительно менее употребительны). Показательны, например, следующие соотношения: *исполкомовский* (52 употребления в НКРЯ) – *исполкомский* (28), *месткомовский* (14) – *месткомский* (1), *пульмановский* (74) – *пульманский* (2), *совнаркомовский* (21) – *совнаркомский* (5), *интернетовский* (129) – *интернетский* (9), *совдеповский* (41) – *совдепский* (20).

Предпочтение суффиксально осложненных форм с позиций синхронии могло бы быть объяснено морфонологическим удобством, однако наличие форм на *-ский* свидетельствует об отсутствии строгого морфонологического запрета на их образование (ср., например: частотное *ельцинский* (514 вхождений в НКРЯ) и окказиональное *ельциновский* (1 употребление в НКРЯ)).

Картина структурно-семантических отношений имен прилагательных на *-ов/-овый*, *-овский*, *-ский* в русском языке дополняется данными русских народных говоров. В составе диалектной лексики, представленной в Словаре русских народных говоров [4], отражены все отмеченные на материале литературного языка корреляции: пары однокорневых прилагательных на *-ов/-овый* и *-овский* (*Спасов* – *Спасовский*, *княжевый* – *княжевский*, *кочетовый* – *кочетовский*), параллели на *-овский* и *-ский* (*родительский* – *родительский*, *татаровский* – *татарский*, *безотцовский* – *безотческий*, *Ивановский* – *Иванский*), бытующие как в одних и тех же говорах, так и отмеченные на разных территориях, а также образования на *-овский*, не имеющие односуффиксных соответствий (*заправдовский*, *злыдовский*, *зловский*, *некаковский*, *растаковский*, *лешаковский*, *батраковский*, *батьковский*).

Семантические отношения между параллельными однокорневыми производными прилагательными разнообразны. Такие производные функционируют в говорах как внутридиалектные или междиалектные дублиеты: *маёвый/маёвский* 'родившийся в мае', *князевый/князевский/князеский* 'княжеский', *комаровый/комарёвский* 'комариный', *жарков/жарковский* 'бывающий летом (о лове рыбы)', *плясковой/пля-*

сковский 'плясовой (о песне)', *орловый/орловский* 'орлиный', *сыновый/сыновский* 'принадлежащий сыну', *кузнецовый/кузнецовский* 'принадлежащий кузнецу', *безотцовский/безотческий* 'не имеющий отца'.

Нередко между однокорневыми разносуффиксными коррелятами наблюдаются семантические различия, не противоречащие, однако, впечатлению о деривационной вторичности суффиксально усложненных образований (на *-овский*), ср.: *годовой* 'ожидаемый в течение года (об озимых)' – *годовский* 'предназначенный для годовых праздников, парадный'; *адово* 'что-л. злое, нехорошее' – *адовский*: в выражении *адовские мужички* 'неповоротливые, ленивые, бестолковые'; *таковый* 'хороший, надежный' – *таковский* 'плохой, не стоящий внимания, хорошего обращения'.

Отмечается также семантическая дифференциация параллельных образований по линии «посессивное – относительно-качественное значение» (точнее – большего тяготения к указанному семантическому разнообразию), особенно в кругу производных от имен лиц и имен собственных, ср.: *княже/княжевский* 'принадлежащий князю' – *княжевый/княжеский* 'свадебный поезд; свадебный обед'; *Митрев день* 'религиозный праздник в честь святого Дмитрия' – *Митревская суббота* 'суббота перед Дмитриевым днем'; *Введеньев день* 'то же что Введенье, праздник введения в храм Богородицы' – *Введеньевский* 'относящийся ко времени праздника Введенья' (напр.: *Введеньевские морозы*); *Прокопьев день* 'день святого великомученика Прокопия' – *Прокопьевская ярмарка* 'ярмарка в Прокопьев день'; *Михайлов день* 'религиозный праздник в честь святого Михаила' – *Михайловская сельдь* 'сельдь, появляющаяся у берегов с Михайлова дня', *Михайловские морозы* 'морозы на Михайлов день'; *Спасов* 'относящийся, принадлежащий Спасу' (*Он Спасову образу не молится, И Владимиру князю челом не бьет*), *Спасов день* – *Спасовский* 'относящийся к Спасу' (*Спасовские яблоки; Спасовские мухи; Спасовская рыба*).

Таким образом, наблюдаемые в русских народных говорах отношения имен прилагательных на *-ов/-овый* и *-овский* подтверждают описанный выше исторический путь прилагательных на *-овский*, формирование моделей «одуш. сущ. + *-овск(ий)*», «неодуш. сущ. + *-овск(ий)*» на основе вторичного присоединения адъективного форманта *-ьск-* к основам прилагательных с суффиксом *-ов/-ов(ый)*. Диалектный материал показывает также развитие тех же тенденций, что и в литературном языке: свертывание модели суффиксального усложнения, членимость форманта *-овск(ий)*.

Рассмотрение имен прилагательных на *-овский* в совокупности данных современного русского литературного языка, его истории и современных территориальных диалектов дает основание для следующей интерпретации комплекса *-овс-*: на современном этапе развития русского языка последовательность *-ов/ск(ий)* представляет собой сформировавшийся на основе древней модели суффиксального удвоения *-ов(ый) + -ск(ий)* членимый морфемный комплекс, функционирующий как единый полисемантический бисуффиксальный формант. Членимость формантного комплекса *-ов/ск(ий)* подчеркивается как наличием односуффиксных параллелей на *-овый* и *-ский*, так и функциональной вариативностью соотношения однокоренных коррелятов. Исторические и функциональные данные позволяют также предположить деривационную вторичность для ряда прилагательных на *-ский*, соотносительных с прилагательными на *-овский* (типа *месткомовский – месткомский*). Образования на *-ский* могут возникать в результате редеривации (обратного словообразования) на базе исторически сформированного устойчивого морфемного комплекса, не образовавшего до настоящего времени единой морфемы – сложного суффикса. Морфемный комплекс, в отличие от сложного суффикса, легко членился на составляющие, служит базой для развития процессов редеривации.

Список литературы

1. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М. : ИЦ «Азбуковник», 2005. 314 с.
2. Кадьякалова Э. П. Выход в теорию словообразования : к вопросу о соотношении понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность. Саратов : Буква, 2015. 341 с.
3. Дмитриева О. И. Проблема динамического исследования словообразовательных подсистем русского языка // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : материалы III Республиканского научного семинара (Саратов, 18–21 ноября 2009 г.). Саратов : ИЦ «Наука», 2009. С. 54–63.
4. Словарь русских народных говоров. М. : Л. : СПб. : Наука, 1965 –.
5. Крючкова О. Ю. Вторичная приставка *за-* в русских народных говорах // Диалектная лексика-2016 (К 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой) / отв. ред. О. Н. Крылова, С. А. Мызников, Ин-т лингв. иссл. РАН. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 251–267.
6. Дементьев А. А. О так называемых «интерфиксах» в русском языке // Вопросы языкознания. 1974. № 4. С. 116–120.
7. Земская Е. А. Принципы сегментации производных слов // Актуальные проблемы русского словообразования. Ученые записки Ташкентского педагогического института. 1975. Т. 143, № 1. С. 33–41.
8. Лопатин В. В. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке // Вопросы языкознания. 1975. № 4. С. 24–37.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975 –.
10. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Структура славянской морфемы в синхронном и диахроническом аспектах // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988. Доклады советской делегации. М. : Наука, 1988. С. 190–206.
11. Зверковская Н. П. Параллельные прилагательные с суффиксами *-ов-* и *-ын-* (на материале памятников XI–XV вв.) // Лексикология и словообразование древнерусского языка : сб. ст. / отв. ред. Р. И. Аванесов. М. : Наука, 1966. С. 224–237.
12. Фролова С. В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева. 1960. Вып. 32. С. 323–337.
13. Васильева В. Д. К вопросу о суффиксальной синонимии в системе образования относительных прилагательных в древнерусском языке XI–XVII веков // Диалектология и историческая грамматика : сборник статей преподавателей кафедр рус. яз. Иван., Костром., Шуйского и Яросл. пед. ин-тов. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд., 1970. С. 169–177. (Вопросы русского языка. Вып. 1).
14. Полякова Е. Н. Роль лексики в развитии словообразовательной системы (по материалам пермских памятников XVII – начала XVIII веков и современных говоров) // Исследования по историческому словообразованию / отв. ред. И. С. Улуханов. М. : Ин-т русского языка РАН, 1994. С. 180–190.
15. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 264 с.
16. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М. : Наука, 1964. 600 с.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.01.2022).

Поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 10.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 134–139

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 134–139

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-134-139>

Научная статья

УДК 811.161.1'282.2'42(470.12)

Метаэлементы в контекстах с наименованиями пищи и кухонной утвари (на материале вологодских говоров)

А. Н. Жандарова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Жандарова Анастасия Николаевна, ассистент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, an.fedina2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3881-1119>

Аннотация. Исследование посвящено изучению пищевой традиции, бытующей на территории сёл и деревень Вытегорского (с. Мегра) и Тотемского (д. Варницы, д. Ивойлово, д. Пятювская, пос. Глубокое, пос. Мясокомбинат, д. Савино, д. Совинская, пос. Царёво, д. Черныяково, д. Притыкино, г. Тотма) районов Вологодской области. Материалом послужили записи диалектной речи Саратовского диалектологического корпуса текстов. Пищевая традиция, представленная в речи наименованиями пищи и кухонной утвари, в настоящей статье рассматривается в дискурсивном аспекте: особое внимание уделяется рефлексивности диалектной речи. В поле зрения автора находятся метатекстовые комментарии, возникающие в контекстах с наименованиями пищи и кухонной утвари. Основной метод исследования – описательный, контекстный анализ единиц. В ходе анализа были выделены типы метаэлементов, возникающие в речи: метаэлементы, указывающие на специфику функционирования лексических единиц в речи (в том числе на территорию бытования, хронологическую маркированность, происхождение слова и т.д.), метаэлементы, употребляющиеся в контактоустанавливающей функции. Отмечается частотность контекстов, в которых актуализации подвергаются отношения мотивационно связанных слов. Показана основная функция лексических и структурных мотиватов в анализируемых контекстах: с их помощью диалектосители поясняют значение диалектных слов. Таким образом, исследование метаязыковых высказываний при изучении бытовой лексики, называющей элементы традиционной культуры, важно и необходимо. Метаязыковые высказывания, функционирующие в речи, транслируют знания диалектоносителей о пищевой традиции, репрезентируют динамические процессы, происходящие в лексике говора. Показано, что тема питания остаётся одной из важных тем диалектной коммуникации.

Ключевые слова: диалект, диалектное сознание, метаязыковая функция, пищевая традиция, внутренняя форма слова

Для цитирования: Жандарова А. Н. Метаэлементы в контекстах с наименованиями пищи и кухонной утвари (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 134–139. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-134-139>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Metaelements in contexts with food names and kitchen tools (Based on the material of the Vologda subdialects)

A. N. Zhandarova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anastasia N. Zhandarova, an.fedina2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3881-1119>

Abstract. The article examines food tradition that exists on the territory of Vytegor'sky (Megra) and Totem'sky districts in Vologda Oblast (Varnitsy village, Ivoilovo village, Pyatovskaya village, Glubokoe village, Myasokombinat village, Savino village, Sovinskaya village, Tsareva village, Chernyakovo village, Pritykino village, Totma). Research data is dialect recordings of Saratov dialectological text corpus. Food tradition, represented in speech by food names and kitchen tools, is analyzed in a discursive aspect in the article: we focus on the reflectivity of dialect speech. The author studies meta-textual comments in contexts with food names and kitchen tools. The main research method is descriptive, contextual analysis of the units. The following types of meta-elements are identified in the study: meta-elements indicating specifics of lexical units and their functioning in speech (including the territory of existence, chronological marking, word origin, etc.) and meta-elements used in the contact-establishing function. The author analyzes the frequency of contexts in which the relations of motivationally related words are actualized. The article deals with the main function of lexical and structural motivational units in analyzed contexts: dialect speakers use these units to explain the meaning of dialect words. Therefore, it is considered important and necessary to study meta-linguistic statements when analyzing vocabulary that names

elements of traditional culture. Meta-linguistic statements functioning in speech convey the knowledge of dialect speakers about food traditions, represent the dynamic processes occurring in the vocabulary of the subdialect. The study also shows that food tradition remains one of the important topics of dialectal communication.

Keywords: dialect, dialectal awareness, metalanguage functioning, food tradition, internal structure of the word

For citation: Zhandarova A. N. Metaelements in contexts with food names and kitchen tools (Based on the material of the Vologda subdialects). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 134–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-134-139>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рефлексивность диалектной речи неоднократно становилась объектом исследования лингвистов (работы О. И. Блиновой, А. Н. Ростовской, Е. В. Иванцовой, О. Ю. Крючковой, Н. В. Свешниковой, Е. Д. Бондаренко и др.).

Изучение рефлексивности речи не сводится только к рассмотрению разного рода метатекстовых элементов, представляющих рефлексивность поверхностного уровня (поясняющие высказывания, конструкции, характеризующие речь самим говорящим, и др.). Изучение рефлексивности речи как целостного явления возможно «при условии исследования языковых репрезентаций рефлексии как поверхностного, так и глубинного уровней речевого произведения» [1, с. 214]. К средствам репрезентации рефлексии глубинного уровня относятся «ключевая семантика текста, особенности его строения и аранжировки (тропы, прецедентные тексты), закономерности словотворчества» [1, с. 215].

Наше исследование базируется на изучении пищевой традиции, бытующей на территории сёл и деревень Вологодской области (см.: [2, 3]). Пищевая традиция репрезентируется в речи диалектоносителей наименованиями пищи и кухонной утвари. Материал, анализируемый нами, представляет собой сплошную выборку контекстов с темой «Питание», записанных саратовскими диалектологами на территории куста сёл Мегра и Тотемского района Вологодской области в 1976, 1980–1990-е, 2008–2018 гг.

Элементы пищевой традиции, вербализованные в речи диалектоносителей, часто сопровождаются метатекстовыми комментариями.

Метаязыковая информация хранится в сознании диалектоносителей как в *свернутой* форме – в виде заключенной в номинациях внутренней формы, так и в *развернутой* (текстовой) форме: присловьях, лингвистических дразнилках, рефлексивах и т.д. [4].

Анализ метатекстовых комментариев в рамках изучения пищевой традиции важен и актуален, поскольку «показание языкового сознания носителей говора» могут стать источником лексикологического изучения говора [5]. Комментарии подобного рода позволяют получить сведения об особенностях функционирования той или иной

единицы, территории её распространения, времени бытования в речи, этимологии, специфике деривационных связей и т.д.

Возникновение метатекстовых комментариев обусловлено ситуацией общения диалектоносителя и диалектолога как представителя «другой» культуры: «...внимание диалектоносителей к языку и речи обычно усиливается в тех коммуникативных ситуациях, когда общающиеся принадлежат к разным социальным группам и владеют заметно различающимися языковыми и/или культурными кодами» [7, с. 99].

К частотным по употребительности в речи диалектоносителей можно отнести **метаэлементы, указывающие на специфику функционирования лексической единицы**. В данной группе выделяются метаоператоры, подчёркивающие **временную характеристику** употребления слова: *раньше/ тогда звали/ называли, сейчас/ теперь называют/ зовём/ говорят, в те времена, по-старому, называли в детстве*. Использование данных метаоператоров в первую очередь связано с условиями коммуникации: чаще всего подобные единицы появляются в ответных репликах на вопросы диалектолога о прошлой жизни:

рубил/ раньше/ такая как/ сечка называлась/ была сечка// а теперь видишь уже нету/ нету представления/ ножиком/ а у нас есть/ мы с соседкой купили специальную эту вот/ такую (Мегра, 2011 г.);

– *Потом ели щавель/ называется киселикой мы называли в детстве.*

– Как?

– *Киселика/ так кисленька/ киселика/ ну а теперь щавелем называют/ но это одно и то же* (Мегра, 2009 г.);

– *Да// под горячий// свяжут и палкой всё выгребают оттуда// выгребают угли и пашут//*

– А чем пашут?

– *Помелом// раньше его так и называли* (Мегра, 2009 г.);

сейчас зовём оладьи/ а тогда шаньгами звали (Тотьма, 2017 г.);

в те времена были/ ну вот не салат а ви-негрет называлось/ свёкла вон у нас стоит/ замороженная/ тёртая/ теперь никто не едим (Тотьма, 2018 г.).

Среди **метаэлементов, указывающих на специфику функционирования слова**, выделяется группа метаоператоров, характеризующих **территорию** бытования единицы и маркирующих одновременно противопоставление своего и чужого: *по-деревенски, у нас зовут/ называют/ звали/ называли – у них зовут/ называют/ звали/ называли, у нас мода называть, по-нашему, здесь – там:*

пирог?/ *пекли калитки/ у нас мода вот все калитками называют* таки эдак// *то картошечны/ то... эти... твoroжны* (Мегра, 1980-е гг.);

– *Да/ а валёк-то видывали когда?*//

– Валёк? Скалка?

– Ну, скалка/ да//

– Валёк?

Ну у них своё наречие (Мегра, 2011 г.);

вы ж ходили в магазин тоже?// ведь в этот?// колокол брали?// тоже

по-нашему колокол (Мегра, 2013 г.);

– *А отличка вот у нас дак/ как вот это/ такая немножко разница есть// ну вот там/ к примеру у нас дак калитки звали/ а тут рогульки//*

– Как-как их тут называют?

– *Рогульки//*

– *Рогульки. А мы вот не слышали. Там вот в Верховье не говорят. Это какие же рогульки?*

– *Не говорят//*

– *Они говорят «калитки»?*

– *калитки// да некоторые говорят// вот я ездила и к сестре/ а там тоже рогульки говорят* (Мегра, 1980–1990-е гг.);

тонкие пироги с таких вот тоже сканцев/ просто сахар ложится в серединку и заворачиваются/ они получают полукруглые/ у нас так тонкими называют/ а я не знаю где как (Мегра, 2014 г.).

Часто метаэлементы имеют диффузную семантику: указывают как на хронологическую маркированность единицы (данное значение выражается грамматической формой глагола прошедшего времени), так и на её территориальное распространение (у нас):

творог конечно обязательно/ ну простокваша раньше мы ведь что тоже простоквашу/ на молоке жили дак/ молоко простокваша дак хлеба накрошим у нас звали крошанка (Мегра, 2014 г.).

Встречаются в речи метаоператоры, выражающие наряду с пространственно-временной характеристикой единицы важное для диалектоносителей концептуальное противопоставление «город – деревня». Напр., *по-старому* = *по-деревенски*:

раньше варили/ теперь-то/ самогоны-то/ всё говорят/ через аппараты.../ а у нас/ значит/ может быть не умеют/ а по-старому/ пиво называют/ ну если по-деревенски (Мегра, 2008 г.).

Отмечаются контексты, в которых диалектоносители противопоставляют названия реалий, распространенные в их речи, названиям литературным: используется метавысказывание *официальное название* для обозначения литературных единиц:

кубари/ кубари/ может быть да у них своё название какое-то официальное/ а так мы называем (Царёво, Тот. р-н, 2017 г.).

Некоторые метаэлементы позволяют прояснить происхождение диалектизм, при этом рассуждения диалектоносителя о происхождении единицы, омонимичности форм самостоятельны, не провоцируются наводящими вопросами диалектолога:

деревенскую здесь стряпню/ калитки здесь пекли помню/ калитка/ калитку «вроде отвори калитку» да/ а здесь калитка называется и говорят это по-фински/ да/ название это/ я вот читала/ в книге повара/ так это калитки не выдуманно здесь/ а это по-фински так (Мегра, 2014 г.).

Перечисленные выше метаоператоры, как правило, дифференцируют, служат различителями функционирующих в говоре диалектных и общерусских наименований реалий, лексики активного и пассивного употребления.

Выделяется группа контактоустанавливающих высказываний, помогающих диалектоносителю проверить понятность текста адресату – диалектологу: *Х знаете что такое? Представляете что такое Х?* После подобных метаконструкций часто следует развёрнутое толкование того или иного слова:

я обычно пекла пироги с капустой/ с яблоками/ ватрушки/ ватрушки-то знаете что такое?/ это такой небольшой пирог сверху творог (Мегра, 2014 г.);

калитки это такой делают... тонкие пироги знаете что такое?/ нет?/ вот не купила я были у нас тут в ларечке/ делают сканец/ тонкий-тонкий такой/ потом в серединку ложат картошку творог/ пшено/ кашу пшеничную/ и заворачивают крайчики (Мегра, 2014 г.);

– *Да как же не ходили?/ ходили!/ а раньше чего мы ели-то?/ на ка'цу грибов/ вы представляете что такое ка'ца-то?//*

– Нет.

– *Ну бочки/ дак может бочки-то может всё знаете?!/ у нас кадками.../ ка'цами их звали/ ка'ца/ грибов насолим шесть вёдер да// капусты насо.../ огурцов/ да всё насолим/ да картошки наростёт* (Пятавская, Тот. р-н, 2015 г.);

муку сеяли решетом// знаете какие решёта?/ есть у вас? (Мегра, 1980–1990-е гг.);

картошки/ принесут/ сидим кругом там/ ну таган знаете?// ну таган/ такой круглый/

вот как во...// и три ножки-то/ и вот сюда чугун-то становишь (Мегра, 2009 г.).

О. Ю. Крючкова отмечает: «Забота об эффективности коммуникации в условиях общения носителей различных культурно-коммуникативных кодов повышает рефлексивность речи диалектоносителя, и особенно в зонах, представляющих для говорящего особый интерес» [1, с. 217]. Приведённые примеры иллюстрирует данный тезис.

В речи диалектоносителей частотны высказывания, в которых актуализируются внутренняя форма слова (ВФС), мотивационные отношения между единицами. Под ВФС понимается «морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения» [7, с. 61].

Мотивация может выполнять в речи следующие функции: информативную, текстоформирующую, стилистическую, экспрессивно-эмотивную, метаязыковую [7, 8].

Появление в речи высказываний, актуализирующих ВФС, может быть обусловлено коммуникативными факторами. Актуализаторы ВФС могут возникать в естественной речи информанта спонтанно, а «могут быть спровоцированы вопросами собирателя материала» [9, с. 85]. Ситуации второго типа встречаются чаще: мотивация используется в ситуациях, когда необходимо осуществить перевод с одного кода на другой, а также в рамках лингвистического эксперимента [10]. Через использование мотивационно связанных пар слов, раскрытие их мотивировочных признаков даётся толкование диалектного наименования бытовой реалии [7]:

– Хлеб дак на воде// а пирожки дак эти пекли тоже больше наверное на воде/ в печи русской/ и с грибами/ и с ягодками пекли со всеми... да/ ничего нет/ да буде настряпает сочинёк/ **посоля́т**ся они в печке/ дак **солони́к** называется//

– Солони́к?

– Да/ **солони́к** называли/ пропитается **солью**/ да правда вкусно/ **солони́чок** (Тотьма, 2017 г.).

В классификации типов мотивации, предложенной О. И. Блиновой, выделяется текстовая и метатекстовая мотивация [7]. В основе деления лежит речевая сфера реализации мотивации – сфера текста или метатекста.

В исследуемом материале представлены оба типа мотивации. Чаще встречается текстовая мотивация, в таких контекстах мотивационно связанные слова возникают в речи спонтанно, в связанном рассказе о какой-либо реалии:

не/ наверх/ вот как ватрушки пекут сейчас/ наверх такой **ягодник** делают и наверх **ягоды**

полагают/ кругом крайчики/ чтоб не вытек **ягодник**/ а потом полагают на стол (Мегра, 1976 г.);

а потом **скалкой** такой **сканец** и туды рыбку кладе/ со солью кладе... да и это луковой травки либо луку накрошит ну и вот в печку напротив/ и это дак сушили тоже (Мегра, 2010 г.);

пиво-то деревенское/ ой девочки до чего вкусно было/ ага/ я **пива** не **пивала** вам честно говорю/ но вот туда де/ то курсы закончила да **выпила**/ дак там в ресторане приносили/ **пиво пивнула**/ не моё не хочу я (Тотьма, 2018 г.);

ну сливки снимал/ да сливки снимал или **охлёбки хлебал** это вот простокваша сливки это сверху сметана там **охлёбки**/ простокваша/ так сливки снимал или **охлёбки хлебал** (Тотьма, 2018 г.).

Метатекстовая мотивация возникает в контекстах-толкованиях, часто пары мотивационно связанных единиц сопровождаются метаоператором называется:

в печи когда топшь/ кирпичи нагреваются/ потом это угли в одну сторону/ а тут метёлочкой всё подмели/ помелом/ и этот **хлеб на поду**// называется **подово́й хлеб**/ вот/ очень вкусный хлеб (Тот. р-н, 2017 г.);

– А что из репы делали?

– Из репы?/ делали **пару**/ называется/ **парят** в печи (Мегра, 2014 г.);

В подобных контекстах связь между мотивирующей и мотивационной единицами диалектоносителями осознаётся и формулируется.

Среди наименований пищи и кухонной утвари представлена как лексическая, так и структурная мотивация. Лексическая мотивированность слова основана на соотнесённости слова с однокорневой лексической единицей, структурная – на соотнесённости с одноструктурной единицей [10]. По мнению О. И. Блиновой, к структурной мотивации относится также речевая актуализация видовых, родовидовых, дублетных смысловых связей между языковыми единицами, актуализация их антонимических отношений [7].

Е. Н. Топорова отмечает, что «для разных тематических групп лексики преобладающим оказывается какой-то определённый принцип номинации» [11, с. 7].

Так, лексическими мотиваторами для наименований пищи часто выступают глаголы, характеризующие способ приготовления пищи (**пару парили**; **сущику насушим** вот окуней таких ловят так и **сущику насушат**); существительные, прилагательные со значением вкуса (**киселика**/ так **кисленька**), цвета (**краснухи** так это **сыроежки красные**/ краснухи их называем), существительные-наименования основного продукта (начинки) блюда (**рассказывали что**

творог уж много **творогу** в квашни кладовали да прижим кладовали дак/ а мы что сделаем/ да съедим ды/ настряпаем калиток/ настряпаем **творожников**; пирог **рыбник** это с **рыбой**).

Для наименований кухонной утвари основными лексическими мотиваторами выступают глаголы, характеризующие функцию, выполняемую данным предметом (и там такая **сеяльница**/ и там **сеяли** мы).

Структурная мотивация в анализируемых нами контекстах частотна при перечислении видовых наименований реалий, например, разновидностей хлеба, пирогов, грибов, ягод и др.:

– А ещё что пекли? Хлеб пекли сами?

– **Хлеб пекли/ овсяники пекли/ житники пекли/ гороховики пекли** (Мегра, 1980–1990-е гг.);

– А грибы какие у вас есть?

– **Грибы/ сейчас будет белый гриб/ подосиновик/ подберёзовики в первую очередь/ а потом уже в сентябре на зиму заготавливаем дак/ от/ рыжик/ серянка/ волнушка** (Мегра, 1980–1990-е гг.).

Несмотря на представленные выше контексты, в которых актуализируется метаязыковая информация о лексических единицах, отмечаются примеры со слабо развитой метаязыковой рефлексией. Примеры данного типа осознания речи уже были описаны в работах В. Е. Гольдина, О. Ю. Крючковой [12, 6]. В контекстах с темой «Питание» такие ситуации также встречаются: диалектоносители переходят с «метаязыковой темы на обсуждение обозначаемой словом ситуации» либо отождествляют слово и предмет [7, с. 99].

– *Сметану-то сверху с простокваши-то/ кладешь в миску/ вот **мутовка**/ и помешаешь//*

– Мутовка – это что?

– *Вот **мутовка**/ гляди у дедка сделана// и мешаешь и масло* (Мегра, 1980–1990-е гг.).

В диалоге, на протяжении которого диалектолог пытается выяснить значение глагола *скать*, репрезентирован «переходный тип осознания речи» (см.: [6]), поскольку информант долгое время не может сосредоточиться на осознании слова, а в конце диалога все-таки обнаруживает элементы метаязыковой рефлексии, приводит ещё одно значение слова *скать*, указывая на его лексическую сочетаемость (*нитки скёшь*):

– А вот ещё говорят «скать». Это вот что это «скать»?

– *Скать/ скать//*

– Что это значит?

– *Калитки/ калитки/ калитки//*

– Да?

– *Пекут лепёшки такие//*

– Ну?

– *Ну/ вот такой **сканец** делают/ ну и **скут** его//*

– А что значит «скут его»? Как это его?

– *С теста/ делают тесто//*

– Он круглый? Круглый?

– *Ну/ круглый/ ведь как скать будешь/ если умеешь/ так круглые выйде/ а если не умеешь/ так четырёхугольные//*

– А вот если, как булка, вот такой вот. У вас не делают такой?

– *Бывают/ почему же?//*

– А про него можно сказать «скать»?

– *Ну/ так вот тот делают просто с теста дак/ в сковороду/ и выходит булка//*

– Угу. Ну, не говорят, что «я поскала булку»?

– *Нет//*

– Это только про сканцы?

– *Ну это только про **сканец**//*

– Это значит, калитку.

– *Ну//*

– Вот скёшь?

– *Вот там как раз/ нитки скёшь ещё* (Мегра, 1980–1990-е гг.).

При этом в речи могут встречаться мотивационно связанные пары слов (*сканец скут*), но носителями диалекта данные семантические связи не осознаются.

Таким образом, метаязыковая информация, представленная в речи диалектоносителей в виде метавысказываний, актуализации мотивационных отношений между единицами, является важным источником при лексикологическом изучении говора. Показания метаязыкового сознания носителей диалекта о динамических характеристиках слова (его хронологической маркированности), территории его бытования, специфике функционирования единицы также говорят о степени актуальности и сохранности в речи той или иной тематической группы лексики. Тема питания как одна из базовых тем диалектной коммуникации остаётся важной: знания информантов о прошлом и настоящем пищевой традиции транслируются в речи с помощью диалектной и общерусской лексики в сопровождении системы метаязыковых высказываний.

Список литературы

1. Крючкова О. Ю. Рефлексивность диалектной речи // Язык. Сознание. Культура. Социум : сб. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. памяти И. Н. Горелова. Саратов : ИЦ «Наука», 2008. С. 214–223.
2. Жандарова А. Н. Пищевая традиция в народно-речевой культуре : продукты, блюда, напитки (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 423–428. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-4-423-428>

3. Жандарова А. Н. Наименования кухонной утвари как элементы пищевой традиции (на материале вологодских говоров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-2-136-140>
4. Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М. : Индрик, 2021. 584 с.
5. Блинова О. И. Носители диалекта – о своем диалекте (об одном из источников лексикологического исследования) // Сибирские русские говоры : сб. ст. / отв. ред. В. В. Палагина. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. С. 3–15.
6. Крючкова О. Ю. Шкала осознания речи как показатель динамических процессов в диалектной коммуникации и сознании диалектоносителей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (209). С. 96–103. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-3-96-10>
7. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. 392 с.
8. Найдён Е. В. Функции мотивационно связанных слов в народно-разговорной речи (на диалектном материале) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 22 с.
9. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. 312 с.
10. Наумов В. Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 298 с.
11. Топорова Е. Н. Лексическая мотивированность в говорах Русского Севера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 19 с.
12. Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Заметки о речи устной, речи бесписьменной и языковом сознании диалектоносителей // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М. : [Б.и.], 2017. С. 262–271.

Поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 15.01.2022
The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 15.01.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 140–144

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 140–144

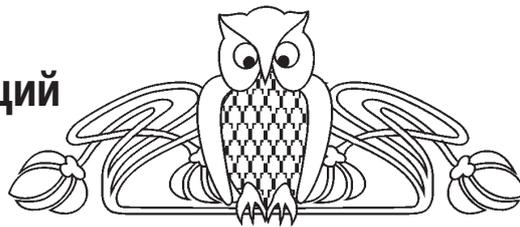
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-140-144>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Цветаева

О специфике атрибутивных конструкций в текстах М. Цветаевой

С. А. Губанов

Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», Россия, 443030, г. Самара, ул. Г. С. Аксакова, д. 21

Губанов Сергей Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков, gubanov5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Аннотация. Статья посвящена описанию специфики атрибутивных конструкций (эпитетных комплексов) в текстах М. Цветаевой. Материалом для проведения данной работы послужили Собрание сочинений поэта, а также Словарь поэтического языка. Целью работы являлось установить структурные и семантические идиостилевые черты конструкций, содержащих слова признаковой семантики в текстах поэта. В исследовании устанавливается, что в идиостиле М. Цветаевой признаковые словосочетания и атрибутивы занимают одно из ведущих мест; некоторые семантические группы эпитетов (цветовые, эмоциональной оценки и некоторые другие) и концепты, определяемые слова, отражают концептуальную поэтическую картину мира. В процессе анализа языкового материала были выявлены закономерности в сочетаемости эпитетов и определяемых объектов. Сделан вывод о преобладании окказиональных форм эпитетов антропоморфной семантики в составе атрибутивных конструкций. В работе доказывается, что выявленные в ходе анализа структурно-семантические особенности атрибутивных конструкций отражают в текстах М. Цветаевой специфику мировосприятия поэта, построенного на эмоциональности, особой экспрессивности. Такие конфигурации эпитетных комплексов, которые построены на повторах эпитетов, их зеркальном семантическом отражении, фонетическом подобию, составляют яркую черту текстов М. Цветаевой. Отмечается, что исследование эпитетного комплекса как семантического единства эпитета и определяемого слова (объекта эпитетации) составляет важный этап в изучении идиолекта поэта. Делается заключение о необходимости дальнейшего лингвистического анализа корпуса эпитетов и атрибутивных конструкций в текстах М. Цветаевой с целью многоаспектного описания языковой специфики идиостиля поэта, что послужит незаменимым вкладом в теорию эпитета и цветаеведение.

Ключевые слова: эпитет, атрибутивная конструкция, идиостиль, концепт, поэтика, Марина Цветаева

Для цитирования: Губанов С. А. О специфике атрибутивных конструкций в текстах М. Цветаевой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 140–144. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-140-144>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the specific features of attributive constructions in the texts of M. Tsvetaeva

S. A. Gubanov

Samara State University of Public Administration «International Market Institute», 21 G. S. Aksakova St., Samara 443030, Russia

Sergey A. Gubanov, gubanov5@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>

Abstract. The article deals with the description of the specific features of attributive constructions (epithet complexes) in M. Tsvetaeva's texts. The Collected Works of the poet, as well as the Dictionary of Poetic Language served as the material for this research. The purpose of the research was to establish the structural and semantic idiostyle features of constructions containing words of attributive semantics in the poet's texts. The research establishes that in the M. Tsvetaeva's idiostyle, characteristic phrases and attributes occupy one of the leading places; some semantic groups of epithets (color, emotional evaluation and some others) and concepts defined by words reflect the conceptual poetic picture of the world. In the process of analyzing the linguistic material, consistent patterns were revealed in the compatibility of epithets and defined objects. The conclusion has been drawn on the predominance of occasional forms of epithets of anthropomorphic semantics as part of attributive constructions. The paper proves that the structural and semantic features of attributive constructions revealed during the analysis reflect in M. Tsvetaeva's texts the specific features of the poet's worldview, built on emotionality, particular expressiveness. Such configurations of epithet complexes built on repetitions of epithets, their mirror semantic reflection, phonetic similarity, are a striking feature of M. Tsvetaeva's texts. It is noted that the investigation of the epithet complex as a semantic unity of the epithet and the defined word (the object of epithetation) is an important stage in the study of the poet's idiolect. The conclusion is made about the necessity for further linguistic analysis of the corpus of epithets and attributive constructions in the M. Tsvetaeva's texts in order to provide a multidimensional description of the linguistic specificity of poet's idiostyle, which will serve as an indispensable contribution to the epithet theory and the study of Tsvetaeva's oeuvre.

Keywords: epithet, attributive construction, idiostyle, concept, poetics, Marina Tsvetaeva

For citation: Gubanov S. A. On the specific features of attributive constructions in the texts of M. Tsvetaeva. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 140–144 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-140-144>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эпитет является традиционным объектом изучения в лингвистике и поэтике [1, с. 130]. Сложилась устойчивая проблематика в изучении художественного определения, написано большое число исследований, посвященных различным аспектам анализа семантики и структурных разновидностей эпитетных слов [2, с. 213]. Основными проблемными участками эпитетологии признаются такие, как дефиниция эпитета, его типология, роль в идиостиле эпохи, литературного направления или авторском идиолекте. Вместе с тем следует отметить, что изучение данного тропа в абстрагировании от других выразительных средств языка не представляется возможным – именно по этой причине возникли гибридные термины «метафорический эпитет» или «метонимический эпитет» [3, с. 303]. Сформированность четкого терминологического аппарата определенной отрасли научного знания говорит о высоком уровне ее развития; в гуманитарных науках зачастую нет такой четкости. Не стал исключением и объект нашего исследования.

В настоящей работе подвергается анализу эпитетное слово, или эпитет, под которым понимаем любое слово признаковой семантики, способное в контекстуальном окружении (чаще всего в рамках художественного или публицистического дискурсов) приобретать дополнительные, по сравнению с денотативным компонентом семантики, оттенки значения. Большинство эпитетных слов составляют прилагательные, наречия, но частеречной закрепленности за эпитетом, на наш взгляд, не существует. По этой причине мы придерживаемся широкого понимания эпитета и применяем термин «эпитетное слово», подчеркивая тем самым его стилистическое значение в тексте, функцию характеристики в широком смысле, далеко не всегда образную, но и оценочную, экспрессивную, эмоциональную и др.

Подчеркнем, что эпитет всегда функционирует в составе конструкции, представляющей собой единство определяемого слова (в эпитетологии его принято называть объектом эпитетации) и самого определения (эпитетного слова), которое именуется эпитетным комплексом. Несмотря на нечастое употребление данного термина, нам оно представляется важным, поскольку оба компонента такого единства взаимообусловлены структурно и семантически, во многом закономерности их сочетаемости раскрывают специфику употребления признаковой лексики автором текста.

Атрибутивные конструкции представляют собой также сочетание определения и определяемого, отличаясь от понятия эпитета более широкой сферой функционирования: к ним относятся все языковые формы выражения признака (генитивные конструкции, аппозитивы, компаративные обороты признаковой семантики и т.д.). Чаще термин «атрибутивная конструкция» применим в американской лингвистике, но при широком понимании эпитета данный термин и художественное определение могут быть практически приравнены друг к другу. Альтернативным понятием является предложенный Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным термин «качественная доминанта текста», служащая средством актуализации содержания, выдвижения признака [2, с. 213].

В рамках данного исследования мы не склонны применять не совсем прижившиеся в науке понятия для обозначения широкой трактовки художественного определения, в частности, такие как «квазиэпитет», «эпитетоид» [4, с. 140]. Нестандартные, нетипичные способы выражения эпитетов, такие как сравнительные обороты, причастные и деепричастные формы глагола, числительные, местоимения, междометия, могут быть отнесены к атрибутивным конструкциям, имеющим контекстуальное значение признака, поэтому вводить новые термины представляется нам не совсем полезным для теории эпитета. В дискурсологии применяется термин «мегаэпитет», под которым понимается представленный в дискурсе эпитет, характерный для типа высказывания, имеющий гипероним, но в эпитетологии он именуется распространенным цепочечным эпитетом [5, с. 95]. С другой стороны, работы, выполненные в русле когнитивной семантики, раскрывающие механизмы образования переносных значений в составе атрибутивных конструкций, являются на данный момент очень востребованными [6, с. 112].

Целью представленной работы стало выявление специфики языкового оформления атрибутивных конструкций на материале текстов М. Цветаевой и их роли в общей стилистической системе ее идиолекта. Для решения поставленной цели необходимо отобрать подобные конструкции, классифицировать их по структурным и семантическим критериям, выявить общепоэтические и окказиональные эпитеты, проанализировать связь частотности выделенных типов эпитетов и их конфигураций с авторской интенцией, поэтическим мышлением.

Материалом для анализа послужили Собрание сочинений поэта в семи томах, а также «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», в котором собраны все словоупотребления, отобранные из ее стихотворений и поэм. Количество собранного методом сплошной выборки материала составило 4725 единиц атрибутивных словосочетаний.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что атрибутивные конструкции составляют ядерную часть идиолекта поэта; они отражают особенности поэтического мышления М. Цветаевой, состоящие в сознательном отборе слов антропоморфной семантики в составе эпитетных комплексов. Данная тенденция связана со спецификой восприятия мира поэтом, повышенной эмоциональностью, стремлением вместить в себя весь мир, пережить все обостренным языковым чутьем и связанным с ним окказиональным словотворчеством.

Цветаеведение давно избрало предметом своего описания в том числе атрибутивные конструкции [7, с. 74]. В ставших классическими трудах Л. В. Зубовой, О. Г. Ревзиной и других исследователей языка М. Цветаевой отмечаются особенности работы поэта с признаковой лексикой [8, с. 6]. В предисловии к «Словарю поэтического языка...» О. Г. Ревзина выделяет атрибутивные конструкции в отдельный объект изучения: «...в их анализе обращается особое внимание на то, как общезыковое сочетание преобразуется в поэтическое» [9, с. 30]. Справедлива ее мысль о том, что во многом окказиональные атрибутивы необходимы М. Цветаевой, чтобы выразить необходимый смысл: это не отражение избыточности языка, а закономерная номинация объекта или его свойства, это выражение свободы поэтического гения, свободы слова [10, с. 5]. Многие эпитеты словно балансируют на грани атрибутивных и предикативных конструкций, расширяют свою лексико-синтаксическую сочетаемость и т.д.

А. В. Громова именуется признаковые конструкции в творчестве М. Цветаевой атрибутивными регулятивными структурами, которые повторяются в текстах автора и призваны передать макроцель интенции поэта [11, с. 46]. Как бы то ни было, ученые подчеркивают заметную роль эпитетных слов в идиостиле рассматриваемого художника слова.

Перейдем к рассмотрению специфических форм выражения атрибутивных конструкций в текстах М. Цветаевой. «Словарь поэтического языка...» фиксирует большое число общепозитических определений (более 3000 единиц: *сильный ветер*), эпитеты в составе устойчивых конструкций (около 1800 единиц: *мертвая тишина*) и окказиональные эпитеты (855 единиц:

битвенные небеса) [12]. Если же брать более развернутые контексты, содержащие атрибутивные конструкции, как из стихотворений и поэм, так и из прозы, то можно детально проанализировать способы и типы смещения значений у эпитетов и цель таких преобразований.

Вначале охарактеризуем структурные особенности оформления атрибутивных конструкций. Обращая внимание на специфические формы атрибутов, выделим следующие типы построения эпитетных комплексов.

1. Препозиция одного или нескольких эпитетов, сразу обращающих на себя внимание и актуализирующих необходимый признак: *любовный голод* [12], *Легкий и ласковый / Воздух над пропастью* [13, т. 2, с. 67]; *надежная ржавая тишь* [13, т. 2, с. 106].

Особенно выразительны конструкции, в которых содержится два субстантива, первый из которых метафорически определяет второй, основной, – в таком случае эпитет распространяется на «метафорический объект»: *брезгливая грусть уст, короткие крылья волос, жимолость нежных тел, гадательные дробы недель, сплошная маслбойня света*.

2. Постпозиция эпитета/эпитетов, также обращающих на себя внимание за счет своего синтаксического положения: *Под лугом – гневным и древним* [13, т. 2, с. 17]. Наверное, является самой традиционной, но и здесь, как видно из примера, происходит соположение двух признаков на основе фонетического подобия, созвучия.

3. Интерпозиция объекта эпитетации («окружной» или «окаймляющий» эпитет) в атрибутивной конструкции является наиболее выразительной: в ней функция определения объекта удваивается, второй эпитет становится в какой-то степени предикатом. Основная цель употребления «окаймляющих» определяемое слово эпитетов – привнести как можно больше оценочных авторских характеристик и словно отобразить ход мысли, подбор определений: *ладанный слеполетейский мрак маковый* [13, т. 2, с. 124]; *условный сон праведен* [13, т. 2, с. 129]; *голубиный рокот тихий* [13, т. 1, с. 381].

Перечисление нескольких признаков в постпозиции передает многозначность образа: *в сновиденный час мой бессонный, совиный* [13, т. 1, с. 255]; *в детской памяти струнной, донной* [13, т. 3, с. 117].

Совмещение объекта эпитетации и его метафорического обозначения путем характеристики обоих субстантивов эпитетами создает объемный сложный образ: *жесткий бич потусторонних встреч* [13, т. 2, с. 204].

Окказиональны многие слитные и дефисные написания составных эпитетов, призванных

передать сложный признак и потому воспринимаемых автором как нераздельные слова: ...*мило, сердечно, любовно-по-отцовски* – «однорукый комендант» [13, т. 6, с. 550].

Предикативно-атрибутивная функция эпитетных комплексов реализуется в фольклорных текстах поэта так называемыми слитными, или блочными конструкциями, представляющими собой несколько спаянных слов разных частей речи и записанных с помощью дефиса/дефисов:

Не орел с орлицей / В спор-вступили-схват [13, т. 3, с. 257]; *То спесь-ее-льдина / Слезой взошла* [13, т. 3, с. 237].

Несколько описанных выше структурных разновидностей атрибутивных конструкций, выделенных нами в текстах М. Цветаевой, демонстрируют необычные способы выражения сложного признака, оценочно и метафорично осмысляемого.

Так называемое «отзеркаливание» эпитета и определяемого слова строится на повторе или обыгрывании их корней или на паронимическом сближении (аттракции): *Дачи пустующие! Как мать / Старую – так же чту их. / Это ведь действие – пустовать: / Полое не пустует* [13, т. 3, с. 45].

Семантическая специфика атрибутивных конструкций проявляется в неизменной актуализации признака, который помещается в сильное место высказывания, в начало фразы. Признак может быть сложным и включать эпитеты антонимической семантики, объединенные союзом «и», отражая единство противоположностей: *Пастернак и Лермонтов. Родные и врозь идущие, как два крыла / Я – глаза твои. Совиное / Око крыш* [13, т. 5, с. 234].

Яркой идиостилевой чертой языка текстов М. Цветаевой выступает преобладание антропоморфных образов, в том числе в составе атрибутивной лексики. С помощью метафорического обозначения практически любого объекта действительности на основе уподобления его телу человека или его эмоциям, духовной жизни происходит рождение переносного эпитета. Например, такие выражения, как *дерзкие завитки ресниц, ревнивый ветер, сонный сон, неласковый дом, верный стол* и многие другие, показательны в плане образования переносных образных эпитетов.

Как показывает отобранный материал, когнитивная логика образования таких переносов довольно непростая. Изначально происходит метонимический перенос с человека как целого и присущих ему свойств (эмоциональность, психологическое состояние, черта характера: *ленивый, ревнивый, радостный* и т.д.) на часть его тела или смежный с ним объект (артефакт или натурфакт).

В узуальном употреблении похожие выражения, такие как *печальный взор, радостный дом*, потеряли метафоричность и воспринимаются как стертая метонимия; в нашем материале они тоже присутствуют. Но хочется отметить, что логика метонимии распространяется дальше, на более частные участки концепта (не ресницы, а завитки ресниц), отчего атрибутивные конструкции становятся образными. Второй этап, следующий за метонимизацией, представляет собой метафоризацию данного выражения, что проявляется в образном его восприятии и кажущемся на первый взгляд метафорическом эффекте. Действительно, читателю данные фразы покажутся метафорами, яркими переносными эпитетами; при лингвистическом же анализе прослеживается логика данных переносов, имеющая две стадии: метонимическую и метафорическую (заметим, что об этом упоминали и О. Г. Ревзина, и другие цветаеведы, недостаточно развивая данную проблематику в своих работах) [9, 10].

Подведем некоторые итоги. Как можно было убедиться из анализа некоторых конфигураций и семантических разновидностей атрибутивных конструкций, в текстах М. Цветаевой ярко представлены нетипичные формы выражения признака, по большей части окказиональные. Данная тенденция обусловлена такой чертой индивидуального стиля поэта, как свобода, «безмерность» в проявлении чувств, настроений, антропоморфичным и метонимическим характером мышления, что находит отражение в признаковых номинациях.

С точки зрения структуры в текстах Цветаевой много атрибутивных конструкций, содержащих различные усилители выражения признака, актуализаторы его семантики. Средствами выдвижения необходимого смысла становятся фонетическое подобие слов, входящих в эпитетный комплекс, их паронимическое сближение (аттракция, в терминологии Л. В. Зубовой), корневые сближения эпитетов или эпитета и объекта эпитетации, словно зеркально отображающиеся друг в друге, и т.д. Когнитивным механизмом образования многих оценочных и переносных эпитетов выступает метонимический способ образного моделирования эпитетного слова, при котором происходит перенос с целого на часть. Перенос происходит чаще всего в рамках концептополя человека. Атрибутивные единицы текстов поэта убеждают в сложном переплетении метафоры и метонимии в процессе порождения эпитетов, но метафора представляется поверхностным слоем, тогда как метонимия – имеющей «большую глубину залегания» [9, с. 40].

Перспективы проведенного исследования видятся в дальнейшем описании не только атри-

бутивных, но и других именных и глагольных языковых единиц, системно репрезентирующих специфику авторского идиостиля М. Цветаевой.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М. : Флинта ; Наука, 2002. 384 с.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : Учебник ; Практикум. М. : Флинта ; Наука, 2006. 496 с.
3. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов : учеб. пособие для студентов вузов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 320 с.
4. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
5. Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.
6. Кубаева Ф. Р. О когнитивно-семантических параметрах сочетаемости признаков слов с существительными в перенесенном эпитете // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 111–115.
7. Губанов С. А. Теория эпитета : основные подходы. Самара : ПД «ДСМ», 2016. 144 с.
8. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой : Лингвистический аспект. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 264 с.
9. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю. И. Белякова, И. П. Оловянников, О. Г. Ревзина : в 4 т. Т. 1. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. С. 5–40.
10. Ревзина О. Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю. И. Белякова, И. П. Оловянников, О. Г. Ревзина : в 4 т. Т. 2. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. С. 5–40.
11. Громова А. В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М. И. Цветаевой) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 6 (96). С. 46–49.
12. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. Ю. И. Белякова, И. П. Оловянников, О. Г. Ревзина : в 4 т. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.
13. Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Эллис-Лак, 1994–1995.

Поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 145–150
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 145–150
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150>

Научная статья
УДК 811.161.1'42

Авторизирующие конструкции самоупоминания в оценочном научном дискурсе

Е. Ю. Викторова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Викторова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и переводоведения, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Аннотация. В статье анализируется функционирование авторизирующих конструкций – речевых единиц, содержащих «голос автора», авторских самоупоминаний, содержащих личное или притяжательное местоимение 1-го лица (*я; мы; меня; мне; нам; нас; мой; наш*) – в оценочном научном дискурсе. К авторизирующим единицам относятся двусоставные конструкции (*мы считаем; мы полагаем; как мы хорошо знаем; я уверен*), односоставные (*допускаю; заметим; согласимся*), конструкции с местоимениями в косвенных падежах (*нам кажется; у меня замечание; нам думается*) и с притяжательными местоимениями (*на наш взгляд; с моей точки зрения; по нашему мнению*). Исследование основано на анализе 64 отзывов официальных оппонентов и ведущих организаций по лингвистике, литературоведению, истории, химии, физике и медицине. Авторизирующие конструкции исследуются как часть так называемого дискурсивно-прагматического каркаса коммуникации, образуемого дискурсивными – единицами вспомогательного коммуникативного уровня, обеспечивающими организацию коммуникации с точки зрения ее логичности, связности, последовательности, композиции и регулируемыми взаимодействием автора и адресата. Цель исследования – выявление качественных и количественных особенностей функционирования авторизирующих конструкций в жанре отзыва на диссертацию и факторов, обуславливающих их употребление. Авторизирующие конструкции самоупоминания в оценочном научном дискурсе используются с целью создания экологичной, позитивной коммуникации: они снижают категоричность отрицательно оценочных суждений, акцентируют внимание на положительных аспектах рецензируемого исследования, создают ощущение солидарности с адресатом и в целом способствуют усилению воздействия в рамках научной коммуникации. В качестве основных факторов, обуславливающих специфику употребления этих единиц, выделены научная сфера (дисциплина), жанр научного дискурса и гендер. Выявлено, что конструкции самоупоминания более частотны в отзывах гуманитариев по сравнению с отзывами ученых естественнонаучных отраслей. При этом доказывается, что *мы*-конструкции значительно преобладают над *я*-конструкциями, а мужчины используют авторизирующие конструкции чаще, чем женщины.

Ключевые слова: авторизирующие конструкции самоупоминания, дискурсивы, дискурсивные слова, научный дискурс, речевой жанр, отзыв на диссертацию, гендер

Для цитирования: Викторова Е. Ю. Авторизирующие конструкции самоупоминания в оценочном научном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 145–150. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Self-mentions in evaluating academic discourse

E. Yu. Viktorova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena Yu. Viktorova, helena_v@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Abstract. The article presents the analysis of Russian self-mentions – elements of authorization comprising “the voice of the author” – in evaluative academic discourse. These are phrases containing first person personal pronouns and possessive pronouns (*я; мы; меня; мне; нам; нас; мой; наш*). Self-mentions include two-member constructions (*мы считаем; мы полагаем; как мы хорошо знаем; я уверен*), one-member constructions (*допускаю; заметим; согласимся*), phrases with pronouns in oblique cases (*нам кажется; у меня замечание; нам думается*) and possessive pronouns (*на наш взгляд; с моей точки зрения; по нашему мнению*). The research is based on 64 official review reports given by official opponents and external reviewers to dissertations on linguistics, literary criticism, history, chemistry, physics and medical science. Self-mentions are regarded as part of the so-called pragmatic framework of communication formed by discourse markers – elements of the supplementary level of communication providing the setup of the discourse in the context of its logical arrangement, cohesion, consecution, composition and regulating the interaction between the author and the addressee. The research aims at the qualitative and quantitative analysis of the use of self-mentions in the speech genre of the dissertation review report and attempts to determine the factors influencing this use. Self-mentions used in evaluative

academic discourse help create the effect of ecological, positive communication: they are viewed as hedges which subdue the critical stance of the report's contents or as boosters which highlight the achievements of the reviewed research, create the atmosphere of closeness and solidarity with the addressee and on the whole enhance the persuasive effect within academic communication. Among the factors determining the use of self-mentions the author of the article singles out the academic sphere (discipline), the genre of academic discourse and gender. The research proves that self-mentions are more typical of reviews written by humanitarians than by natural scientists. It is also shown that *we*-self-mentions prevail over *I*-self-mentions and men use self-mentions more frequently than women.

Keywords: self-mentions, self-mention markers, discourse markers, academic discourse, speech genre, dissertation review report, gender

For citation: Viktorova E. Yu. Self-mentions in evaluating academic discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 145–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная коммуникация глубоко оценочна по своей сути. Все публикуемые научные труды так или иначе подвергаются официальной или неофициальной оценке со стороны научных руководителей, рецензентов, оппонентов, редколлегий журналов или издательств и всей научной общественности в целом. Все присуждаемые научные степени и звания тоже являются результатом оценки научной деятельности кандидатов. Поскольку научная коммуникация публична, то любое научное произведение открыто для потенциального критического отклика.

Оценочный научный дискурс является важной частью научного дискурса в целом. Он вторичен по отношению к собственно научному дискурсу, поскольку создается как реакция на последний. Оценочный научный дискурс существует как в качестве отдельных научных жанров (отзыва и рецензии), так и в качестве фрагментов собственно научных жанров (статей, диссертаций, монографий), содержащих критический анализ работ других исследователей. Данное исследование посвящено функционированию авторизирующих конструкций самоупоминания в русскоязычных официальных отзывах на диссертацию.

В качестве *материала исследования* были использованы 64 русскоязычных отзыва на кандидатские и докторские диссертации, представленные к защите по различным специальностям в таких науках, как лингвистика, литературоведение, история, физика, химия и медицина. Были отобраны отзывы, написанные учеными-мужчинами и учеными-женщинами, приблизительно в равном объеме. Источники материала – сайты диссертационных советов Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (<https://www.sgu.ru/research/dissertation-council/>) и Саратовского медицинского университета им. В. И. Разумовского (<http://www.sgmu.ru/sci/dissov/>). Общий объем исследованного материала – более 90 000 словоупотреблений. *Цель исследования* – провести количественный и качественный анализ функционирования авторизирующих конструкций самоупоминания в отзывах на диссертацию и на его основе выявить факторы, влияющие на употребление этих единиц в данном речевом жанре.

Авторизирующие конструкции самоупоминания исследуются нами в рамках изучения так называемого дискурсивно-прагматического каркаса коммуникации, который, как показали предыдущие исследования [1–4], в разных сферах коммуникации и в разных речевых жанрах имеет свою специфику. Дискурсивно-прагматический каркас коммуникации образуют дискурсивы – единицы вспомогательного коммуникативного уровня, ориентированные не на передачу основного фактуального содержания речи, а на организацию коммуникации с точки зрения ее связности, логичности, последовательности и на регулирование взаимодействия автора и адресата [2]. Авторизирующие конструкции относятся нами к дискурсивам-регулятивам, через которые, главным образом, осуществляется выражение авторской позиции и которые играют важную роль в реализации диалогичности коммуникации.

Авторизирующие конструкции или сигналы самоупоминания (в англоязычной литературе известны как *self-mention markers* или *self-mentions* [5–7]) – это дискурсивы, так или иначе содержащие «голос автора». К авторизирующим мы относим все дискурсивы, в которых содержатся личные или притяжательные местоимения 1 лица ед. и мн. числа (*мы, нам, нас, нами, наш, я, мне, меня, мной, мой*). Это могут быть как двусоставные конструкции (*мы считаем / полагаем / находим / допускаем / понимаем / надеемся; как мы хорошо знаем; мы вправе задаваться вопросом; я бы порекомендовал; я уверен*), так и односоставные (*согласимся; отметим; заметим; подчеркнем; как видим; обратим внимание; подозреваю; выскажу замечание; подчеркну; допускаю*), конструкции с местоимениями в косвенных падежах (*нам кажется / представляется / думается / видится; это подводит нас к пониманию; у меня замечание; как мне кажется*) и с притяжательными местоимениями (*на наш взгляд; с нашей точки зрения; по нашему мнению; на мой взгляд*). (В отношении употребленного нами термина «односоставные предложения» заметим, что в современной «Русской грамматике» предложения с глаголом в настоящем и будущем времени и опущенным местоимением (*полагаем; согласимся; подчерк-*

нем) в силу эксплицитно выраженных в них всех предикативных категорий – лица, времени, наклонения – относят к двусоставным (<http://www.rusgram.narod.ru/1952-1959.html>). Тем не менее, многие русисты традиционно называют такие предложения определенно-личными односоставными [8, 9]. Мы склонны согласиться со второй точкой зрения.)

Пермские исследователи М. П. Котюрова и Е. А. Баженова называют авторизирующие конструкции эго-номинациями [10]. Но эти единицы нужны не только для собственно упоминания автором самого себя, не только для авторизации, но и для других целей. Часть авторизирующих конструкций синкретично выполняют функцию акцентива, т.е. усиливают, подчеркивают, выделяют сказанное: *подчеркну, обратим внимание, отметим*. Другие, напротив, снижают, смягчают категоричность речи (*как нам показалось, осмелимся предположить, как мы понимаем, мне кажется, мы допускаем, допустим, предположим*). Строго говоря, любой акцент автора на своем мнении, точнее, обозначение какого-то суждения не как объективной истины, а именно как своего мнения, является так называемым хедж-маркером [7], с помощью которого смягчается категоричность суждения, сужается сфера ответственности автора, а изложение приобретает личностную окраску. Снижение категоричности суждения в оценочном научном жанре представляется особенно важным, так как жанр отзыва, поскольку он может и должен содержать критические суждения, является потенциально травматичным и неэкологичным [11], т.е. способным вызывать отрицательные эмоции, причем не только у автора рецензируемого научного труда, но и у всех, кто его читает или слушает. Поэтому нормы научной этики требуют сообщать негативную информацию в сдержанной, косвенной, некатегоричной форме. Этой цели как раз и служат многие дискурсивы, в том числе и авторизирующие конструкции.

Для исследования были отобраны отзывы на диссертацию официальных оппонентов и ведущих организаций. Отзывы ведущих организаций привлекались к исследованию только в случае указанной в них фамилии автора отзыва и если авторство этих отзывов было единоличным. В ходе анализа всего было зарегистрировано 194 авторизирующие конструкции.

При сравнении частотности авторизирующих конструкций в отзывах на диссертацию с другими научными жанрами, например научными статьями, было выявлено, что в отзывах этих единиц немного меньше, чем в статьях: 2,4 авторизирующих конструкций на 1000 словоупотреблений в статьях и 2,2 – в отзывах (анализ авторизирующих конструкций в статьях и других

научных жанрах см.: [2–4]). Возможно, это связано с более формальным характером отзывов и гораздо более строгим соблюдением требований к их написанию по сравнению с требованиями, предъявляемыми к статьям. Причем данные требования касаются как фактуального содержания этого научного жанра, так и его оформления, для которого используются в том числе и дискурсивы, а значит, и конструкции самоупоминания.

Проведенный количественный анализ показал, что конструкции самоупоминания характерны, главным образом, для гуманитарной сферы: в отзывах гуманитариев в абсолютных величинах их зарегистрировано почти в шесть раз больше (165 употреблений), чем в отзывах представителей естественных наук (29). Если говорить о частотности этих единиц, то в гуманитарных отзывах на 1000 словоупотреблений приходится 3,4 авторизирующих конструкции, в естественнонаучных – 0,7. При этом чаще всего они встречаются в отзывах лингвистов и литературоведов. У них же эти конструкции являются самыми разнообразными.

Такая большая разница в частотности данных единиц между гуманитарными и естественными науками объясняется самой природой этих наук. В гуманитарных науках велика доля личностного, субъективного; здесь часто мнения превалируют над фактами; объекты исследования гуманитариев часто изменчивы, неповторимы, абстрактны. Поэтому гуманитарии более внимательно и осознанно относятся к использованию средств снижения категоричности, к представлению чего-либо как своего мнения, а не неоспоримого факта. В их представлении эти единицы речи являются необходимыми и важными элементами научного дискурса, в частности, в жанре отзыва на диссертацию. Кроме того, вышеотмеченные требования к написанию отзывов более характерны именно для естественнонаучных дисциплин по сравнению с гуманитарными. Отзывы гуманитариев написаны в более свободной, творческой, оригинальной манере, содержат много рассуждений, отличаются весьма разнообразными формулировками. Отзывы на диссертации медиков, напротив, исключительно формализованы: состоят из одинаковых разделов (например, «Актуальность темы», «Новизна исследования и полученных результатов», «Теоретическая и практическая значимость работы», «Личный вклад автора» и др.), практически лишены рассуждений, одни и те же формулировки повторяются из отзыва в отзыв, вопросы, если и присутствуют, то, как правило, в количестве не больше двух. Приведем примеры использования авторизирующих конструкций из отзывов гуманитариев: *Важным в всей работе, с нашей точки*

зрения, представляется опора соискателя на теоретическую установку, в соответствии с которой косвенная оценка может содержать элементы персуазивности и суггестивности; Особо **подчеркнем** значимость теоретического обобщения, сделанного автором работы, согласно которому ...; В порядке научной дискуссии **отметим** следующее; **На наш взгляд**, выбранный в диссертации ракурс исследования и подход к анализу языковых сущностей, реализуемых в рамках данного дискурса, необходимо обуславливает использование понятия интердискурсивности, в чем **мы поддерживаем** соискателя (из отзывов лингвистов).

Такие примеры, содержащие местоимение или глагол в 1 лице мн. числа (для краткости назовем их *мы*-конструкциями), составляют примерно три четверти (76%) от всех зарегистрированных авторизирующих конструкций. Использование *мы*-конструкций отличается большим количеством нюансов по сравнению с *я*-конструкциями. Дело в том, что при использовании *я* не возникает сомнения, кого говорящий имеет в виду – разумеется, самого себя. Однако в случае с *мы* все немного сложнее: оно может быть инклюзивным или эксклюзивным, т.е. может включать адресата, а может и исключать, может подразумевать коллектив авторов или быть так называемым *Pluralis modestiae*. В предыдущих исследованиях нами выделено несколько типов *мы*-конструкций: *мы*-авторское или *мы*-экспертное, объединяющее автора с группой экспертов, которую он представляет, и *мы*-инклюзивное, включающее адресата (причем уровни включенности могут быть разными и основываются на разных критериях, объединяющих автора с той или иной частью аудитории, например, на основе гендера, национальности, профессии и т.п.) [3, 4].

Если говорить о *мы*-конструкциях в исследованных отзывах официальных оппонентов, то, думается, почти все они представляют собой конструкции авторского *мы* *Pluralis modestiae*. Это значит, что автором отзыва однозначно является одно лицо, а употребление *мы* обусловлено нормами господствующей в русской научной среде научной этики, в основе которой лежит демонстрация скромности, осмысление себя как части коллектива ученых, принадлежность научной школе.

Интересно упомянуть еще один важный нюанс, обнаруженный в ходе исследования. При более частом (в трех случаях из четырех) выборе именно конструкций мн. числа авторы отзывов, тем не менее, главным образом предпочитают использовать конструкции с опущенным *мы*, т.е. односоставные конструкции типа *допустим, отметим, подчеркнем, охарактеризуем, добавим,*

согласимся, подведем итоги. В нашем материале двусоставных *мы*-конструкций зафиксировано всего 15 употреблений, а односоставных – 52. Возможно, сказывается стремление авторов к краткости, благо, грамматика русского языка позволяет свободно прибегать к эллипсису именного компонента предикативных конструкций, особенно в случае, если глагол стоит в настоящем или будущем времени. Но главная причина, думается, все же в том, что большинство данных глагольных форм являются устоявшимися, стандартными вариантами, принятыми в научном письме для акцентуации мысли или слова, экспликации хода рассуждения или выражения своего мнения. Некоторые из них используются неоднократно и разными авторами: *отметим* (13 случаев); *считаем* (7); *подчеркнем* (2); *обратим внимание* (2). Наиболее шаблонными выглядят конструкции с глаголом будущего времени: *обратим внимание; подчеркнем; согласимся; выскажем замечание; напомним; подведем итоги*. А форма *допустим* вообще в рамках дискурсивной функции не изменяется по числу, лицу или времени. Таким образом, односоставные *мы*-конструкции в действительности не столько демонстрируют скромность (условную, конечно) автора, сколько являются проявлением письменного научного стандарта. К шаблонным можно отнести и весьма частотные авторизирующие конструкции с притяжательными местоимениями: *на наш взгляд* (24); *с нашей точки зрения* (6); *по нашему мнению* (2).

Помимо конструкций авторского *мы* в нашем материале встретилось несколько случаев инклюзивного *мы*, обращенного к адресату: *на странице ... читаем; обратим внимание; как видим; мы говорим ...*. С помощью таких дискурсивов автор имитирует общение с адресатом, обращается к нему с призывом к совместным действиям (*обратим внимание*) или эксплицирует совершаемые им действия, которые по ходу восприятия текста должен совершать и адресат (*читаем, как видим*).

Что касается *я*-конструкций, то из 47 случаев их употребления в 19 случаях использован оборот *на мой взгляд*, в 3 случаях использован косвенный падеж личного местоимения – *как мне кажется; у меня замечание*, само местоимение *я* использовано лишь один раз – *я бы рекомендовал*, а в 24 случаях использованы односоставные конструкции с опущенным местоимением – *считаю, полагаю, подчеркну, отмечу, подозреваю, думаю*. Таким образом, с одной стороны, использование конструкций ед. числа говорит о большей личностной вовлеченности автора, а с другой стороны, авторы и в этом случае по большей части выбирают шаблонные, стандартные формы.

Если рассмотреть влияние факторов гендера и сферы науки на выбор я- и мы-конструкций, то можно увидеть, что в гуманитарных науках мы-конструкции выбираются гораздо чаще я-конструкций. Так, в отзывах лингвистов зафиксировано 75 случаев использования мы и только 12 случаев использования я, в отзывах историков – соответственно 30 и 9, в отзывах литературоведов на 40 случаев мы приходится лишь одна я-конструкция. При этом среди лингвистов «якают» чаще женщины, а среди историков – мужчины. В естественных науках ситуация иная: из 29 авторизирующих дискурсивов местоимение мы содержат лишь две конструкции (отметим и считаем) в отзывах химиков, а все остальные содержат я. При этом женщины используют я в два раза чаще мужчин.

По данным О. А. Лаптевой, так называемое «ячество» было характерно для русской письменной научной традиции до 20-х гг. XX в., позже авторское я начало приглушаться, отходить на задний план [12]. По словам Г. Я. Солганика, автор научного текста «стремится к объективированию собственного я, к устранению личностно-индивидуальных черт», в научном изложении «авторское начало приглушено» [13, с. 72]. Однако в последние десятилетия стандарты письменной научной речи становятся менее строгими, и авторское я все чаще выражается эксплицитно и прямо: на смену скромности и обезличенности в научном дискурсе вновь приходит более личностно ориентированное изложение, когда образ автора проявляется в тексте яснее и четче. Таким образом, русская традиция научного письма постепенно приближается к старым стандартам и сближается с англо-американской традицией. Мы видим развитие этой тенденции и в современных научных статьях, и в отзывах на диссертацию. Причем, как показало данное исследование, в естественных науках эта тенденция проявляется активнее, чем в гуманитарных. Справедливости ради отметим, что, вероятно, в ряде случаев авторы отзывов вообще не обращают внимания на использование местоимений ед. или мн. числа, поскольку в одном и том же отзыве встречаются конструкции то с ед. ч., то с мн. ч. попеременно. Подобное мы наблюдали и при исследовании научных статей. Это еще раз доказывает наше положение о том, что употребление дискурсивов часто является рефлекторным [2] и даже у ученых-лингвистов не всегда обусловлено последовательным и осознанным выбором.

Влияние гендера на употребление авторизирующих конструкций в нашем материале проявилось неоднозначно. В отзывах гуманитариев-мужчин во всех трех научных сферах – лингвистике, литературоведении и истории – авторизирующие

конструкции используются чаще, чем в отзывах женщин: на 1000 словоупотреблений в отзывах мужчин приходится 4 авторизирующих конструкции, в отзывах женщин – 2,8. Однако в естественнонаучных отзывах данные конструкции более частотны в речи женщин, хотя в целом используются в несколько раз реже, чем у гуманитариев: на 1000 словоупотреблений зарегистрирована 1 конструкция в речи женщин и только 0,5 в речи мужчин. Приведем примеры из отзывов, написанных гуманитариями-мужчинами: **Особо подчеркнем** высокий эвристический потенциал как первого положения <...>, так и пятого <...>; **С нашей точки зрения**, несомненной практической ценностью характеризуется четвертое положение; **Здесь выделим** итоговое теоретическое обобщение, сделанное автором работы, согласно которому <...>; **Именно поэтому наши** замечания и вопросы, обусловленные задачами научного диалога, касаются в основном отдельных теоретических положений и формы их представления, затрудняющих восприятие авторской концепции (из отзыва лингвиста-мужчины).

Таким образом, авторизирующие конструкции в оценочном научном дискурсе играют важную роль, способствуя в целом созданию эффекта так называемой экологичной [14] и позитивной коммуникации [15]. Их использование обусловлено речевыми спецификами отзывов на диссертацию, научной сферой, а также гендером автора отзыва. Использование авторизирующих сигналов действительно придает речи более личностную окраску, позволяет ей звучать и восприниматься менее авторитарно, менее категорично, создает ощущение общности и солидарности с адресатом, что, на наш взгляд, способствует усилению воздействия и эффективности и изучаемого жанра, и научной коммуникации в целом [16].

Список литературы

1. Викторова Е. Ю. Влияет ли гендер на использование дискурсивов? (на материале письменного научного дискурса) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 8–14.
2. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 404 с.
3. Викторова Е. Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>
4. Викторова Е. Ю. Гендерная специфика в использовании авторизирующих конструкций самоупоминания (на материале жанра TED talks) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 287–294. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-287-294>

5. *Mur-Dueñas P.* 'I/we focus on...': A cross-cultural analysis of self-mentions in business management research articles // *Journal of English Academic Purposes*. 2007. Vol. 6, iss. 2. P. 143–162. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2007.05.002>
6. *Hyland K.* Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // *English for Specific Purposes*. 2001. Vol. 20, iss. 3. P. 207–226. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(00\)00012-0](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(00)00012-0)
7. *Hyland K.* Prudence, precision and politeness: Hedges in academic writing // *Quaderns de Filologia. Estudis Lingüistics*. 2005. № 10. P. 99–112.
8. *Лекант П. А.* Современный русский язык. Синтаксис : учеб. пособие для студентов вузов. М. : ИЦ «Академия», 2010. 256 с.
9. *Кустова Г. И.* Синтаксис современного русского языка : курс лекций. М. : Флинта, 2019. 294 с.
10. *Котюрова М. П., Баженова Е. А.* Культура научной речи : текст и его редактирование: учеб. пособие. 6-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2018. 280 с.
11. *Ларина Т. В.* Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 1 (39). С. 38–57. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57>
12. *Лантева О. А.* Способы выражения авторского «я» в русской научной речи // *Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные проблемы* / отв. ред. М. Я. Цвиллинг. М. : Наука, 1977. С. 123–138.
13. *Солганик Г. Я.* Очерки модального синтаксиса. М. : Флинта ; Наука, 2010. 136 с.
14. *Шаховский В. И., Солодовникова Н. Г.* Лингвоэкология : объект, предмет и задачи // *Русский язык, литература, культура в школе и вузе*. 2010. № 1 (31). С. 22–29.
15. *Позитивная коммуникация* / под общ. ред. О. А. Леонович. М. : Гнозис, 2019. 295 с.
16. *Эффективность коммуникации : влияние сферы коммуникации на факторы ее достижения* / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 256 с.

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

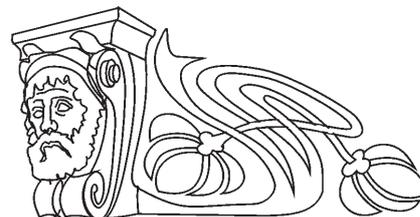

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 151–157
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 151–157
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-151-157>

Научная статья
УДК 811.161.1'373.45

Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотолерантности

Г. В. Лашкова, А. И. Матяшевская ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лашкова Галина Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, gvlashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Матяшевская Ангелина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, angelinacaribe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования английских заимствований в современном русском языке. Одной из главных причин заимствования как явления стал процесс глобализации, обусловивший беспрецедентное сближение стран и народов на рубеже веков. Многократно усилившееся в условиях современного общества взаимовлияние языков является одной из центральных проблем социолингвистики. При этом прогнозы перспектив и оценки последствий такого взаимодействия для родного языка неоднократно менялись за последние несколько десятилетий. В настоящее время преобладает лингвотолерантный подход к постоянному пополнению английскими заимствованиями словарного состава родного языка как неизбежному следствию научно-технического прогресса, социально-культурных и экономических процессов общемировой интеграции. В статье рассматриваются англицизмы в интернет-изданиях, относящиеся к различным тематическим группам, и проводится анализ этих заимствований с точки зрения их ассимиляции русским языком на всех языковых уровнях, а именно: фонетико-орфографическом, морфолого-грамматическом и семантическом. Проведенный анализ ассимиляции изучаемых единиц опровергает пессимистические высказывания некоторых специалистов о том, что русский язык «завоевывается» английским языком. На основе собранного и проанализированного материала в статье доказывается, что английские заимствования подвергаются ассимиляции. Одним из примеров данного явления служит ассимиляция английских одноморфемных заимствований, которые в русском языке становятся полиморфемными, что характерно для синтетической структуры русского языка в отличие от аналитической структуры английского языка. Это предполагает вхождение англицизмов в определенные словообразовательные процессы (например, аффиксацию и др.) и включение их в соответствующие грамматические категории, типичные для русского языка. В заключение делается вывод о том, что внутренние законы русского языка успешно противостоят бесконтрольной экспансии англицизмов.

Ключевые слова: заимствование, англицизмы, лингвотолерантность, пуризм, различные уровни ассимиляции

Для цитирования: Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотолерантности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 151–157. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-151-157>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

English borrowings in modern Russian. On the problem of linguistic tolerance

G. V. Lashkova, A. I. Matyashevskaya ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Galina V. Lashkova, gvlashkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4845-4696>

Angelina I. Matyashevskaya, angelinacaribe@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4465-2089>

Abstract. The article studies English borrowings in modern Russian. One of the main factors of borrowing is globalization which resulted in closer cooperation between countries at the turn of the centuries. One of the central problems of sociolinguistics is exponentially intensive interrelation of languages in the modern world. The predictions of perspectives and evaluation of its results for the Russian language have been changing during the last several decades. At present the widely preferred approach is linguistic tolerance to the constant enrichment of the Russian language vocabulary with English borrowings. It is regarded as an inevitable result of scientific and technical progress, socio-cultural and economic processes which take place in world integration. The article studies English borrowings functioning in various Internet resources, which are classified according to their thematic groups. These borrowings are analyzed from the point of view of their assimilation by the Russian language on all linguistic levels, namely: phonetic and graphical, morphological, grammatical and semantic. The evidence does not support some pessimistic

statements of linguists that the Russian language “is being conquered” by the English language. A good illustration of this phenomenon is, for example, the assimilation of English monomorphemic borrowings, which become polymorphemic in the Russian language as it is characteristic of its synthetic structure as opposed to the analytical structure of the English language. It means that English borrowings take part in some definite word-formation processes, such as affixation, acquiring certain grammatical categories which are typical for the Russian language. It is concluded that inner laws of the Russian language successfully confront uncontrolled expansion of English borrowings.

Keywords: borrowing, English borrowings, linguistic tolerance, purism, levels of linguistic assimilation

For citation: Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I. English borrowings in modern Russian. On the problem of linguistic tolerance. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 151–157 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-151-157>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Многokратно усилившееся благодаря процессам глобализации в современном обществе взаимовлияние языков является одной из центральных проблем социолингвистики. При этом за последние несколько десятилетий прогнозы перспектив и оценки последствий такого взаимодействия для родного языка неоднократно менялись. В конце XX в. в лингвистическом сообществе отмечаются некоторые тенденции языкового пуризма [1]. В этот период постулировалась необходимость контроля нежелательных изменений родного языка, происходящих под влиянием «загрязняющего» иноязычного воздействия, и искусственное приведение их в соответствие с определенным символическим идеалом – например, ситуация с английскими заимствованиями во Франции [2]. Однако степень интенсивности подобного сугубо ценностного подхода к языковым изменениям варьировалась в разных странах от низкой до высокой [3]. Как показывают работы британских лингвистов, проблема чрезмерного заимствования американизмов британским английским в настоящее время вызывает у них определенную озабоченность. При этом принятие «нарушения нормы на любом уровне языка стало неотъемлемым фактом современного англофонного языкового социума» [4, с. 19], поэтому в настоящий момент чаще всего отдается предпочтение так называемой дескриптивной норме.

Помимо ожесточенных споров о наиболее «правильном» варианте английского языка [5], лингвисты по всему миру отмечают его возросшее влияние на все существующие языки: например, англицизмы активно проникают в немецкий [6], французский [7] и др. Следует подчеркнуть, что в научном сообществе в настоящее время преобладает лингвотолерантный подход к постоянному пополнению английскими заимствованиями словарного состава любого родного языка как неизбежному следствию научно-технического прогресса и социально-культурных процессов общемировой интеграции [8, 9].

Хотя проникновение отдельных английских слов в русский язык датируется еще XVI в., эпохой правления Петра I, а также рубежом

XVIII–XIX вв., значительное число англицизмов адаптируется в русском языке в период после Второй мировой войны; беспрецедентная экспансия заимствований наблюдается в конце прошлого столетия благодаря коренным переменам в политике и экономике страны, а в XXI в. – тотальному доминированию американской поп-культуры и преобладанию англоязычного сегмента интернета.

Многочисленные исследования Л. П. Крысина позволяют ученому констатировать естественность и закономерность английских заимствований в русском языке [10]. В качестве одного из способствующих процессу заимствования факторов лингвист отмечает «тенденцию к нерасчлененности обозначающего: если объект наименования представляет собой одно целое (или как целое мыслится носителями языка), то говорящие стремятся обозначить его одним словом» [11, с. 68]. К данной категории можно отнести многочисленные IT-термины [12], прочно адаптировавшиеся в профессиональном общении специалистов этой области. Приведем несколько примеров из рабочего чата IT-компании: *Сейчас мы кильнем* (to kill – о принудительной остановке процесса) и *переподнимем еще раз*; *Если поменять title, то он андейтум* (to update – обновлять) *существующую запись*; *А вы джобы* (job – задача), *которые с орчом* (приложение Orchestrator) *связаны, запускали?*

Отметим, что употребление англицизмов в русском языке совсем не ограничено узкоспециализированными научно-техническими сферами деятельности, поскольку заимствования в изобилии присутствуют в СМИ в статьях и новостных сообщениях на самые разные темы. Так, неотъемлемой частью повседневной жизни большинства россиян стали многочисленные заимствования из области бизнеса и экономики: *Программа туристического кешбэка* (cashback) *была запущена в августе 2020 года* (Российская газета); *Аптека позиционирует себя, как дискантер* (discounter): *на официальном ее сайте указано, что более тысячи медпрепаратов и товаров продаются здесь на 15% дешевле, чем в других аптеках* (Московский комсомолец); *Петербургский толстый литературный журнал*

«Звезда», которому в 2022 году исполнится 98 лет, запустил **краудфандинг** (crowdfunding), призванный обеспечить работу редакции и выход номеров в 2022 году (ТАСС). Кроме того, некоторые англицизмы отражают реалии периода пандемии коронавируса: **Абсолютный локдаун** (lockdown) из-за распространения нового штамма коронавируса «омикрон» власти вводить не будут, однако возможны определенные ограничения (Российская газета); **В Италии заявили, что бустерная доза** (to boost – усиливать) почти на 100% сокращает риск тяжелого течения **ковида** (covid) (ТАСС).

Нередко, заимствуя определенное понятие из английского, говорящие избавлены от трудностей подбора точного аналога в родном языке: **Поп-ап-магазины** (to pop up – неожиданно возникать, появляться), **которые открываются на время спектакля, могут продавать мерч** (merchandise – товар), **где использованы узнаваемый юмор, национальные коды вашей территории** (Информационное агентство «Республика»); **Тизер** (teaser – интригующая краткая реклама фильма или сериала) **сериала «Лунный рыцарь» от Marvel – дебютный трейлер** (trailer – полноценный рекламный ролик) **выйдет 18 января** (DTF).

Нередко заимствованные обозначения связаны с миром моды и красоты и их исходное название точнее отражает последние тенденции в этой области: **Сейчас ключевые товары бренда – это куртка Harrington, джемперы из шерсти и хлопка, оксфордские рубашки, поло, худи** (hoodie – толстовка с капюшоном), **шапки-бини** (beanie hat – вязаная шапка, плотно обхватывающая голову) **и аксессуары. Основная коллекция дополняется сезонными модными дропами** (to drop – бросать, магазин получает товары из новой коллекции небольшими тематическими партиями) (РИА мода); **Возможно, вам сложно будет принять этот тренд сразу, но стоит только выйти один раз и вы больше от флип-флопов** (flip-flops – вьетнамки, разновидность сандалий) **не откажетесь** (Домашний очаг); **В последнем выпуске «Модного приговора» Эвелина Хромченко представила пять непохожих шуб, каждую из которых можно смело надеть сегодня. Среди самых модных экземпляров шубы-чебурашки, Тедди** (teddy coat – яркая шубка из искусственной овчины, по фактуре напоминающая мягкую игрушку – мишку Тедди), **безрукавки, оверсайз** (oversize – одежда свободного покроя) **шубы оранжевого и фиолетового цветов и шуба в шахматную клетку** (Федерал Пресс). В подобных примерах модные обозреватели журналов иногда намеренно сохраняют англоязычное написание заимствования, что допол-

нительно подчеркивает – в современном мире мода не имеет географических границ: **Легкое тональное средство, хайлайтер** (highlighter – косметическое средство для скульптурирования лица и достижения эффекта сияющей кожи), **перламутровые, полупрозрачные нюдовые** (nude – естественные, телесные тона) **тени и блеск для губ – ваш must have kit** (минимально необходимый набор) (Elle); **Макияж в стиле «smoky eyes»** (макияж глаз с переходом от светлого к темному оттенку) **или «drama queen»** (яркий макияж с акцентом на глаза и губы), **конечно, смотрится красиво, однако всегда придает лишних лет** (Elle). Такой вид заимствования является иноязычным вкраплением и встречается реже, поскольку в большинстве случаев иноязычное заимствование подвергается ассимиляции русским языком на разных уровнях.

Еще одну причину заимствований Л. П. Крысин видит в высокой коммуникативной актуальности англицизма и его «повышению в ранге» [13, с. 27] по сравнению с существующим, во многом синонимичным, однако не обладающим дополнительной коннотацией престижности понятием в родном языке: **После рейса приходят работники клининга** (to clean – чистить; уборщицы) (Известия); **Эйчары** (HR, Human Resources – кадровики) **рассказали, как россияне обманывают в резюме** (Кировская правда); **Мейкап-артист** (make-up artist – визажист) **считает, что чем больше цвета в макияже глаз, тем они будут ярче (7 дней); Шоурум** (showroom – магазин стильной одежды) **итальянской красоты открылся в Петербурге** (Фонтанка.ру); **Помещение под барбершоп** (barbershop – исключительно мужская парикмахерская, предлагающая профессиональный уход за бородой) **или салон красоты с проведенными коммуникациями на северо-востоке Москвы выставлено на торги** (Агентство городских новостей «Москва»); **В одном из благовещенских груминг-салонов** (grooming – чистка и уход за шерстью и когтями домашних животных) **настрижке собаке отрезали кусок носа (2x2).**

Как видим, многие англицизмы становятся модными, быстро превращаются в своеобразные клише и настолько активно тиражируются средствами массовой информации, что потенциально способны вызвать негативные эмоции у массового адресата: **Беременные жительницы Воронежа раскрыли лайфхак** (lifehack – полезный совет, хитрость) **для самого быстрого тестирования на коронавирус** (Вести); **Для лакшери-застолья** (luxury – шикарный) **подойдут фритто мисто по цене 1,9 тыс. руб., ньокки из рикотты с черной икрой за 1,7 тыс. и осьминог с картофелем за 1,7 тыс.** (Коммерсант); **Крымский рекламный**

центр «Моремедиа» презентовал календарь **крафтовых** (to craft – изготавливать вручную, малыми партиями по собственному рецепту) мест **Крыма** (Cinform). В этой категории обращает на себя внимание заимствование **мессендж** (вместо **месседж**, message – сообщение) как производное от другого однокоренного заимствования **мессенджер** (messenger – приложение для обмена сообщениями): в результате в русском языке окончание -ег усекается и появляется слово с согласной -н в корне, отсутствующее в английском языке: **Неизвестный мужчина по имени Серкан оставил для саратовчанки следующий мессендж на тротуаре** (Регион 64); **Главный мессендж таких обращений заключался в следующем: что вы от них хотите, попробуйте сами поработать за такую зарплату при такой нагрузке** (Комсомольская правда).

Сфера использования модных англицизмов постоянно расширяется, о чем свидетельствует, например, регулярное появление тех или иных заимствований в официальных сообщениях Московского метро и правительства Москвы: **Потолок станции нового участка «Мичуринский проспект» – настоящий арт-объект. По всей станции рассыпаны светодиодные панели с иероглифами: сможете почувствовать тонкий азиатский вайб** (vibe – вибрации, атмосфера) (Mosmetro); **«Мы активно расширяем возможности “Московской электронной школы” для удобства школьников. <...> И теперь у ребят будет возможность зачекиниться** (to check in – зарегистрироваться, отметить) в учреждениях культуры – в музеях, театрах, и информация автоматически появится в портфолио», – рассказала Анастасия Ракова, заместитель Мэра Москвы по вопросам социального развития (Официальный сайт мэра Москвы).

Тем не менее, необходимо отметить, что подобные модные заимствования не всегда используются журналистами уместно и в некоторых случаях резко контрастируют с общероссийским контекстом новостного сообщения: **В недавно открывшемся Доме культуры «ГЭС-2» устроят рейв-елку** (rave – вечеринка с электронной танцевальной музыкой) со снежным танцполом, **рейв-баней** (она же зона отдыха) и тихим звуком (РИА новости); **Красноярцы запустили общероссийский челлендж хороводов** (challenge – вызов, жанр видеороликов, где блогер выполняет задание на камеру) (Сайт 7-го канала Красноярск); **В поселке Новые Ляды для жителей открыты две ледовые локации «Русская зима». Новогодняя ель в поселке расположена на площади около клуба «Юбилейный». Здесь же открыта ледовая локация** (location – местоположение, площадка) (Официальный сайт МО город Пермь). Чтобы

несколько сгладить данный эффект, журналист дублирует англицизм привычным названием: **Бытовой коворкинг, или по-простому дом быта** (coworking – общий офис для людей с разными видами деятельности) *это центр, где субъектами предпринимательской деятельности и самозанятыми предоставляются следующие услуги: парикмахерские услуги, услуги ногтевого сервиса* (Сайт ГТРК Башкортостан).

Традиционно заимствованная лексика в языке-рецепторе до какого-то момента является стилистически нейтральной, но в ходе ее функционирования (особенно в устной речи) [14] может приобретать дополнительные коннотации в определенных смысловых контекстах. В следующих примерах англицизмы служат средством выражения журналистской иронии: **Небывалый снегопад заставил москвичей объединиться в уборочные бригады. <...> В управе района Марфино отметили, что общедворовый тимбилдинг** (teambuilding – мероприятия, призванные сплотить коллектив) *здесь начинают развиваться довольно активно. Между соседями уже есть договоренность о встрече с лопатами после следующего снегопада* (Московский комсомолец); **В префектуре прокомментировали мусорный коллапс** (collapse – системный кризис) *в 17-м микрорайоне* (Инфоportal Зеленограда). Кроме того, заимствования активно используются журналистами для привлечения внимания в интригующих заголовках [15], например: **Самый древний фейспалм** (facelpalm – закрывающий лицо рукой смайлик, символизирующий глубокое разочарование, стыд и уныние) *в мире? В Перу найдена мумия, закрывающая лицо руками* (BBC); **Последний дизлайк** (dislike – кнопка на платформе YouTube, дающая пользователям возможность выразить свое негативное отношение к видео). **Муж, убивший жену-блогера, осужден на 8 лет** (Аргументы и Факты); **В Германии археологи обнаружили останки средневекового хипстера** (hipster – представитель молодежи, активно интересующийся модой, зарубежной культурой и искусством). *<...> Раскопки проводили ученые из Баварского государственного управления по охране памятников. По их мнению, воин использовал гребень для укладки волос и бороды. Полторы тысячи лет назад он вполне мог сойти за хипстера* (РИА новости).

Как уже отмечалось, под влиянием американской культуры многие английские заимствования изначально проникают в молодежный сленг, а затем, благодаря попаданию в тексты модных песен, закрепляются в разговорной речи: **Ты мой краш** (to crash – разбивать; предмет обожания, тот, кто разбил сердце), **либо я, либо никто** – это **шантаж** (Клава Кока); **Я на**

своем **вайбе** (vibe – вибрации, атмосфера; на своей волне), *где-то летаю над облаками* (Jah Khalib); *Да, я на чиле* (to chill out – отдыхать, расслабляться), *на расслабоне. Я не спешу, времени – море* (Джиган). Позднее некоторые из них неизбежно попадают и в новостную ленту, однако для успешного преодоления возможных коммуникативных рисков и точного понимания таких англицизмов разновозрастными читателями [16] нередко требуется дополнительное пояснение журналиста: *Картина поделена на шесть глав, что придает ей сходство с сериалом и облегчает просмотр: кажется, что это обычный вечерний бинджджвотчинг* (binge-watching) (запойный просмотр сериалов) (РБК); **Апсайклинг** (upcycling) – одно из направлений *slow fashion*. Если коротко, это переосмысление уже существующего предмета (The Village); *Непосредственный Милохин, шутящий на тему любви с Медведевой и провоцирующий шипперинг* (картинку романтических отношений), *нестандартные интервью – все это дает нужный эффект* (Спорт-экспресс). В последнем из приведенных примеров сленговое слово **шипперинг** (производное от shipper – в английском сленге: фанат, желающий видеть персонажей книг, фильмов, сериалов или знаменитостей в качестве пары) укоренилось в молодежной речи вместе с исходным синонимом **шиппинг** (shipping, сокр. от relationship – вышеназванное желание). Иногда возможен переход определенного английского заимствования из молодежного сленга в разговорную речь, о чем свидетельствует постепенное расширение контекстов его употребления. В следующих примерах неполная завершенность подобного перехода прослеживается в использовании кавычек: *Саратовские коммунисты обиделись на слово «хайпозор»* (производное от hype – хайп, быстрая популярность, привлечение внимания любыми средствами) (Регион 64); *МВД удалило «кринжовый»* (to cringe – содрогаться от отвращения) *ролик про мошенников с тыквой и каретой* (Фонтанка.ру).

Как упоминалось выше, подавляющее большинство английских заимствований ассимилируется русским языком на разных уровнях. Следует отметить, что первым этапом ассимиляции являются модификации англицизма на фонетико-орфографическом уровне, результатом которых становятся транслитерация (побуквенная замена знаков латинского алфавита на кириллицу) и трансфонация или фонетическая субституция (замена английских аллофонов на похожие или близкие звуки русского языка путем их побуквенной передачи, поэтому термин «транскрипция» не совсем точен в обозначении данного типа ассимиляции). В настоящее время

при заимствовании иноязычных слов и словосочетаний, как правило, отмечается сочетание этих двух типов ассимиляции: *Да и в своем инстаграме актриса чаще выкладывает фото ноу-мейкап* (no make-up – без макияжа (Cosmopolitan)); *Ведь суть случившегося заключается совершенно не в том, что человек, ответственный за контроль старта, как-то не так нажал нужную кнопку. А в том, что именно в этом конкретном прокате чемпионка мира оказалась хуже, чем девочка-ноунейм* (no name – новичок в каком-то деле, которого никто не знает), *за душой у которой нет пока ничего, кроме одной победы на этапе юниорского Гран-при* (Газета.ру); *Для решения проблемы зарядки электрокаров, занимающей несколько часов, воспользоваться новыми технологиями не удалось, в связи чем в Audi решили сосредоточиться на комфорте хозяев машин на аккумуляторах. Для этого создан мобильный легковозводимый лаунж-дом* (to lounge – расслабляться, отдыхать), *похожий на бизнес-зал в аэропорту, где можно отдохнуть в ожидании зарядки* (32 cars). В данных примерах происходит частичная трансфонация, поскольку в русском языке отсутствуют дифтонги [ou], [ei], [au]. В некоторых же случаях дифтонги могут превращаться в монофтонги [ou – o] и [iə – и], что хорошо иллюстрируют следующие примеры из рабочего чата IT-компании: *Хочешь, го колл* (go call – давай созвонимся), *я покажу; Рил* (real – действительно) *по этой причине*. В отдельных случаях в ходе заимствования английские словосочетания становятся словами-слитками, таким образом в русском языке появляется одно слово, которое приобретает грамматическую категорию существительного: *Илон Маск хочет стать популярным блогером. Ему предложили снимать летсплей* (Ваши новости). В данном примере английская фраза (let's play – дословно: давай играть) в русском языке транслитерируется и становится одним словом *летсплей*, которое приобретает значение своего рода термина – онлайн-трансляция прохождения видеоигр.

Следующий уровень лингвистической ассимиляции – морфолого-грамматический, когда англицизм приобретает определенные морфологические форманты, необходимые для определения его грамматической категории. Наиболее продуктивным способом «дальнейшего словообразования» иноязычного заимствования является аффиксация: *Самый популярный и залайканный* (like – кнопка «Мне нравится» в приложениях) *комментарий под выступлением Манижи на официальном канале «Евровидения» в Youtube такой* (Комсомольская правда); *Да, есть определенные ситуации, что люди, которые вакцинировались, заболевают, но с вакциной*

это **лайтовый** (lite – легкий) режим (Тульские новости). В данных примерах оба заимствования приобрели аффиксы, а именно префикс за- и суффиксы -анн и -ов, что свидетельствует об их принадлежности к категории прилагательных. В предложении данные прилагательные сочетаются с существительными путем добавления соответствующей флексии. Следующие английские заимствования в русском языке приобретают глагольный суффикс -ить: *Генеральный директор «Азовской судовой верфи» Михаил Бартник, прославившийся ироничным ответом на запрос мэрии города по поводу агрессивных собак на предприятии, продолжает «троллить»* (to troll – провоцировать конфликт в интернете) чиновников (Панорама); *Заканселишь «нерусского» стендапера* (stand up – выступление комика перед живой аудиторией, а не в записи) *решили самые достойные, самые чистые, самые высоконравственные СМИ и представители общественности* (Новая газета). Так более короткое английское заимствование ассимилируется на морфолого-грамматическом уровне, чтобы соответствовать синтетической структуре языка-рецептора (в результате приобретает отличия от исходного английского, который является языком аналитической структуры).

Реже наблюдается ассимиляция англицизма на семантическом уровне, что предполагает расширение первичного значения заимствованного слова или словосочетания. Например, глагол **хейтить** (to hate – ненавидеть) в русском языке приобретает дополнительное значение действия (критиковать, осуждать в интернете): *Как в Англии появился Boxing Day? Его хейтят, но не отменяют из-за огромных доходов (Чемпионат); Они много путешествуют, посещают разные страны, о чем Виктория много рассказывает в Instagram, вызывая у подписчиков яркие эмоции – одни ее боготворят, другие нещадно хейтят, но девушка привыкла не обращать на это внимание* (Star Hit).

Итак, материал исследования свидетельствует о высоком уровне лингвотолерантности говорящих к английским заимствованиям. Тем не менее, хотелось бы, чтобы журналисты излишне не злоупотребляли англицизмами, взвешенно оценивали уместность и обоснованность их появления в своем материале, исходя из тематики статьи и ее целевой аудитории. Процесс ассимиляции иноязычных заимствований на всех языковых уровнях доказывает, что русский язык активно осваивает иноязычную лексику и адаптирует ее в соответствии со своими правилами. Таким образом, опасения пуристов, что чрезмерные заимствования приведут к деградации

языка, являются несколько преувеличенными, поскольку внутренние законы любого языка в конечном итоге оказываются сильнее.

Список литературы

1. Жукова Л. С. Исследование языкового пуризма как общественного явления в современной Британии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, № 2. С. 131–138.
2. Фролова Ю. Б. Французские женские глянцевики СМИ как источник проникновения английского заимствований во французский язык // Личность – Язык – Культура : материалы VI Междунар. науч.-практ. конференции. Саратов : ИЦ «Наука», 2017. С. 149–155.
3. Thomas G. Linguistic Purism. London, New York : Longman, 1991. 252 p.
4. Бойко Л. Б. «Язык изломан? Что ж! – глядите». О некоторых аспектах регулирования в языке // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 1. С. 8–23. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2017.1.1>
5. Crystal D. The Fight for English. How Language Pundits Ate, Shot and Left. New York : Oxford University Press, 2006. 239 p.
6. Вертячих В. С., Казанцева И. В. Влияние англицизмов на немецкий язык (на примере модной лексики) // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира : филологический и методический аспекты : сб. науч. ст. по материалам XII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Йошкар-Ола : Изд-во Марийского государственного ун-та, 2020. С. 222–226.
7. Аввакумова П. Д. Английская экспансия во французском языке // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания : сб. ст. по материалам межвуз. студ. науч.-практ. конф. Саранск : ИП Афанасьев В. С., 2018. С. 3–6.
8. Шемчук Ю. М. Лингвотолерантность в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 1. С. 95–98.
9. Акоюнц А. М., Бабитова Л. А. Антиномия «лингвотолерантность» – «языковой пуризм» в эпоху глобализации // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2020. Т. 1, № 1. С. 6–12.
10. Крысин Л. П. Заимствованные слова как знаки иной культуры // Русский язык в школе. 2007. № 4. С. 83–87.
11. Крысин Л. П. Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях // Русский язык в школе. 2006. № 1. С. 66–72.
12. Ефремова Л. С., Лашкова Г. В. Об интернациональном характере IT-термина Computer в русском, немецком

- и испанском языках // Термины в коммуникативном пространстве : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. Астрахань : Изд-во Астраханского государственного медицинского ун-та. 2019. С. 174–179.
13. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
14. Ефремова Л. С. О влиянии английской IT-терминологии на формирование современных русских антипословиц // Языки и культуры : функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сб. тезисов по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти С. Г. Стерлигова / отв. ред. Н. А. Воскресенская. Нижний Новгород : Изд-во Национального исследовательского Нижегородского государственного ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 38–42.
15. Матяшевская А. И. Сниженная лексика в британских и российских печатных СМИ (на материале газет «Аргументы и Факты», «Комсомольская Правда», The Observer, The Sun, The Daily Star) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 106–111.
16. Сиротинина О. Б. Рискогенность лексических заимствований и способы ее преодоления // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2015. С. 47–52.

Поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 158–163

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 158–163

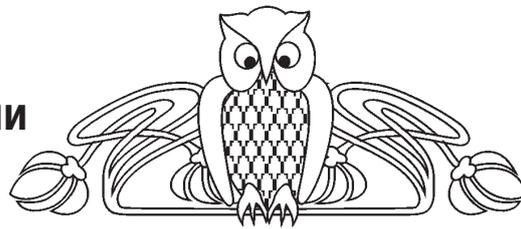
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-158-163>

Научная статья

УДК 811.111'22(592.3)

Способы компенсации невербальных средств коммуникации в SMS-общении

Д. А. Темирова ✉, Н. Л. Моргун

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Темирова Джаннет Алибулатовна, специалист по учебно-методической работе 2-й категории кафедры английского языка для естественных факультетов, djeka0890@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-9809>

Моргун Наталья Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для естественных факультетов, morgounn@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2046-756X>

Аннотация. Коммуникация в широком смысле представляет собой не только систему, в которой осуществляется взаимодействие, но также процесс, способы общения, которые позволяют создавать, передавать и принимать разнообразную информацию. В настоящее время к основным видам коммуникации относят: устную коммуникацию, которая предполагает использование одновременно и в неразрывном единстве естественных невербальных и вербальных каналов; письменную коммуникацию, происходящую в виде коммуникативной деятельности между коммуникаторами посредством текстов, которые могут передаваться и воздействовать как на одного человека, так и на массы; невербальную коммуникацию, реализующуюся с помощью языка тела (мимика, жесты и др.), и электронную коммуникацию, относительно новый вид коммуникации, но активно внедряющийся в современную жизнь благодаря представленным через его призму возможностям. В настоящей статье сделана попытка проанализировать лексико-синтаксические единицы в англоязычных SMS-сообщениях, с помощью которых отправители придают эмоционально-экспрессивную окраску письменному тексту, выражая свое состояние в момент его написания, а именно показать реализацию средств невербального общения через электронную коммуникацию. Анализ проводился на материале SMS-сообщений на сингапурском варианте английского языка из корпуса SMS NUS. Английский язык в Сингапуре является на сегодняшний день доминирующим языком над тремя другими официальными языками: китайским, малайским и тамильским. Он используется в повседневной жизни при межличностной коммуникации как лингва франка и служит в качестве международного средства общения и средства объединения страны. В результате проведенного исследования были выявлены характерные для SMS-сообщений пунктуационные знаки, прагматические частицы и междометия, компенсирующие средства выражения эмоционального настроения автора текста на письме.

Ключевые слова: SMS-сообщение, коммуникация, корпус, классификация, сингапурский вариант английского языка, пунктуация, частицы

Для цитирования: Темирова Д. А., Моргун Н. Л. Способы компенсации невербальных средств коммуникации в SMS-общении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 158–163. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-158-163>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ways of compensation for nonverbal communication in SMS

D. A. Temirova ✉, N. L. Morgoun

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Dzhannet A. Temirova, djeka0890@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1724-9809>

Natalia L. Morgoun, morgounn@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2046-756X>

Abstract. Communication, generally, features not just a system in which the interaction takes place, but also a process, ways of communication, which enable creation, transmission and reception of various information. Nowadays, spoken communication is classified as one of the main types of communication; it is premised to use natural non-verbal and verbal channels simultaneously and in a seamless uniformity; written communication, which occurs as communicative activity among communicators by means of texts; non-verbal communication actualized by means of body language (facial expressions, gestures, etc.) and electronic communication – a relatively new way of communication – which, however, is actively penetrating modern life due to the opportunities which it presents. This article attempts to analyze lexical and syntactic units in English text messages, which help addressees to emphasize their emotional state in a written text while writing it; namely it attempts to demonstrate how

non-verbal communication means are actualized via electronic communication. The analysis was carried out on the material of the messages in the Singapore variant of the English language – Singlish SMS – from the corpus SMS NUS. The English language is the dominant one in Singapore these days, prevailing over three other state languages: Chinese, Malay and Tamil. It is used in everyday life in interpersonal communication as a lingua franca and serves as a means of international communication and a means of uniting the country. Upon analysis some characteristic features of SMS messages have been identified, such as punctuation marks, pragmatic particles and interjections, expressions making up for registering the emotional state of the text author in writing.

Keywords: SMS, communication, corpus, classification, Singlish, punctuation, particles

For citation: Temirova D. A., Morgoun N. L. Ways of compensation for nonverbal communication in SMS. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 158–163 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-158-163>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Коммуникация как самостоятельный объект исследования стала привлекать ученых в связи с бурным развитием технических средств передачи информации. Как указывают в своей работе С. Литтлджон и А. Карен, философия прогресса и прагматизма этого периода, которая стимулировала стремление к улучшению общества посредством широкомасштабных социальных изменений, придала еще больший импульс развитию технологий, борьбе с тиранией и распространению капитализма. Коммуникация занимала видное место в этих движениях и стала центральной для таких проблем, как пропаганда и общественное мнение, развитие социальных наук и роль средств массовой информации в торговле, маркетинге и рекламе [1, с. 32].

Техническая сторона теории коммуникации развивалась благодаря становлению кибернетики, информатики, семиотики и других наук, которые термином «коммуникация» обозначают технические каналы и средства связи [2, с. 43]. Под коммуникацией в широком смысле понимаются не только система, в которой осуществляется взаимодействие, но также процесс взаимодействия, способы общения, которые позволяют создавать, передавать и принимать разнообразную информацию. **Коммуникация** (от англ. *communication*) – сообщение или передача при помощи языка некоторого мысленного содержания [3, с. 195]. Один из представителей теории коммуникации, предложивших ритуальный взгляд на общение, – американский ученый Джеймс У. Кэри. В основе его идеи лежит представление о коммуникации, направленной не на распространение сообщений в пространстве, а на поддержание общества во времени, следовательно, не на передачу информации, а на представление общих убеждений [4, с. 18].

В современном мире стремительное развитие получила новая форма речевой коммуникации – **электронная коммуникация**, которая реализуется в киберпространстве и состоит из коммуникационного и коммуникативного процессов. Существует ряд исследований как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике, посвященных изучению феномена SMS. В разное

время изучению SMS-сообщений были посвящены работы лингвистов, среди которых наиболее известными являются:

- анализ П. Шлобински (2001), основанный на изучении немецкоязычных сообщений студентов из корпуса объемом в 1500 текстов;
- исследование корпуса размером в 544 англоязычных сообщения от 135 пользователей, проведенное К. Серлоу и А. Браун (2003);
- 867 произвольно выбранных и проанализированных Р. Лингом (2005) сообщений от 2003 участников анкетирования на норвежском языке;
- работа З. Фучс и Т. Вукович (2008), где предметом изучения стали 6000 сообщений от студентов, членов одной семьи и друзей на хорватском языке;
- анализ 1700 сообщений от 200 пользователей на польском языке, предложенный Ж. Вальковска (2009) и др. [5].

Среди исследований зарубежных лингвистов наиболее полным является проведенный английским исследователем Каролиной Тагг лингвистический анализ SMS-сообщений на базе закрытого корпуса (*CorTxt*) при Бирмингемском университете. Корпус состоит из 11 067 сообщений, который формировался в течение трех лет и двух месяцев. Основными вопросами, интересующими К. Тагг, являются: 1) классификация орфографических вариантов слов в зависимости от их формы и функций; 2) определение авторства и подтверждение того, что творческий ресурс в текстовых сообщениях играет важную роль благодаря, а не вопреки физическим ограничениям; 3) подсчет наиболее часто встречающихся слов; 4) выявление аналогий и различий между разговорной и устной речью при употреблении разговорной модели грамматики [6, с. 5].

Другим примером исследования текстов SMS является анализ SMS-языка подростков, проведенный Р. Гринтер и М. Элдридж, в ходе которого были определены основные темы сообщений: 1) договоренность о проведении досуга – 26%; 2) сплетни – 20%; 3) назначение встречи – 15%; 4) согласованность о переговорах по телефону – 15%; 5) планы на выходные – 11%; 6) домашние задания – 6%; 7) извинения перед

друзьями – 2%; 8) события прошедшего дня – 2%; 9) занятость друзей – 3%. Это исследование также определило основные вопросы и задачи, связанные с языком текстовых сообщений: использование разных аббревиатур для одних и тех же слов часто приводит к путанице; для развивающегося языка является проблемой тот факт, что люди владеют сокращениями слов на разных уровнях и зачастую не способны отделять смысловое намерение отправителя от содержания сообщения [7, с. 226].

Еще одно исследование, также проведенное в Великобритании, было выполнено К. Фолкнером и Ф. Калвином. Оно заключалось в разработке и последующем изучении анкеты для сравнительного анализа сообщений по возрастному и половому признакам, а также по частоте использования сообщений. Для проведения этого исследования были привлечены 565 пользователей мобильных телефонов, которые вели онлайн-дневник в течение двух недель [8, р. 177].

В отечественной лингвистике русскоязычные сообщения изучались в работах К. А. Володиной «Анализ языковой архитектоники текста на лексическом и синтаксическом уровнях», Ю. Е. Венедиктовой «СМС-сообщения: опыт типологического исследования на материале английского и русского языков», Н. Г. Максимовой «Анализ структуры текстовых сообщений», Е. А. Савельева «Русскоязычные SMS-тексты в социолингвистическом аспекте», которые способствовали дальнейшему развитию исследования языка SMS.

Е. М. Мишиева в работе, посвященной изучению дискурсивных маркеров в онлайн-коммуникации, отмечает ее положительные стороны, подчеркивая новые возможности для международного, межнационального и межкультурного общения [9, с. 6]. Однако следует отметить, что недостатком электронной коммуникации является тот факт, что, в отличие от привычных форм коммуникации, электронная коммуникация в силу своей технической специфики протекает исключительно в электронном коммуникативном пространстве, которое в свою очередь локализовано в пространстве повседневной коммуникации [10, с. 27].

В связи с этим интересной для изучения представляется такая форма электронной коммуникации, как SMS-переписка, а именно реализация в ней невербальных средств или их компенсации в условиях ограниченного набора символов и сохранения неизменной грамматической структуры предложения. Материалом для настоящего исследования послужили 2000 SMS-сообщений 2004 г. на сингапурском варианте английского языка из корпуса SMS NUS. Корпус

разработан Тао Ченом и Минь-Ень Каном, лингвистами из Школы вычислительной техники при Национальном университете Сингапура (National University of Singapore).

Так как тексты сообщений корпуса SMS NUS включают информацию о самом сообщении (порядковый номер, страна отправителя, метод сбора/коллектора, год отправления) и сведения о пользователе (пользовательский номер, соответствующий цифровому коду отправителя, возраст, пол, уровень владения языком, страна отправителя, город, опыт/период использования услуги, частота отправления сообщений ежедневно, метод ввода), в целях минимизировать возможность влияния внетекстовой информации для работы с сообщениями нами была привлечена программа, позволяющая ограничить влияние внетекстовой информации, а сам документ с сообщениями из формата XML был переведен в более удобный для анализа текстовый формат (txt). Так, с помощью программы *Notepad++* нам удалось избавиться от шаблонной информации, которая могла быть задействована в статистическом анализе, в подсчете слов программным обеспечением текстового анализа, что в результате привело бы к ошибочным показателям.

Одной из основных проблем в исследовании SMS-языка по-прежнему остается вопрос вероятности сохранения элементов грамматического строя неизменными при адаптации речи к условиям SMS-коммуникации, а также способность пунктуации компенсировать невербальные средства выражения эмоций. Так, в сообщениях корпуса SMS NUS наблюдаются примеры набора пунктуационных знаков в виде **ЭМОТИКОНОВ** для выражения своего эмоционального состояния или поддержания настроения собеседника (все примеры здесь и далее даны с сохранением авторской грамматики и пунктуации):

– *Gd luck 4 ur exams :-)*

– *Of course got use lah. U must jia you k. 2 more days and u can enjoy liao oh. :-)*

– *Really... I tot ur paper ended long ago... But wat u copied jus now got use? U happy lar... I still haf 2 study :-)*

Наличие подобных графических символов в коротких текстах свидетельствует о том, что по причине невозможности передачи своего настроения с помощью невербальных средств выражения эмоций в момент набора текста респонденты прибегают на письме к символам, компенсирующим такие важнейшие элементы коммуникации, как мимика и жесты.

Другим видом семантической организации текста посредством пунктуации является **многоточие**, которое обозначает паузу, начинает или завершает фразу, а также служит пробелом:

– Cant lor... Today bz... U wana go town 4 wat...
 – Okie... Cya den...mugging 4 test now, so sian...

– Really... Aiyo... So bad lk tt...Yupz, i'm goin but forgot to bring e marking sheet...Hopefully wont finish today...

Довольно частым знаком препинания, который выполняет интонационно-экспрессивную функцию, является **восклицательный знак**:

– tired!!!!!!

– dude! tune in to channel 5 now!!!

– i got the perfect christmas gift for you! tee hee! i think u will love it!!!

– hey good luck for your exams! just remember it's your last paper! you will be free!!!! woohoo!!

Следует отметить, что приведенные примеры могут служить общей моделью для всех SMS-сообщений, так как данная пунктуация характерна для языка SMS и укладывается в технические характеристики этой услуги.

При анализе коротких текстов корпуса SMS NUS были отмечены прагматические частицы,

свойственные исключительно сингапурскому варианту английского языка, передающие эмоционально-экспрессивную окраску сообщений и выражающие отношение автора к ситуации или тексту. Частотность той или иной частицы была определена нами с помощью корпус-менеджера AntConc, разработанного Лоуренсом Энтони (профессором факультета науки и техники в японском Университете Васэда) и предназначенного для обработки корпусов. Данный корпус-менеджер позволяет искать и подсчитывать различные элементы текста, их частотность и контекст употребления [11].

Так, мы определили выраженные примеры использования прагматических частиц в SMS-сообщениях (рис. 1):

– lor в значении указания на очевидность (Yar lor actually we quite fast... Cos da ge slow wat... Haha...; Nothing, smsing u n xy lor. Sorry lor da guys neva c u in person but they sort of know u lor. So u wan 2 meet them xy ask me 2 bring u along 4 our next meeting);

url cant work one... We're done... Anything lar... Go where n buy? Juz buy when we get
 ... If \xFC wan to eat then i wait 4 \xFC lar How come? Then \xFC ask dad to pick \xFC
 doctor? I'm wif him now buying tix lar... How much r \xFC willing to pay? Hi this
 's in da car now... Later then c lar... I'm wearing shorts... Huh y lei... \xDC
 not going out... Jus call lor... Of cos can lar i'm not so ba dao ok... 1 pm
 longer. Darren ask me not 2 cut too short. Ok lar i double check wif da hair dresser already he
 avorite oyster... N got my favorite sashimi... Ok lar i dun say already... Wait ur stomach start rumbli
 me, i'll make u fat hee... OK lar i dun say anything let my dad cook as
 call u when i'm reaching... No need lar i go engin? Cos my sis at arts today...
 wat u copied jus now got use? U happy lar... I still haf 2 study :-(Really dun bluff me le
 ... Will i b extra anot... I dun mind goin lor... Go chit chat... Oh... Okie lor... I dunno how
 early go out. Me cant sleep last night. Ok lor go now. But if 2 bored we go off. U
 mah... Then y my sis got 1 mth one... Ok lor... Go out walk walk then wun b fat... Hee...
 all go pai tuo ask me go. Haha ok lor. Go shop a while then go home sleep lor.
 u along. Asking shuhui oso. Ok thanx... U gd lor go shopping i got stuff to do. U wan 2
 ur fren's shop ? My fri ah... Okie lor, goin 4 my drivin den go shoppin after tt... Hey..
 looking 4 job let me know. Nothing but v weird lor. Got another guy can sit w us then he
 last comment, mt faber, then last nite v romantic lor got anything happen hahaha... Better not lah, he
 how's e mock? My tutorial juz ended lor... Got 2 hrs break now... Hmm... If u gona b
 2 orchard lor. Play w computer? Aiyah i tok 2 u lor? Ha... Both of us doing e same thing. But
 5 lor... Ya, can go 4 dinner together... Mon okie lor... Haha, best is cheap n gd food la, ex
 ' text 2: pmmmm... Okie lor... Den meet wat time leh: 045 ik u lor... Okie, hope i wont get rost...
 yijue, can i meet u at 11 tmr? Hmm... Dunno leh, mayb a bag 4 goinng out dat is not too
 my department and ask... Waste my time... Dunno leh.. Mayb not goin la... Wat's e website 4
 sure oso... Thk shld b at e fst block leh... My sis said at s2... Thk muz go early
 leh... Then she dun believe wat? Ron say fri leh. N he said ding tai feng cant make reservations.
 ... Huh... I mean e orientation in e first wk leh... Not majors... Wat's fow... Aiyo den die
 lor. I thk e nite scenery not so nice leh. Nothing but we jus tot u would ask cos
 sian also... So u going back now? U pig leh, now in arts canteen q for food... \xDC wan
 . So wat time r we meeting tmr? U say leh... Of course nothing happen lar. Not say v romant
 fen ah... So when u free to meet up leh? Oh... I'm goin sch tis fri lor,
 's e thg dat u dun wana c leh... Oh izit... I wan to c ur eye candy!

Рис. 1. Употребление прагматических частиц в SMS-сообщениях корпуса SMS NUS (цвет online)

– *leh* как завершение фразы (*Oh... Eh haven say wat u nd leh...; But i must confess dat i'm watching soccer n reading at e same time leh...;*

– *lar* в контексте «иметь в виду» (*Then we wait 4 u lor... No need 2 feel bad lar...; No need lar i go engin? Cos my sis at arts today...;*

Еще одним способом выражения эмоций в SMS-сообщениях корпуса SMS NUS служат междометия, которые выражают эмоционально-оценочное отношение автора текста к ситуации и его эмоциональное состояние в момент написания сообщения. Статистический анализ, проведенный в корпус-менеджере AntConc, показал, что наиболее частотными являются междометия (рис. 2):

– *hey*, выражающее обращение или побуждение к действию (*Hey so this sat are we going for the intro pilates only? Or the kickboxing too?; Hey... What time is your driving on fri? We go for evaluation on fri?;*

– *hmm*, которое передает сомнение респондента в ситуации (*Hmm thinking lor...; Hmm...Bad news...Hype park plaza \$700 studio taken...Only left 2 bedrm-\$900...;*

– *yup* – в качестве выражения отправителем одобрения сложившейся ситуации (*Yup i thk they r e teacher said that will make my face look longer. Darren ask me not 2 cut too short.; Yup next stop.*

say... Okie... Thanx... How come i din c \xFC... Yup i cut my hair... No wonder... Cos i dun u know? Thought it jus send 2 sms t all. Yup. I dont know how 2 explain... Need something in meeting xinyi at 12 at bishan. Can u make it? Yup i driving in. Its 2 bucks a person n per sleep early too... U takin bus or drivin? Ok... Yup i eat w u... My sis dun wan 2 eat... dad said he coming home 2 bring us out 4 lunch. Yup i go w u lor. I call u when ooked the pilates and yoga lesson already... Haha Yup... I havent been there before... You want to go got company already then i no need go down. Yup i not interested. I was thinking e 2 of u u give me so much. Ok enjoy ur dinner. Yup. I pick u ard 830. Call u when i leave. ? But i tot u going to take a nap.. Yup i send her liao so i'm picking of iter n jet got abt 7 n half pages.. Yup i shd haf ard 10 pages if i add figures... \ i was wif n he finally guessed darren lor. Yup i thk cine is better cos no need 2 go elf lor... Thanx but my birthday is over already. Yup i thk so until e shop closes lor. Hi thk he's cutting quite short 4 me leh. Yup i thk they r e teacher said that will their time How r u gonna go sentosa tom? Yup... If \xFC all r going... Oh ok... I' u all so hardworking...u all camping tonite... Yup... in front of CoolStation. Im at pink table ... it's da one \xFC cut ur hair. Yup it's at paragon... I havent decided whether then i wait lor. Then u entertain me. Hee... Yup. Izzit still raining heavily cos i'm in more got tut too... Stay until dinner time lor... Yup knock off liao, but i still go a stack 'll behave well k. Tdy many stall close. Yup. Macdonalds lor. U at e airport already. Enjoy ur

Рис. 2. Примеры использования междометия «yup» в SMS-сообщениях корпуса SMS NUS (цвет online)

В результате проведенного исследования было установлено, что пунктуация, усилительно-выделительные частицы и прагматические междометия способствуют коммуникативно-синтаксической организации SMS в сингапурском варианте английского языка. Так, с помощью графических (эмотиконы), лексических (прагматические частицы и междометия) и пунктуационных (восклицательный знак) единиц автор определяет свое отношение к высказыванию, передавая свой эмоциональный фон в момент написания текста.

Еще одним выводом нашего исследования является то, что в рамках SMS-переписки наряду с другими преобразованиями (например, эллиптические конструкции, фонетический принцип написания слов) изменения в синтак-

сисе и пунктуации объясняются стремлением коммуникантов к экспрессивно-эмоциональному воспроизведению речи. SMS-орфография стала способом самовыражения и передачи эмоционального состояния, которое, как правило, проявляясь вербально и невербально, сопровождает любой речевой акт.

Список литературы

1. Littlejohn S. W., Foss K. A. Theories of Human Communication : 10th ed. Albuquerque, New Mexico : Waveland Press, 2011. 488 p.
2. Викулова Л., Гедгафова Н. Медийное коммуникативное пространство : научно-популярный журнал предметной сферы «Путешествие» // Вестник Южно-Уральского государственного университета.

- Серия : Лингвистика. 2018. Т. 15, № 1. С. 43–49. <https://doi.org/10.14529/ling180108>
3. Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М. : Современная энциклопедия, 1969. 512 с.
 4. Carey J. A cultural approach to communication // Communication. 1975. № 2. P. 11–22.
 5. Tao Ch., Min-Yen K. Creating a Live, Public Short Message Service Corpus: The NUS SMS Corpus. URL: <https://www.comp.nus.edu.sg/~kanmy/papers/smsCorpus.pdf> (дата обращения: 20.02.2021).
 6. Tagg C. A Corpus Linguistic Study of SMS Text Messaging. University of Birmingham Research, 2009. 402 p.
 7. Grinter R., Eldridge M. "y do tngrs luv 2 txt msg?" // Proceedings of the 7th European Conference on Computer-Supported Coperative Work (ECSCW'01) / ed. dy W. Prinz, M. Jarke, Y. Rogers, K. Schmidt, V. Wulf. Bonn, Germany; Dordrecht, Netherlands : Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 219–238.
 8. Faulkner X., Culwin F. When fingers do the talking: A study of text messaging // Interacting with Computers. 2005. Vol. 17, iss. 2. P. 167–185. <https://doi.org/10.1016/j.intcom.2004.11.002>
 9. Мишурова Е. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 219 с.
 10. Максимова Н. Структура текстового сообщения в ограниченном коммуникативном пространстве : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2014. 121 с.
 11. Laurence A. AntConc (Version 3.5. 9) [Computer Software]. Tokyo, Japan : Waseda University. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения: 05.09.2017).

Поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 29.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–170

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–170

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-164-170>

Научная статья

УДК 811.111'42(676.1)

Особенности оппозиционного политического дискурса угандийского политика Боби Вайна

А. Б. Алексеев

Институт общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. В статье рассматривается политический дискурс одного из наиболее влиятельных оппозиционных угандийских политиков Боби Вайна, известного острой критикой режима президента Йовери Мусевени, существующего с 1986 г. Боби Вайн, официально начавший свою политическую карьеру в 2017 г., будучи избранным в парламент Уганды, фактически не признает законность нахождения у власти своего идеологического противника. В стране создан политический миф, согласно которому на всеобщих президентских выборах 2021 г. победила оппозиция, а не Йовери Мусевени, который лишь с помощью массовых фальсификаций смог обеспечить свое очередное переизбрание. Исследование проводится на материале текстов интервью, данных Боби Вайном в период 2017–2021 гг. Его актуальность обосновывается необходимостью подвергнуть изучению внесистемный оппозиционный политический дискурс, в том числе в бедных, развивающихся странах, живущих в условиях не демократии, а жесткого авторитаризма. Основным методом исследования является критический дискурс-анализ, разработанный, прежде всего, Т. Ван Дейком, Н. Фэркло, Р. Водак, базирующийся на фундаментальных неомарксистских и фукианских принципах. Выявлено, что угандийский оппозиционный политический дискурс характеризуется акцентированием оппозиций «молодое поколение – старшее поколение», «народ – власть», некоторой пафосностью, утопичностью, мифологичностью, образностью. Боби Вайн неоднократно подчеркивает то, что он представитель угандийского гетто и, в отличие от своего соперника, молод, а поэтому понимает надежды и чаяния большинства угандийцев, уставших от многолетнего правления несменяемого лидера Уганды, а также коррупции, процветающей в стране. В речах политика обосновывается необходимость перемен и отсутствие у оппозиции страха перед будущим – напротив, Йовери Мусевени изображается человеком, потерявшим чувство реальности, больше всего боящимся потерять власть.

Ключевые слова: Африка, власть, дискурс, оппозиция, политический дискурс, миф, Уганда

Для цитирования: Алексеев А. Б. Особенности оппозиционного политического дискурса угандийского политика Боби Вайна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 164–170. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-164-170>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The peculiarities of the oppositional political discourse of Ugandan politician Bobi Wine

A. B. Alexeyev

Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russia

Alexander B. Alexeyev, neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. The article analyzes the political discourse of one of the most influential Ugandan opposition politicians, Bobi Wine, who is famous for his scathing criticism of loweri Museveni's regime, existing since 1986. Bobi Wine, who officially started his political career in 2017, the year when he was elected in the Ugandan parliament, actually does not recognize the legitimacy of the rule of his ideological enemy. In the country the political myth is created according to which the opposition, and not Yoweri Museveni, won the presidential elections of 2021. Yoweri Museveni just used mass rigging of votes to ensure his victory. The research is carried out on the basis of interviews given by the oppositional politician in the years of 2017–2021. Its urgency is explained by the necessity to study non-systemic political discourse, including the one that belongs to poor, developing countries living not in democracy but in the conditions of harsh authoritarianism. The main method of the research is critical discourse analysis developed mainly by T. van Dejk, N. Fairclough, R. Wodak and based on the fundamental neo-Marxist and Foucauldian principles. It has been found out that the Ugandan oppositional political discourse is characterized by the accentuation of such oppositions as 'the young generation vs. the older generation', 'people – authorities'. It is also marked by some degree of pathos, the belief in utopian visions and political myths as well as figurativeness. Bobi Wine emphasizes that he represents the Ugandan ghetto and, unlike his rival, he is young. Hence, he can understand the hopes of most Ugandan people who are tired of the many-years rule of the permanent leader of Uganda as well

as the corruption flourishing in Uganda. In the speeches of the politician, the need for changes is explained. The stress is made on the fact that opposition does not have fear of the future while Yoweri Museveni, on the contrary, is portrayed as a person who has lost the sense of reality, and is, most of all, afraid of losing power.

Keywords: Africa, power, discourse, opposition, political discourse, myth, Uganda

For citation: Alexeyev A. B. The peculiarities of the oppositional political discourse of Ugandan politician Bobi Wine. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 164–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-164-170>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Уганда – государство, расположенное в Восточной Африке, бывшая британская колония, получившая независимость в 1962 г., страна с непростой историей, пережившая после обретения своей независимости сначала авторитарную политику Милтона Оботе (1966–1971), затем жестокую диктатуру Иди Амина (1971–1979), войну с Танзанией (1978–1979) и последовавшее за ней возвращение президента Милтона Оботе (1980–1985), второй срок правления которого был отмечен масштабными репрессиями, развернутыми против оппозиции. С 1986 г. власть в Уганде находится в руках Йовери Мусевени, который хоть формально и предпринимал попытки реформировать инертную политическую систему страны, согласившись, например, на создание в 2005 г. многопартийного парламента, тем не менее, подвергается резкой критике. Противники действующего президента Уганды указывают на его нежелание покидать высокий пост и предпринимаемые для этого всевозможные меры – поправки к Конституции 1996 г., давшие Йовери Мусевени возможность переизбираться неопределенное количество раз, закон 2018 г. об отмене для главы государства ограничений по возрасту, – а также несоблюдение базовых прав человека, безжалостное преследование активных диссидентов, силовое подавление мирных протестных движений. К тому же по индексу восприятия коррупции, ежегодно составляемому *Transparency International*, Уганда устойчиво занимает пусть и не самое последнее, то весьма низкое место, уступая в том числе многим африканским странам.

В Уганде, где, вопреки введенной многопартийности, если верить свидетельствам критиков режима Йовери Мусевени, любое реальное сопротивление личной власти президента связано с серьезными рисками, не исключая риски здоровью и жизни, заниматься оппозиционной деятельностью нелегко и опасно. В настоящей статье не будем даже мимоходом останавливаться на дискурсивных практиках системной оппозиции, которая в условиях тоталитарных/авторитарных политических систем, как правило, выполняет чисто формальные или, можно сказать, декоративные функции, но подвергнем лингвополитологическому анализу несколько речей Боби Вайна (это его псевдоним, реальное

имя – Роберт Киагуланьи Ссентаму) – в прошлом работника шоубизнеса, певца, актера, прославившегося помимо прочего своей филантропской деятельностью, а теперь одного из признанных лидеров угандийской оппозиции, получившего своеобразное признание и со стороны угандийских властей (политика неоднократно арестовывали, заключали под домашний арест, а также, по его словам, подвергали бесчеловечным пыткам, призванным сломить волю к сопротивлению). Несмотря на многочисленные преследования, оппозиционеру удалось добиться определенного политического успеха – в 2021 г. Боби Вайн даже по официальным данным завоевал почти 35% голосов граждан Уганды, тем не менее, проиграв электоральную кампанию своему главному сопернику, преодолевшему 50%-ный барьер, хотя остается под вопросом, в каком масштабе для обеспечения победы действующего президента страны использовались фальсификации.

Материалом исследования послужили три текста интервью, данных Боби Вайном в разное время своей относительно короткой политической карьеры – с 2017 по 2021 г. Актуальность исследования определяется не только недостаточной степенью изученности оппозиционного политического дискурса, в особенности внесистемного, получающего в работах лингвистов значительно меньше освещения, чем, к примеру, официальные речи президентов/высокопоставленных политиков в парламенте, но также политического дискурса в развивающихся странах, порой отмеченного жестким авторитаризмом и вытекающим отсюда неуважением к демократическим ценностям, которые многие – сознательно или бессознательно – воспринимают на Западе в качестве неких данностей или аксиом. Между тем само слово «демократия», в том числе в западном политическом дискурсе, последовательно используется для манипуляции, иногда лишается содержательного наполнения и обозначает всего лишь «хороший способ управления страной» [1]. В России же понятие «демократия» нередко ассоциируется еще с политическим хаосом, перестройкой (катастройкой в терминах А. А. Зиновьева [2, с. 96]) и последовавшими «лихими девяностыми» (выражение «лихие девяностые» и сформировавшийся вокруг него миф возникнут, однако, значительно позднее, отнюдь не в девяностые).

Особенности тоталитарного/авторитарного политического дискурса достаточно хорошо изучены, но сделано это в основном на материале дискурсов прошлых исторических эпох, главным образом, репрезентированных дискурсами фашизма (нацизма) и коммунизма, фактическое отождествление которых бывшее и, к сожалению, остающееся модным как на Западе, так и в нашей стране – вначале в среде некоторых советских диссидентов (по сомнительному принципу «две стороны одной медали»), а впоследствии и видных политиков, – не только не соответствует исторической действительности, поскольку при этом приравниваются друг другу две принципиально отличные идеологии да и государственные системы, но на самом деле является, по мнению писателя В. С. Бушина, клеветой на СССР, навеютом, сыгравшим роковую роль в судьбе союзного государства, а значит, и России [3, с. 392].

Необходимо подчеркнуть неизбежную политическую/идеологическую ангажированность любых исследований тоталитарных/авторитарных политических дискурсов, создающую риск отхода от строго научного функционального стиля. С другой стороны, критическая и политическая лингвистики формировались под воздействием известных антиутопий Дж. Оруэлла, а также лингвополитологических изысканий в сфере языка Третьего рейха, СССР, коммунистических стран Восточной Европы, *la langue de bois* (рус. – деревянного языка) и т.д. – изначально политически неравнодушных областей современного языкознания, в котором, вопреки особенностям научного дискурса, стремление к объективности как некоему идеалу не всегда признается оптимальной исследовательской установкой. Напротив, Т. Ван Дейк убежден, что ученому, работающему в рамках критических дискурсивных исследований (КДИ), следует недвусмысленно выражать свою точку зрения на анализируемую социальную проблему, активно разоблачать несправедливые, незаконные гегемонистические дискурсивные практики, способствующие, например, оправданию расизма, оказывать открытую поддержку так называемым агентам перемен [4, с. 24]. Это, по существу, неомарксистские принципы, в основе которых по-прежнему лежит знаменитый одиннадцатый марксовский тезис о Л. Фейербахе, гласящий о необходимости не просто интерпретировать, но и *изменять* мир: ‘Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretiert, es kömmt drauf an, sie zu verändern’ [5].

Е. И. Шейгал придерживается мнения, что тоталитарный/авторитарный политический дискурс может быть сравнен с религиозными практиками, а демократический – с научной

коммуникацией. Соответственно, имеет смысл описывать первый – в терминах «косность», «слепа́я вера», «эзотеричность» и т.п., а второй – в терминах «рациональность», «трезвый скепсис», «ясность» и др. [6, с. 69].

Такой подход, отражая неприятие тоталитаризма/авторитаризма, тем не менее, на наш взгляд, не обязательно верен, поскольку, с одной стороны, неоправданно идеализирует понятие демократии, а с другой, недооценивает силу здравого убеждения, которое вполне может применяться как авторитарными лидерами, так и противостоящей им оппозицией, причем «площадкой борьбы» всегда является дискурс, представляющий собой, по словам М. Фуко, «и инструмент власти, и ее результат, но также препятствие власти, на которое она натывается, начальный этап ... сопротивления ей» [7, р. 101]. В этом контексте речь идет одновременно о *речево́м, языковом сопротивлении*, направленном прежде всего против *лингвистического диктата* [8, с. 248], и сопротивлении как прямом действии, не всегда агрессивном/насильственном, – например, важнейшим невербальным элементом дискурса протестного движения желтых жилетов во Франции является само облачение его участников.

Центральной категорией любого дискурса признается власть (др.-гр. Κράτος:) в широком, фукианском понимании данного термина – именно она лежит в основе *кратологического дискурсивного анализа*, соотносящегося с *критическим дискурсивным анализом* (КДА). Как утверждал еще Б. Рассел, «фундаментальный концепт социальной науки – Власть, равно как Энергия – фундаментальный концепт физики» (цит. по: [9, р. 1]).

В политическом дискурсе, особенно в его внесистемной оппозиционной разновидности, вопреки уже устойчиво сложившейся в политической лингвистике традиции, лингвопрагматическую установку, обозначаемую в ряде работ как «борьба за власть», не следует абсолютизировать – на это указывает А. В. Зайцев, выступающий против примитивизации и обеднения политико-политического аспекта изучения дискурсивно-коммуникативного поля политики [10]. Проблема заключается в том, что исследователи часто под властью имеют в виду власть исключительно политическую, игнорируя основное положение французской социологии, а впоследствии и критической лингвистики, восходящее к концепции *le pouvoir* М. Фуко, согласно которому практически любая ситуация социального взаимодействия – а дискурс является прежде всего социальной практикой [11, р. 22] – чревата демонстрацией, (вос)произведе-

нием и трансформацией властных отношений между людьми, и отношения эти подчас принимают не фактуальный, а *фикциональный* характер. Фикциональный (социальный) мир, будучи конструктом дискурса, в определенной степени противоречащим реальному внешнему миру, близок понятиям *фиктивность*, *вымышленность* [12, с. 94], но вместе с тем в области политики принципиально отличается от них – он продукт политического мифа, который имеет смысл интерпретировать не в качестве ложной истории, а сложного сплетения правды и неправды, иррационального в своей сущности.

Приведем пример из дискурса Боби Вайна: *I'm definitely the elected president of Uganda but as it is the junta that took over our country with force of arms in 1986 is still under control of our country, unconstitutionally. Of course, we have to continue fighting to ensure that the will of the people of Uganda is asserted* (<https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc>).

Ср.: *Ugandans went to the polls on the 14th of January and they asserted their voices, and the voices have been usurped* (Ibid.).

Пафос и одновременно фикциональный элемент приведенных реплик заключается в том, что не только оппозиционный политик не признает себя побежденным, но утверждает: именно он выступает в роли законно избранного президента Уганды, а не хунта (the junta), узурпировавшая власть в 1986 г. Для придания убедительности своим словам и в особенности избранной формы самоидентификации – «Я президент» – говорящий использует качественное наречие ‘definitely’ (рус. – точно, определенно).

Характеризуя режим Йовери Мусевени, Боби Вайн употребляет эмотивную лексику, относящуюся к семантическим полям «военный переворот» и «беззаконие». Фикциональность дискурса определяется тем, что никто в мире не признал победу оппозиционера на выборах, – напротив, международное сообщество в целом и целом готово к диалогу и сотрудничеству с действующим президентом Уганды. С помощью *миромоделирующей функции дискурса* (термин А. А. Булгаковой [13, с. 82]) Боби Вайн изменяет социальные иерархии – получается, с точки зрения права во главе страны находится он, а лидер «хунты» – просто военный преступник.

Многие ученые, анализируя приведенный речевой фрагмент, наверное, поставили бы вопрос о манипуляции, но ввиду негативной оценочности этого термина, а также отсутствия здесь явных манипулятивных маркеров, за исключением разве что эмотивной лексики, в принципе свойственной политическому общению, на наш взгляд, точнее вести речь о языковой игре в

ее широкой, витгенштейновской концептуализации (нем. der Sprachspiel), представляющей собой одновременно и игру во власть, гармонизирующую общественную жизнь [14, с. 47].

До выборов 2021 г. Боби Вайн, в принципе, признавал (относительную) легитимность президентства своего идеологического противника, но всегда подчеркивал, что его слова адресуются не правящим элитам, а простому народу Уганды: чиновники все равно неспособны понять то, о чем он говорит, – они настолько опьянены властью и богатством, что не слышат оппозицию. Они лицемерны и скрывают от мира правду о том, что происходит с людьми, осмеливающимися бросить вызов коррумпированной системе:

Well, does anybody get surprised when the authorities torture Ugandans and say it's fake? I've nothing to say to them. All I have to say is to the Ugandans, not the authorities. They are so drunk on power, they don't listen to nothing (<https://www.youtube.com/watch?v=3X8hCcc1y8M>).

Используя риторический вопрос, антитезу (‘All I have to say is to the Ugandans, not the authorities’), политик резко противопоставляет большинство угандийцев правящим кругам страны – он непосредственно обращается к своим соотечественникам и выражает мнение о бесперспективности переговоров с антидемократическим, авторитарным режимом Йовери Мусевени. Те, кто принимает решения в Уганде, охарактеризованы с помощью метафоры ‘drunk on power’, а с целью подчеркнуть их неспособность к диалогу оппозиционер употребляет двойное отрицание, по правилам нормативной английской грамматики недопустимое в речи, но выполняющее важную лингвопрагматическую функцию – таким образом подчеркивается «глухота» властей, их зашоренность от любых законных требований оппозиции.

Боби Вайн открыто говорит о своих личных переживаниях и в особенности о бесчеловечных пытках, которым он подвергся в угандийской тюрьме:

Well, they did unspeakable things to me. They brutally arrested me, beat me, tortured me, abused me and left for dead (Ibid.).

Эпитеты ‘unspeakable’, ‘brutally’ дают адресату представление о том, как обращаются с политзаключенными в Уганде. Риторический эффект достигается и с помощью актуализации синонимов, в том числе обусловленных контекстом. При этом синонимический ряд выстраивается в градуальной последовательности – политика, по его словам, арестовали, избивали, подвергли пыткам и оставили умирать.

Чтобы дискредитировать своего соперника, Боби Вайн апеллирует к чувству страха – весьма

необычной политической стратегии в арсенале оппозиции, действующей в рамках авторитарной политической системы, по определению в таких условиях не обладающей какими-либо средствами прямого политического давления:

*I must say that General Museveni is **scared** not just of me but of the generation of the thousands and thousands of Ugandans that are yearning for change, are not only yearning for change silently but are up to demand what is rightfully theirs. He is **scared** because he has kept people ignorant for a long time until when **our generation** woke up all at once. We must remember that Uganda is a country that has over 80% of citizens that have never seen another president because General Museveni has been president for 35 years. So, yes, he is **scared** of **our generation** and rightly so* (<https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc>).

Ключевая лексема процитированного фрагмента речи оппозиционера ‘scared’ – говорящий утверждает, что генерал Мусевени напуган законными требованиями угандийцев, ждущих перемен. Акцент делается на разнице поколений – 75-летний президент, по мнению Боби Вайна, не может найти общего языка с подавляющим большинством молодого населения страны. Он оставался у власти 35 лет и ничего нового предложить уже не в состоянии.

Страх побуждает действующего главу государства проводить еще более авторитарную, репрессивную политику, чем прежде, блокировать доступ оппозиции к СМИ, не давать ей право проводить мирные митинги:

*...I can't be allowed to address any crowd, anywhere I can't be even allowed to access radio or TV stations, especially in the countryside. Why? Because president Museveni is **very-very scared** of the message that we bring. He is **very scared** of the fact that 85% of the population of Uganda is my age and younger. He is **very scared** because he see (sic.) the signs everywhere: people are yearning for change* (<https://www.youtube.com/watch?v=5tUqhQf4kdI>).

Лексема ‘scared’, как видно, усиливается наречием ‘very’, в том числе удваиваемым (very-very). Для оказания должного риторического эффекта Боби Вайн применяет вопросно-ответную форму подачи информации (Why? Because...), параллельные конструкции, анафорический повтор (He is very scared... He is very scared...).

Анафоры встречаются в дискурсе оппозиционного политика достаточно часто и позволяют сосредоточить внимание адресата на основной мысли:

The youth of Uganda are saying, they want better. The youth of Uganda are saying, they want their country back. The youth of Uganda are saying,

they want a country that offers equal opportunity to every Ugandan... The youth of Uganda are saying, it is time, it is our time (Ibid.).

В данном случае главная идея выражается в том, что молодое поколение угандийцев – поколение, к которому относит себя и Боби Вайн, – хочет лучшей жизни, а соответственно, ждет радикальных перемен. Застывшая метафора (англ. trite metaphor) «ветер перемен», известная еще по одноименной речи 1960 г. британского премьер-министра Гарольда Макмиллана, а также нередко используемая в музыке, актуализируется в речах угандийского политика, причем иногда она осложняется компонентом ‘blowing’ (ветер дует), что оживляет метафорический образ:

Well, the wind of change is blowing. It's only those that've decided to cover their ears and eyes that don't see, but the wind of change is blowing. Those of us who were young are now grown. We were babies. Now we are parents. We are demanding the right to shape the future for ourselves and our children and we will stop at nothing (Ibid.).

Не заметить ветер перемен можно только заткнув уши, закрыв глаза – Боби Вайн снова обращается к теме «глухоты», «слепоты» угандийских властей, до которых нельзя «достучаться».

Оппозиционер осуждает коррупцию и кумовство, процветающие в африканской стране, в которой все высшие должности распределены между близкими родственниками/хорошими друзьями президента:

*We want to revive our education system. I mean it is **sad** that the wife of the president whose education is actually questionable is the minister of education. And it is **so sad**, the recent happening in Makerere university and what she said that explains **the regime and the family and the couple** that I ruling over us* (Ibid.).

Эпитет ‘sad’ (рус. – грустно), здесь повторенный дважды, является веской оценочной категорией того, что, по мнению Боби Вайна, происходит в Уганде. Слова ‘the regime’, ‘the family’, ‘the couple’ превращены фактически в контекстуальные синонимы, что указывает на неразрывное родство политики и семейных (кумовских) связей. По утверждению критика угандийского авторитарного режима, жена главы государства некомпетентна и никак не может быть достойным министром образования – должность, которую она получила лишь ввиду положения, занимаемого ею в клане Мусевени.

Печально положение и в области здравоохранения Уганды – неслучайно, что правящие элиты, в отличие от простых угандийцев, никогда не посещают больницы своей страны и лечатся только за границей:

We want to revive our healthcare system. It is sick itself. It explains why our government officials, our leaders actually never go to our hospitals... they fly to country (sic.), to developed countries for treatment while the Ugandans are left to suffer and die. This explains, why we lose more than 19 women every day, not every week, not every month, but every day (Ibid.).

С помощью метафорического эпитета ‘sick’ говорящий уподобляет систему здравоохранения на его Родине больному пациенту – ее необходимо срочно исправлять. Для подтверждения своей точки зрения политик приводит статистические данные, в частности указывая на чрезмерно высокую смертность среди угандийских женщин.

Сам оппозиционер в чем-то имеет привилегии по сравнению с большинством своих соотечественников – в отличие от них он, несмотря на то что подвергается репрессиям, может позволить себе лечение за границей. Тем не менее длительное пребывание за пределами Уганды, вдали от родных и близких, а также товарищей по борьбе, обреченных на нищету и страдание, – своеобразная пытка для него. В интервью, данном в Великобритании, Боби Вайн сказал следующее:

Being here is already torture. I'm away from my family, I'm away from my children, and I'm away from fellow Ugandans who were tortured, you know, I'm only lucky that I've the ability to come for specialized treatment but I'm not scared (https://www.youtube.com/watch?v=3X8hCcc1y8M).

Как видно, с одной стороны, речь идет о пытке (torture) – в прямом и переносном смысле этого слова, а с другой, о везении: подвергнувшись жестокому обращению в тюрьме, Боби Вайн мог все же обратиться по поводу своего здоровья к иностранным специалистам. Тем не менее возврат на Родину для него – единственно возможный шаг, и страха перед будущим он не испытывает (I'm not scared).

Вопреки бедности и плачевному состоянию экономики Уганды, сама страна богатая – в ней есть и плодородные земли, и некоторые полезные ископаемые, и драгоценные металлы. Проблема заключается лишь в том, что все это принадлежит избранному меньшинству, так или иначе связанному с влиятельным кланом Мусевени:

Uganda is enormously gifted with amazing fertile soils. However, the land has been conspicuously owned by one family or one clan or one grouping. We want to put an end to that. We want the natural resources of the country to be actually a property and the benefit of the people of Uganda (https://www.youtube.com/watch?v=5tUqhQf4kdI).

Таким образом, люди Уганды, их интересы, чаяния противопоставлены семье во власти, подчинившей себе богатства африканской страны.

Характеризуя режим президента Йовери Мусевени, Боби Вайн прямо называет его диктаторским и сравнивает с худшими, деспотическими формами правления, опробованными в прочих тоталитарных/авторитарных государствах:

General Museveni has shown use the same trajectory of all the dictators that come in the name of revolutionaries but descend into despised despots who abuse rights with impunity but ultimately they end up in the dustbin of history. So we can almost be sure that it's just the matter of time for General Museveni to end up in the dustbin of history like all the tyrants that have come before him (https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc).

Выделенные слова являются синонимами и передают мысль, что президент Уганды ничем не лучше других автократов до него и закончит он так же – его имя будет отправлено на свалку истории (the dustbin of history). Говорящий активно пользуется выразительными возможностями английского языка, обращаясь в том числе к его фонетической стороне, применяя аллитерацию (**descend into despised despots**). Актуализируя модальное значение реплики (So we can almost be sure that...), Боби Вайн передает свою уверенность в том, что диктаторский режим его противника придет к бесславному концу.

Первые шаги к политической трансформации уже сделаны – в 2017 г. Боби Вайн был избран в парламент Уганды:

Well, I said it the day I went to parliament that since the parliament refused to come to the ghetto, the ghetto will come to the parliament (https://www.youtube.com/watch?v=3X8hCcc1y8M).

Употребляя лингвостилистический прием, известный как хиазм, политик утверждает, что с его восхождением на политическую сцену угандийское гетто получило право голоса. Идентификация себя с гетто, с беднейшей и наиболее бесправной частью населения Уганды в принципе составляет лейтмотив дискурса Боби Вайна:

I'm a musician, a social activist, and a ghetto youth who recently – I call it recent but it is 2 years ago – decided to run and become a member of parliament (Ibid.).

Политическая борьба, с точки зрения угандийской оппозиции, может иметь лишь два исхода – либо будет достигнута победа над автократическим режимом, либо революционеры погибнут, стараясь добиться этой цели:

I'm going to continue the fight for freedom and it is the fight that we must either win or die trying (https://www.youtube.com/watch?v=S7JcUv-GpGc).

Модальный глагол ‘must’ передает идею долженствования («мы должны победить»), а раздельный союз ‘either ... or’ указывает, что есть только две альтернативы – победить или умереть.

При этом Боби Вайн делает все же акцент на необходимости следовать букве закона и Конституции – политик не верит в насильственные методы борьбы:

*I've said it before and I'll say it again that we shall continue to fight **legally** and **constitutionally** for our freedom and if need be we shall **die fighting*** (<https://www.youtube.com/watch?v=5tUqhQf4kdI>).

Ср.: *I don't believe in violence. So we're using and shall continue to use all **legitimate** and **legal** ways of defending our voice. We want the voice of the people to surpass the voice of the guns* (Ibid.).

Подводя итоги проведенному исследованию, выделим следующие особенности политического дискурса Боби Вайна:

– противопоставление двух поколений Уганды – молодого, ждущего перемен и готового сражаться за достижение лучшего уровня жизни, и людей старшего возраста, находящихся в абсолютном меньшинстве и представленных прежде всего кланом Мусевени;

– противопоставление президента Йовери Мусевени народу, всем угандийцам;

– акцентирование страха, который испытывает правящая элита, и подчеркивание отсутствия страха у оппозиции, несмотря на развернутую кампанию репрессий;

– включение в дискурс моментов личного переживания событий, четко выраженное персоналистское измерение политики;

– избрание форм самоидентификаций, близких большинству/значительной части жителей Уганды («я человек молодого поколения»; «я из гетто»);

– использование некоторых фикциональных дискурсивных элементов, апелляция к политическим мифам (в частности, безоговорочное утверждение, что оппозиция выиграла выборы 2021 г.);

– определенная степень пафосности и утопичности;

– выразительность, активное обращение к лингвостилистическим возможностям английского языка, проявляющееся в том числе в употреблении ярких эпитетов, метафор, риторических вопросов, антитез и т.д.

Список литературы

1. *Shawqi K.* Manipulation of meaning in political discourse. URL: <http://www.iasj.net/iasj?func=fulltext&aId=84459> (дата обращения: 16.12.2016).
2. Кто сегодня делает философию в России : в 2 т. / сост. А. С. Нилогова. М. : Поколение, 2007. Т. 1. 576 с.
3. *Бушин В. С.* Неизвестный Солженицын. М. : Алгоритм, 2006. 448 с.
4. *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
5. *Marx K.* Thesen über Feuerbach. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/marx-engels/1845/thesen/thesfeue-or.htm> (дата обращения: 22.06.2021).
6. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис, 2004. 326 с.
7. *Foucault M.* The History of Sexuality: An Introduction. Hammonsworth : Penguin, 1978. 168 p.
8. *Копнина Г. А.* Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 248–253. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>
9. *Locher M.* Power and Politeness in Action. Disagreements in Oral Communication. Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. 385 p.
10. *Зайцев А. В.* Лингвополитология vs политическая лингвистика : возможен ли диалог? // Litera. 2012. № 1. С. 25–81. <https://doi.org/10.7256/2306-1596.2012.1.150>
11. *Fairclough N.* Language and Power. London : Longman Group, 1989. 259 p.
12. *Стырина Е. В., Мартиросян А. А.* Элементы фикциональности в медиатекстах : столкновение реального и вымышленного // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105.
13. *Булгакова А. А.* Создавая новый мир : принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
14. *Равочкин Н. Н.* Языковые игры в сфере политики и права : аналитические философы vs постмодернисты // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия : Философские науки. 2020. № 2. С. 46–53. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.34.2.05>

Поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 171–176
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 171–176
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-171-176>

Научная статья
УДК 821.161.1.09+929Аввакум

«И звёзды тебѣ служатъ»: солнце, луна и звезды как внешние очертания смысловых констант в творчестве протопопа Аввакума (на материале текстов разных жанров)

А. В. Загуменнов

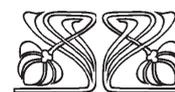
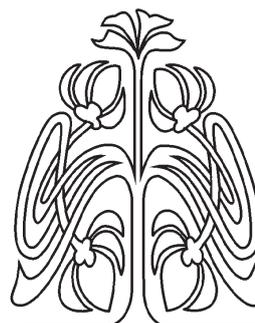
Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви, Россия, 160009, Вологда, ул. Монастырская, д. 2

Загуменнов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, zaw1991@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Аннотация. Статья посвящена выявлению в корпусе текстов протопопа Аввакума смысловых констант, которые проявлялись как характерная черта его мирозерцания с помощью определенных ресурсов языковой системы. В этой связи основное внимание уделено субстантивам «солнце», «луна» и «звезды» как внешним очертаниям ассоциативных связей, которые возникают в целом ряде сочинений. При этом в статье рассматриваются только те случаи, где указанные лексические единицы оказываются в составе синтаксически выстроенной последовательности. Таким образом, в методологию предлагаемой статьи вошли контекстный анализ, реконструкция, прием сравнения и элементы филологической герменевтики. Впервые на объемном материале («Жития, им самим написанного», «Книги толкований и нравоучений», «Книги бесед», богословских сочинений и эпистолярном наследии) доказывается, что упоминание данных небесных тел актуализирует два ключевых смысла, которые условно нами обозначены как «эсхатологический» и «аксиологический». Первый из них обусловлен характерным для периода раннего старообрядчества осознанием реформ Никона как начала последних дней и близости Страшного суда, а второй – необходимостью для протопопа Аввакума реагировать на действия своих сторонников и последователей. Выявлено, что контексты анализируемых лексических единиц, выражающих наименование небесных тел, группируют корпус сочинений на два блока. Эсхатологический смысл обнаруживается в целом ряде текстов, среди которых основные редакции «Жития...», «Книга толкований...» и «О сотворении мира...», а аксиологический – в «Книге бесед» и эпистолярном наследии. Завершается статья общим выводом о значимости поиска аналогичных констант для остальных «Пустозерских узников». **Ключевые слова:** лексика, текст, смысл, языковая личность, раскол

Для цитирования: Загуменнов А. В. «И звёзды тебѣ служатъ»: солнце, луна и звезды как внешние очертания смысловых констант в творчестве протопопа Аввакума (на материале текстов разных жанров) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 171–176. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-171-176>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

“And the stars serve you”: The sun, the moon and stars as the external outlines of meaningful constants in the works of Protopope Avvakum (Based on the texts of different genres)

A. V. Zagumennov

Vologda Theological Seminary of the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church, 2 Monastyrskaya St., Vologda, 160009, Russia
Alexander V. Zagumennov, zaw1991@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Abstract. The article deals with the identification of semantic constants in the corpus of the texts of Protopope Avvakum, which manifested themselves as a characteristic feature of his worldview with the help of certain resources of the language system. In this regard, the main attention is paid to the substantives “the sun”, “the moon” and “stars” as the external outlines of associative links that arise in a number of works. At the same time, the article considers only those cases where the indicated lexical units are part of a syntactically built sequence. Thus, the methodology of the present article includes contextual analysis, reconstruction, comparison techniques and elements of philological hermeneutics. For the first time on extensive material (*Life, written by himself, Books of interpretations and moral teachings, Books of conversations, theological writings and epistolary heritage*) it is proved that the mentioning of these celestial bodies actualizes two key meanings, which we conditionally designated as “eschatological” and “axiological”. The first of them is due to the awareness of Nikon’s reforms as the beginning of the last days and the proximity of the Last Judgment, characteristic of the period of the early Old Believers, and the second – to the need for Protopope Avvakum to respond to the actions of his supporters and followers. It was revealed that the contexts of the analyzed lexical units expressing the names of celestial bodies organize the body of works into two blocks. The eschatological meaning is found in a number of texts, including the main editions of *Life ..., Book of Interpretations ... and On the Creation of the World ...*, and the axiological meaning - in the *Book of Conversations* and the epistolary heritage. The article ends with a general conclusion about the importance of searching for similar constants for the rest of the *Pustozersk Prisoners*.

Keywords: vocabulary, text, meaning, linguistic personality, schism

For citation: Zagumennov A. V. “And the stars serve you”: The sun, the moon and stars as the external outlines of meaningful constants in the works of Protopope Avvakum (Based on the texts of different genres). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 171–176 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-171-176>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Количество трудов, посвященных творчеству Аввакума, в настоящий момент настолько обширно, что в сравнительно недавнем прошлом появились отдельные исследования об этом массиве работ [1, 2]. Казалось бы, творчество «огнепального протопопы» изучено, имеются исчерпывающие описания языка его ключевых сочинений. Фонетика [3], словообразование [4], лексика [5], морфология [6–8], синтаксис [9–12] – все это охвачено. Куда меньше работ «когнитивистского» направления, пытающихся приоткрыть тайну мирозерцания Аввакума [13, 14]. Возможно, в этом скрыты причины своеобразного парадокса: накоплена значительная масса наблюдений в области языка текстов, но до сих пор практически ничего не известно об Аввакуме как языковой личности – человеке, рассматриваемом с «точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [15, с. 5]. Ближе всего к решению этой проблемы подходили, на наш взгляд, М. В. Меркулова [16] и Е. А. Мирнова [17] в своих статьях, однако ни диссертационных, ни монографических исследований в данном ключе на момент написания этих строк нами не обнаружено.

Предлагаемая работа также пока не может предложить полноценной реконструкции языковой личности Аввакума в силу ограничений в объеме. Лингвоперсонологические интересы выступают фоном для исследования текстового

массива, однако этот подход в дальнейшем может стать ключом к углубленному пониманию ведущих принципов не только сочинений «огнепального протопопы», но и его поведения в целом.

Для анализа нами выбраны упоминания трех небесных тел (солнце, луна, звезды), которые присутствуют в разных сочинениях Аввакума. Причем возникают они и поодиночке, и в виде последовательности, «ряда», «триады», но в разных контекстных окружениях. В первом из названных случаев это приводит к достаточно объемным рассуждениям, частично обусловленным рецепцией графографа, сочинений Иоанна экзарха болгарского и т.д. Эта сторона вопроса остается за пределами нашего рассмотрения. Мы сосредоточимся на втором случае, когда солнце, луна и звезды выстроены в некоторый ряд и формально повторяются из текста в текст.

Эта стабильность номинаций (и выбор именно этих субстантивов), помимо лексического значения употребляемых единиц, должна обладать своим смыслом – общей соотносительностью и связью «всех относящихся к ситуации явлений» [18, с. 95]. Иными словами, «солнце», «луна» и «звезды» за счет повторяемости в разных текстах Аввакума могут оказаться внешним выражением некоторого мировоззренческого содержания, весьма сложно интерпретируемого даже спустя несколько веков. В этой связи мы считаем возможным говорить о

смысловых константах как некоторой реальности, обнаруживаемых на протяжении длительного времени [19] в творческом наследии определенной языковой личности.

Солнце, луна и звезды накануне Страшного суда

Указанные небесные тела в целом ряде сочинений протопопа Аввакума ассоциативно связаны с образом апокалипсиса, конца миратленного. «Солнцу», «луне» и «звездам» придается эсхатологический смысл, в некоторых случаях превращающийся в константу этой лексико-синтаксической последовательности.

Для начала обратимся к четырем редакциям самого изученного сочинения – «Жития...». В них «солнце», «луна» и «звезды» фигурируют в описании солнечного затмения, свидетелем которого был якобы Дионисий Ареопagit. При этом в самом их упоминании Аввакумом подчеркивается релевантность двух событий: «или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотію стражеть». Известно, что П. Паскаль [20] не смог найти источники этого вывода, поэтому вполне вероятно, что это авторское высказывание, вложенное в уста Дионисию Ареопagit. Оно настолько значимо, что встречается во всех известных редакциях «Жития...» (рис. 1).

Житие А.	Житие Б.	Житие В.	Житие Г. (Пустозерский сборник)
Сей Діонисій ... видѣвъ: солнце во тму преложися и луна в кровь, звѣзды в полудне на небеси явились чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глаголя: «или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотію стражеть» [21, с. 3]	Сей Діонисій ... видѣвъ: солнце во тму преложися и луна в кровь, звѣзды в полудне на небеси явились чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глаголя: «или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотію стражеть» [21, с. 85]	Сей Діонисій ... видѣ: солнце во тму преложися и луна в кровь, звѣзды в полудне на небеси явились чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глаголя: «или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотію стражеть» [21, с. 157]	Сей Дионисий ... видѣ: солнце во т(ь)му преложися и луна в кров(ь), звѣзды в полудне на н(е)б(е)си явились чернымъ видом. Он же ко уч(е)нику г(лаго)ля: «Или кончина вѣку прииде, или б(о)гъ-слово плотію стражет» [22, с. 13]

Рис. 1. Стабильность упоминания солнца, луны и звезд в основных редакциях «Жития...»

В «Книге толкований и нравоучений» с помощью этой триады формируется своеобразная эсхатологическая ось, соотносимая с характерным для старообрядчества XVII в. предчувствием

«последних дней» и «глубины падения» религиозности русского народа. Причем в контекстах употребления солнце, луна и звезды проходят свои этапы развития (рис. 2).

Точка после создания мира	Фаза активности тел	Фаза пассивности тел	Точка до окончания мнра
Тебя ради сотворилъ землю и небо, яко камару чудну устроилъ; солнце, и луна, и звѣзды тебѣ служатъ, и вся видима тварь тебя трепещуть [21, с. 427]	Тебе трепещуть умныя силы вся; Тебе поеть солнце; Тебе славить луна; Тебе молятся звѣзды; Тебе послушаетъ свѣтъ; Тебе боятся бездны; Тебѣ работаютъ источники [21, с. 434]	Дивна дѣла Господня! На тверди воды, подѣ твердію солнце и звѣзды, небо вертится, воды не проливаются. Солнце, и луна, и звѣзды по своему пути течение совершаютъ, не прильпны к небу [21, с. 550]	Сей же огонь искусить небо, и землю, и всю тварь, солнце, и луну, и звѣзды: будутъ небо ново и земля нова, бѣла, яко хартія, и моря не будетъ к тому [21, с. 573]

Рис. 2. Динамика эсхатологической оси в «Книге толкований и нравоучений»

Как продемонстрировано в рис. 2, в сочинении фиксируются две крайние точки: «после создания мира» и «до его окончания». Движение от первого ко второму полюсу сопровождается повышением инертности тел. Сначала *солнце, и луна, и звѣзды служат* в едином порыве обращенности к Всевышнему. Далее контекст фиксирует начало деления по видам действия: солнце поет, луна славит, звезды молятся. Следующее их упоминание вовсе лишено обращенности к Богу, тела становятся самодостаточны, но при этом их «жизнь» в большей степени предопределена их прошлым состоянием. «Подъ твердію солнце и звѣзды», где они и были после творения, «теченіе совершаютъ» по своему пути, намеченному ранее. Точка до окончания мира сопровождается обновлением тел со стороны «ядовитого солнечного огня».

Некоторое развитие эта эсхатологическая ось получает в тексте «О сотвореніи міра, грѣхопаденіи перваго чловѣка и о потопѣ», где Аввакум со ссылкой на гранограф пытается проникнуть в тайну акта появления и очередности небесных тел. В этом случае триада несколько меняется: «А ималь звѣзды, і солнце, і мѣсяць отъ вышняго неба» [21, с. 663]. Впрочем, эта часть рассуждения заканчивается все тем

же выводом: Всевышний «переполощетъ негасимымъ огнемъ» [21, с. 663] все мироздание.

Солнце, луна и звезды как степень достоинства

Ряд контекстов, помимо эсхатологического, наполняются и другими смыслами. В частности, в одном из писем боярыне Ф. П. Морозовой, Аввакум пишет: «Не обленимся потрудитися въ нынѣшнемъ вѣцѣ, предваримъ и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнуть, и звѣзды спадутъ ... да милостива обрящемъ тогда Бога нашего. ... Да одинако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяеть равно» [21, с. 917]. Очевидно, отдаление ключевых лексических единиц друг от друга в текстовом пространстве способствовало переориентации смысловых доминант. Если в этом тексте звезды падут прежде судного дня (точка до кончины мира), то луна и солнце всем сияют равно, безотносительно к статусу смотрящего на них. Этот фрагмент становится поворотным в выявлении новых ассоциативных связей.

В частности, эти небесные тела могут выражать и степень достоинства, величину награды за подвиг в вере (рис. 3).

Книга бесед	Письмо боярыньѢ Ф. П. Морозовой и княгинѢ Е. П. Урусовой
а въ благодати, аще не можеша быти солнце, буди поне луна; аще не можеша быти луна, буди поне звѣзды; аще не большая, буди поне малая, но на томъ же церковномъ небѣ почивай [21, с. 362]	О, свѣтила великія, солнца и луна Рускія земли, Феодосія и Евдокея и чада ваша, яко звѣзды сіяющія предъ Господомъ Богомъ! [21, с. 925]

Рис. 3. Солнце, луна и звезды как степень достоинства

В «Книге бесед» Аввакум, конечно, оставляет за читателем некоторую свободу в выборе «чем быть», но эта свобода в жестких рамках: «но на томъ же церковномъ небѣ почивай». Напротив, в письме к Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой духовный подвиг в виде сопротивления сторонникам реформ Никона уже получил свою оценку в глазах протопопы. Для него Феодосия Морозова, потерявшая все в этой борьбе за «древнее благочестие» – солнце, пострадавшая чуть меньше Евдокия Урусова – луна, их дети – звезды.

Как демонстрирует проведенный выше анализ, упоминание небесных тел (солнце, луна, звезды) в составе единой лексико-синтаксической последовательности сопровождается двумя ключевыми смыслами, которые в рамках текущей статьи можно обозначить как «эсхатологический» и «аксиологический». Они, в свою очередь, позволяют распределить приведенный

выше корпус сочинений Аввакума на две группы. Первая из них актуализирует эсхатологический смысл, и в нее войдут основные редакции «Жития...», «Книга толкований...» и «О сотворении мира...». Общее предчувствие последних дней накануне Страшного суда характерно для многих текстов Аввакума [21, с. 129, 382, 424, 541 и т.д.], но отнюдь не все из них включают рассматриваемые лексические единицы в составе некоторого *одного оборота*. Вторая группа текстов актуализирует аксиологический смысл, свойственный для «Книги бесед» и эпистолярного наследия. Отметим, что менее всего небесные тела (даже поодиночке) упоминаются в письмах и посланиях, где Аввакум укрепляет в вере своих почитателей, благодарит за присылку продуктов и денег, и во всех тех дошедших до нас документах, где не затрагивается христианское учение о Пресвятой Троице.

«Огнепальный протопоп» во многих своих сочинениях категоричен в оценках, однако «солнце», «луна» и «звезды» в составе *одного оборота* не несут в себе пейоративных коннотаций. Удивительным в этом отношении является фрагмент из «Книги обличений», направленной в основном против своего духовного сына – Федора Иванова. В потоке обращений к последнему Аввакум внезапно прерывается и вводит цитату из Шестоднева: «...якоже коловратящуся солнцу, и лунѣ, и звѣздамъ, на таже возвращаются; тако и мы, кругомъ шедше, на таяжъ-де знаменія, паки приѣмше, обрѣтаемъ: яко коловратящуся челоувѣчю житію, и паки на тожде знаменіе суще воспящающесея, рекше, въ землю, и отъ неяже взяты есмы и сотворени на ту же возвращающесея» [21, с. 586]. Это наиболее удачный для демонстрации отрывок, отображающий мировоззрение протопоба как языковой личности своей эпохи. Во-первых, в самом «ругательном» сочинении отсутствуют пейоративные коннотации для анализируемой синтаксической последовательности. Вероятнее всего, употребление оборота в отрицательном смысле – табу, межевая линия, где по ту сторону протопоб может оказаться безбожником. В Священном Предании Христос – «Солнце Праведное» [21, с. 586], одно из трех в единстве Троицы («три солнца незаходящія, три свѣта присносіяющая, озаряюща конца» [21, с. 339]); Он посредством затмения небесного, т.е. тварного светила показывает присутствующим, что покидает (как благодать) расстригающих Аввакума в «Житии...». Солнце, луна и звезды воочию были свидетелями грехопадения Адама, что позволяет протопобу включать целые выдержки из «Маргарита», например «солнце сожеши ево <Адама> хотѣло; луна і звѣзды призрачилися» [21, с. 339]. Все это часть тварного мира как демонстрация величия Господа. Во-вторых, как видно из последнего примера, последовательность «солнце-луна-звезды» является частью текстов Православной святоотеческой письменности, ставшей обязательной составляющей национальной церковной старины, которую ревностно защищает Аввакум.

Возможно, что употребление указанных лексических единиц в единой синтаксической последовательности с именно такими ключевыми смыслами характерно не только для «огнепального протопоба» как языковой личности со своей «картиной мира», но и для остальных «Пустозерских узников» – дьякона Федора, попа Лазаря, инока Епифания. Допустимо предположить, что мы приблизились к результату коллективного («интерсубъективного», в терминах Э. Гуссерля) мышления, конституировавшего константы как «ценности, находящиеся во владении каждого»

[19, с. 10], но приемлемые для своей, личностной мировоззренческой позиции. Именно поэтому смысл как связь «всех относящихся к ситуации явлений» мог, как общее, отобразиться в частном, персональном творчестве. И этот вектор анализа «Пустозерских констант» остается в перспективах нашего исследования.

Список литературы

1. *Мальшев В. И.* Библиография сочинений протопоба Аввакума и литературы о нем 1917–1953 годов // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 435–446.
2. *Ким Сун Хун.* Аввакум и его сочинения в русской науке и литературе 2-й половины XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 185 с.
3. *Потапов В. В.* Контрастивное исследование речевого ритма в диахронии и синхронии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 47 с.
4. *Азарх Ю. С.* Проблема связи словообразования и формообразования в истории русского языка (Имя существительное) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 451 с.
5. *Шорохова В. Н.* Наблюдения в области словарного состава «Жития» Аввакума : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 16 с.
6. *Набокина З. И.* Очерки по морфологии имен существительных в сочинениях протопоба Аввакума : дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1973. 193 с.
7. *Чернов В. А.* Русский язык в XVII веке : морфология. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1984. 199 с.
8. *Василькина Л. В.* Типы глагольных основ и выражение ими видовых отношений в нижегородской письменности XVII в. (на материале произведений протопоба Аввакума) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1997. 26 с.
9. *Черняк Л. М.* Словосочетания в «Житии» протопоба Аввакума : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1966. 19 с.
10. *Иорданиди С. И.* Постпозитивное-Т в языке сочинений протопоба Аввакума (в сравнении с языком писем царя Алексея Михайловича, былин и севернорусскими говорами) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1970. 21 с.
11. *Иванова В. М.* Бессоюзные сложные предложения и соотносительные с ними сложноподчиненные предложения в русском языке (На материале сочинений протопоба Аввакума) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 25 с.
12. *Петров В. Е.* Бессоюзные сложные предложения в произведениях протопоба Аввакума : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1987. 253 с.
13. *Зиновьева Е. И.* Стилеобразующие средства и фрагменты языковой картины мира в деловой письменности XVI–XVII вв. : На материале записных кабальных книг : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 420 с.

14. Мочалов Е. В. Религиозно-этические воззрения протопopa Аввакума (философский аспект). М. : Изд-во Московского обл. ун-та, 2005. 134 с.
15. Богин Г. И. Обретение способности понимать : работы разных лет : в 2 т. Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 2009. Т. 1. 156 с.
16. Меркулова М. В. Речевая структура образа автора в Житии протопopa Аввакума // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Т. 32. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. С. 319–331.
17. Миронова Е. А. Специфика языковой личности протопopa Аввакума (на материале писем и посланий семье) // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 330–338.
18. Исследование речемыслительной деятельности / отв. ред. М. М. Муканов. Алма-Ата : Изд-во Казахского пед. ин-та им. Абая, 1974. 194 с.
19. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М. : Наука, 1993. 158 с.
20. Паскаль П. Протопop Аввакум и начало раскола. М. : Языки славянской культуры, 2016. 680 с.
21. Русская историческая библиотека. Т. 39. Памятники истории старообрядчества XVII века. Кн. 1, вып. 1. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. 960 стб.
22. Пустозерский сборник : Автографы сочинений Аввакума и Епифания / подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова ; вступ. ст. И. Н. Заволоко. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. 263 с.

Поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 10.02.2022

Научная статья

УДК 821.111(73).09|18/19|:278.17+929Вулмен

Образ Джона Вулмена в англоязычной публицистике 1850–1940-х гг.: агиографические мотивы

Д. В. Абдурахманова-Павлова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Абдурахманова-Павлова Дарья Владимировна, аспирант кафедры истории зарубежных литератур, dvap_19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4887-1898>

Аннотация. Джон Вулмен – квакерский проповедник XVIII в., вошедший в историю американской литературы благодаря духовной автобиографии – «Дневнику» (*The Journal*, 1774 г.). В 1850–1940-х гг. автобиографический образ, созданный Вулменом, привлекает большое внимание критиков и публицистов; в данный период издается значительное количество публицистической литературы о Вулмене, в которой заметна «агиографизация» фигуры проповедника как предтечи американского антирабовладельческого движения. Существует гипотеза, что важнейшую роль в процессе агиографизации образа Вулмена сыграл американский поэт XIX в. Дж. Г. Уиттнер, и что именно его эссе о Вулмене положили начало «агиографической» традиции. Представляется, что точнее было бы говорить об укреплении поэтом уже зародившейся к тому времени традиции. В посвященной Вулмену публицистике можно выделить следующие черты, ассоциирующиеся с канонами житийных текстов: 1) (полу-)анонимность ряда сочинений; 2) частотное использование по отношению к Вулмену эпитета «saint»; 3) гиперболизация роли проповедника в истории и сопоставление его с известными святыми; 4) мотивы «рождения в благочестивой семье» и «восхваления родины святого»; 5) создание идущего вразрез с биографическими фактами портрета Вулмена как человека малоимущего и неграмотного; 6) акцентирование внимания на таких качествах его характера, как детскость и абсолютная правдивость. В данной статье делается вывод, что агиографизация фигуры Вулмена способствовали как историческая ситуация в США середины XIX в. – первой половины XX в., так и особенности «Дневника» проповедника, определенная доля «пластичности», заложенная в созданном Вулменом автобиографическом образе.

Ключевые слова: Джон Вулмен, квакерство, «Общество Друзей», дневник, аболиционизм, агиография, агиографизация

Для цитирования: Абдурахманова-Павлова Д. В. Образ Джона Вулмена в англоязычной публицистике 1850–1940-х гг.: агиографические мотивы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 177–185. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-177-185>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

John Woolman's image in the English non-fiction in the 1850–1940s: Hagiographical motives

D. V. Abdurakhmanova-Pavlova

Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Daria V. Abdurakhmanova-Pavlova, dvap_19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4887-1898>

Abstract. John Woolman, an 18th century Quaker preacher, is known in the history of American literature for his spiritual autobiography titled *The Journal* (1774). The 1850–1940s is a period when Woolman's autobiographical character attracts the attention of British and American critics and essay writers. They publish a significant number of non-fiction texts, which contain numerous elements of hagiography in Woolman's portraiture, depicting him as a saintly proto-abolitionist figure. According to recent studies, the pioneering role in Woolman's literary "sanctification" belonged to the 19th century American poet John Greenleaf Whittier, and it was his essays about Woolman that established the "hagiographical" tradition. The paper suggests, however, that the poet followed the tradition which had started earlier. The following "hagiographical" elements may be distinguished in the analyzed non-fiction texts: 1) (semi-) anonymity of several texts; 2) frequent use of the adjective "saint" in reference to Woolman; 3) overestimation of Woolman's historical significance as "the first abolitionist"; comparisons with famous saints; 4) the motif of being born in "a pious family" and "eulogizing on the birthplace of the saint"; 5) historically inaccurate portrayal of Woolman as a poor and semiliterate person; 6) emphasizing such psychological traits as childlikeness and absolute truthfulness. The conclusion is that Woolman's sanctification was promoted by the historical situation in the USA of the 1850–1940s as well as by *The Journal* itself and a certain "flexibility" inherent in Woolman's autobiographical text.

Keywords: John Woolman, Quakerism, The Society of Friends, journal, abolitionism, hagiography, sanctification

For citation: Abdurakhmanova-Pavlova D. V. John Woolman's image in the English non-fiction in the 1850–1940s: Hagiographical motives. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 177–185 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-177-185>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Квакерский¹ проповедник Джон Вулмен (John Woolman, 1720–1772) – один из интереснейших американских авторов колониального периода. Его перу принадлежит ряд религиозных сочинений и эссе, посвященных социальным проблемам эпохи, а также знаменитый «Дневник» (полное название *A Journal of the Life, Gospel Labours, and Christian Experiences of that faithful minister of Jesus Christ, John Woolman*; опубл. в 1774 г.) – духовная автобиография Вулмена, неизменно включаемая в состав собраний классики американской литературы, антологий исповедальной и духовной прозы Нового Света.

Подобно своему знаменитому современнику и соотечественнику Бенджамину Франклину, Джон Вулмен в течение жизни освоил целый ряд профессий – он занимался портняжным ремеслом и садоводством, работал землемером, нотариусом, школьным учителем, держал собственный магазин. Вулмен происходил из большой семьи, много путешествовал, поддерживая таким образом связи между живущими в разных провинциях «Друзьями» (квакерами). Однако значительная часть жизни Вулмена остается «за скобками» его автобиографического текста: внимание в «Дневнике» сосредоточено преимущественно на духовном аспекте его истории.

Являясь духовной автобиографией, «Дневник» воссоздает историю Вулмена – глубоко религиозного человека, приверженца мистической доктрины, предписывающей верующему во всех своих поступках следовать голосу «Божественной Истины» (*the Heavenly Truth*), или же «Внутреннего Света» (*the Inward Light*). Откровение, даруемое свыше герою «Дневника», побуждает его делать все от него зависящее, чтобы в земной мир вернулась некогда утраченная им гармония. Подразумевается, в первую очередь, гармония социальная, т.е. равноправие и свобода всех людей – «братьев по творению» [1, с. 37, 88, 167] (“fellow creatures” [2, p. 29, 62, 122]).

В текст «Дневника» входит двенадцать глав, первые три из которых обращены к прошлому: в них тридцатипятилетний Вулмен вспоминает свои детские и юношеские годы, свои внутрен-

ние борения и последующее утверждение в вере. Далее текст продолжается уже в дневниковой форме; на протяжении шестнадцати лет автор фиксирует значительные события своей духовной жизни, рассуждает на страницах «Дневника» о социальных и религиозных вопросах. Характерно, что в описании «внешних» событий жизни (например, различных поездок) Вулмен весьма лаконичен; главным для него остается интроспективный взгляд. События «внешней» жизни включаются в текст постольку, поскольку они повлияли на внутреннее становление героя. Примером может послужить один из самых известных эпизодов «Дневника», посвященный продаже рабыни (глава I); в этой процедуре Вулмен вынужден был участвовать по долгу службы. Чувствуя внутренний протест, Вулмен, однако, выполняет данное ему поручение и выписывает чек на продажу. Этот опыт, тем не менее, становится для героя «Дневника» поворотным моментом, моментом ясного осознания им несовместимости рабства с идеалами религии. С тех пор существенную часть своих усилий как проповедника Вулмен направляет на убеждение единоверцев в необходимости отказаться от рабовладения.

С середины XX в. «Дневник», а также эссеистика Вулмена привлекают все большее внимание ученых – историков, религиоведов, филологов. Читательский и публицистический интерес к Вулмену, однако, зародился значительно раньше и проявился в посвященных ему многочисленных отзывах и очерках. Представляется, что история рецепции творчества Вулмена и восприятия его фигуры как таковой заслуживает особого внимания. Эту историю можно условно разделить на три этапа.

1. 1774 г. – рубеж 1840–1850-х гг. В течение нескольких десятилетий, следовавших за первым изданием, «Дневник» приобретает известность в антирабовладельческих кругах США, Британии и Франции [3]. Кроме того, о «Дневнике» восхищенно отзываются такие мэтры литературного мира, как Сэмюэль Тейлор Кольридж, Чарльз Лэм, Генри Крабб Робинсон. Большинство отзывов этого периода, однако, лаконичны по объему и в совокупности могут рассматриваться как «предыстория» интерпретации наследия Вулмена критиками и публицистами.

2. Середина XIX в. ознаменовалась усилением публицистического интереса к Вулмену.

¹ Квакерство, или «Общество Друзей» – протестантское течение, зародившееся в Британии в середине XVII в. и в дальнейшем распространившееся также в американских колониях. Ключевыми для квакерства являются понятие «Внутренний Свет» (*the Inward Light*), как потенциально доступного каждому человеку божественного откровения, а также идеалы равенства (*Equality*), пацифизма (*Peace*), честности (*Integrity*), простоты (*Plainness*).

Период с рубежа 1840–1850-х гг. до середины XX в. можно назвать «агиографической» эпохой в истории восприятия личности проповедника. Ее начало связано с происходившей в США активизацией движения аболиционистов и публикацией ряда антирабовладельческих эссе поэта Джона Гринлифа Уиттьера (1807–1892). Фигура Вулмена как одного из первых известных противников рабовладения в этот тяжелый период истории США привлекает к себе большое внимание; проповедник становится, в интерпретации антирабовладельческой публицистики, своего рода «святым», моральным авторитетом и предтечей аболиционизма. Его образ приобретает черты легендарности. Основным источником при этом является сам «Дневник». Следует отметить, что интерес к фигуре Вулмена сохраняется и после отмены рабства: в последующие периоды в образе Вулмена находят пример человека, который, основываясь на глубоко религиозном мироощущении, опередил свое время в вопросах антирасизма, пацифизма, экономического этики. Неслучайно один из трактатов Вулмена, «Ходатайство о бедных» (*A Plea for the Poor*; на русском языке издан в переводе Т. А. Павловой), был широко востребован на рубеже XIX–XX вв. сторонниками британского «Фабрианского общества» [4, р. 14]. Не только единоверцев Вулмена, но и представителей иных конфессий его личность привлекает как олицетворение «практического» христианства, а история его жизни – как опыт реального воплощения религиозных идеалов.

3. С 1950-х гг., на фоне развития американистики, а также благодаря накоплению значительного биографического материала, неуклонно возрастает сугубо научный интерес к наследию Вулмена. Появляется значительное количество диссертаций, научных статей, монографий о нем. Предпринимаются академические, прошедшие текстологическую подготовку, издания «Дневника». На месте агиографизированного образа все четче проступает портрет Вулмена как исторической личности, человека своей эпохи, биография которого, безусловно, не исчерпывается сюжетом «Дневника». В настоящее время творчество Вулмена – это весьма активно разрабатываемая в рамках *American Studies* тематика, находящаяся на стыке различных дисциплин: истории, филологии, религиоведения. В то же время следует отметить, что некоторые элементы «канонизации» личности проповедника сохраняются как в публицистике, так и в академической литературе данного периода, вплоть до наших дней.

Предметом настоящей статьи является преимущественно второй, «агиографический»,

период в истории восприятия образа Вулмена. Сам факт такой агиографизации уже фиксировался исследователями; в частности, о нем пишет в своей монографии 2012 г. выдающийся специалист по творчеству Вулмена, американский историк Джеффри Плэнк. Новизна данной статьи состоит в том, что к исследованию привлекаются прежде не становившиеся предметом специального рассмотрения публицистические тексты о Вулмене 1850–1940-х гг. и предпринимается попытка выделить и систематизировать использованные в них агиографические мотивы.

Рассматривая данные мотивы, безусловно, следует иметь в виду некоторую условность использования термина «агиография» применительно к представителю одной из протестантских конфессий, в которой отсутствует культ святых. В данном случае используется расширительное толкование термина, подразумевающее разного рода тексты, сосредоточенные на образе и судьбе праведника, носителя исключительных качеств, личности «образцовой» с точки зрения того или иного вероучения или идеологии.

Агиографизация образа Вулмена может быть объяснена конкретными историческими причинами: это обострившееся в США к середине XIX в. противостояние между сторонниками и противниками рабовладельческой системы, последовавшая за этим Гражданская война 1861–1865 гг. и сохранившиеся в дальнейшем идеологические конфликты в американском социуме. Разобщение омрачало в ту эпоху и жизнь «Общества Друзей (квакеров)»: в 1827 г. квакеры разделились на две группы: ортодоксов и хикситов [5]. При этом, однако, Вулмен был одинаково почитаем обеими группами как духовный авторитет, и этот факт дальновидно обратил на пользу делу аболиционизма Уиттьер. Знаменитый квакерский поэт стремился объединить единоверцев в кампании за отмену рабства; образ Вулмена, особенно в его агиографизированной интерпретации, мог сыграть важную роль в этом объединении. Именно сочинения Уиттьера – несколько его эссе и предисловие к переизданному им в 1871 г. «Дневнику» Вулмена – по мысли Плэнка, положили начало традиции изображения Вулмена как святого и провозвестника отмены рабства [6, р. 2]. На это наблюдение Плэнка опирается разграничение первого и второго периодов в предложенной выше хронологии. В то же время следует иметь в виду, что отдельные элементы агиографизации образа Вулмена, как будет показано далее, проявлялись и до Уиттьера – в частности, в отзывах Лэма и Робинсона.

Предваряя рассмотрение агиографических мотивов в публицистике, важно подчеркнуть,

что житийные каноны играют значительную роль уже в самом «Дневнике». Культивируя в своей жизни и поведении основополагающие для вероучения квакеров идеалы, герой «Дневника», подобно героям средневековой житийной литературы, служит дидактическим примером, моделью для подражания. Вместе с тем, как это ни парадоксально, Вулмена вряд ли возможно «уличить» в самоканонизации. Показателен тот факт, что Вулмен неоднократно редактировал «Дневник», стремясь свести к минимуму использование местоимения «я» [7, р. 1]. В 1922 г. автор одной из первых научных биографий Вулмена, Эмилия Гуммер, назвала «Дневник» «самой безличной автобиографией в истории» [8, р. x], и в последующем с ней соглашались многие ученые: книгу характеризовали как «автобиографию без героя» [9, р. 40] или же как историю «реконструированного “я”» [10]. Исследователи обращают внимание на явное предпочтение Вулменом страдательного залога [11, с. 25], а также на ряд других особенностей текста, создающих эффект «самоотрешенности» автора – не переходящей, однако, в принижение себя. Глубоко восприняв характерную для квакерства идею равной значимости всех людей, Вулмен, по точному замечанию Эдит Ливсэй, сумел «избежать себялюбия в обоих его обликах: самовосхваления и ложной скромности» [12, р. 242].

Возможно, отчасти именно в силу определенной «недорисованности» автопортрет, созданный Вулменом в «Дневнике», стал пластичным материалом для агиографических трансформаций. Показательны слова британского критика Г. К. Робинсона (1824 г.): «Будь автор “Дневника” менее скромн, он бы написал даже лучше; однако боязнь поддаться тщеславию побудила его умолчать о событиях, в которых он сыграл огромную роль» [13, р. 2; цит. по: 3, р. 100].

Именно такой ход мысли читателей и критиков, вероятно, во многом и способствовал агиографизации образа Вулмена. В круг выбранных для исследования текстов вошли эссе, публицистические статьи, предисловия к изданиям Вулмена, а также посвященные ему биографические очерки и дидактические сочинения для юношества. Несмотря на то, что многие из рассмотренных текстов являются, по сути, комментированными пересказами «Дневника», опора на этот первоисточник, как будет показано далее, в ряде случаев сочетается с утверждениями, противоречащими ему.

Предваряя выявление агиографических мотивов в перечисленных текстах, следует отметить, что знатоки жанра указывают на бытование в житиях чрезвычайно развитой системы

стандартных мотивов: агиография, по словам Т. Р. Руди, является «одним из самых формализованных литературных жанров» [14, с. 59], ярким воплощением законов нормативной поэтики. Примерами распространенных в житиях мотивов могут послужить мотивы рождения святого от благочестивых родителей, восхваления его родины, посвящения святого родителями Богу, детской любви святого к чтению и равнодушия к играм, обладания даром пророчества и творения чудес и многие другие [15].

В ряде посвященных Вулмену публицистических текстов элементы агиографизации наблюдаются уже на паратекстовом уровне. Они заметны, во-первых, в (полу)анонимности нескольких очерков (примеры: «John Woolman» (журнал «Friends Review». 1852. Vol. 5); «Saint John Woolman» (журнал «The Eclectic Review». 1861, Vol. 5); книга R.P.A. «Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman» (Philadelphia, 1865)). Соккрытие/сокращение авторами своего имени в определенной мере следует средневековой традиции анонимных житий, а также может рассматриваться как реализация характерного для агиографии мотива самоуничтожения автора [15, с. 742]. (Этот мотив заметен также у Дж. Г. Уиттьера, отмечающего, что чувствует свое несоответствие, «обрисовывая фигуру такой нравственной и духовной красоты...» [16, р. 49].) Во-вторых, обращают на себя внимание такие заголовки, как «Святой Джон Вулмен» («Saint John Woolman»; «An American Saint» в книге: Dalglish D. People Called Quakers (New York, 1938). Более поздним примером является книга Э. Кэйди «John Woolman: The Mind of the Quaker Saint» (New York, 1966)). Святым Джон Вулмен прямо называется также и в самих текстах, хотя в них часто используется не *saint* («святой»), а *saintly* (что может переводиться, скорее, как «праведный», «похожий на святого»).

Многие авторы сетуют на то, что имя Вулмена пользуется меньшей известностью, чем он того заслуживает. «Лишь изредка, – пишет баптистский проповедник Дж. Ф. Ньютон, – такие люди появляются на нашей земле, и, безусловно, не было в Новом Свете души чище и прекраснее» [17, р. 44]. Английский эссеист и поэт Ч. Лэм, в свою очередь, пишет, что фигура Джона Вулмена – «одна из самых удивительных», которые когда-либо ему встречались [18, р. 371; цит. по: 3, р. 99]. Определяя масштаб личности проповедника, практически все авторы сравнивают его с теми или иными знаменитыми людьми. Среди них встречаются, с одной стороны, представители культуры – такие как автобиограф и религиозный мистик Жанна-Мария Гюйон (1648–1717), священнослужитель и писатель Франсуа де

Фенелон (1651–1715)², с другой стороны – политические деятели, такие как британский парламентарий, известный своей кампанией за отмену работорговли, Уильям Уилберфорс (1759–1833).

Античными предшественниками Вулмена предстают «христианин до Христа» Сократ [19, р. 136] и «мудрый язычник» Марк Аврелий; средневековыми – Августин Блаженный, Св. Франциск Ассизский [16, р. 34, 45, 4], Ян Гус, Екатерина Сиенская [20, р. ix]. Нередки также сопоставления с апостолами [16, р. 43] и рыцарями-крестоносцами [21]. Закономерно, что в соответствии с одним из важнейших мотивов житийной литературы, мотивом *imitatio Christi*, проповедник часто сравнивается с Иисусом Христом: «Это был один из тех редких христиан, которые действительно похожи на Христа...» [22, р. 1]. Безусловно, особенную роль в текстах о Вулмене (а также и в самом «Дневнике») играет образ пророка Моисея, освободителя еврейского народа от рабства [23, р. 89, 106].

Практически повсеместно внимание акцентируется на пророческой и уникальной роли Вулмена в истории [17, р. 47, 75]. Уиттьер пишет: «... значение жизни [таких людей] едва ли понятно их современникам, а быть может, и им самим» [16, р. 1]. По отношению к Вулмену распространена формула «первый аболиционист» [23, р. 36]. Характерно рассуждение, произнесенное от лица одной из юных героинь-слушательниц дидактического повествования «Истории сестры Руфи, рассказанные ею детям, или Вечера с Джоном Вулменом»: «Поразительно... что среди всех хороших людей той эпохи не нашлось ни одного человека, который стал бы соратником Джона Вулмена; что все были настолько слепы к несправедливости рабства, никто не готов был трудиться ради освобождения угнетенных <...>. Можно лишь удивляться, что он не разочаровался во всем, трудясь в одиночку» [23, р. 88].

Автор одного из предисловий к «Дневнику» даже сравнивает масштаб роли Вулмена в истории с ролью Наполеона [24, р. xiv]. Рассуждая об историческом значении фигуры Вулмена, Уиттьер пишет, что оно «относительно не ограничивается религиозным сообществом, к которому он принадлежал», но «обнаруживается везде, где совершался шаг в сторону освобождения – будь то Америка или Европа» [16, р. 31]. Проследив цепочку исторических событий, Уиттьер показывает влияние Вулмена на основание французского «Общества друзей чернокожих», на развитие и распространение антирабовладель-

ческих идей в разных странах. Обратившийся в квакерство француз Стефан Греллэ (1772–1855) проповедовал идеи Вулмена и в России, встречаясь с императором Александром I, что, по Уиттьеру, сыграло свою роль в истории российской антикрепостнической мысли. В свою очередь, Дж. С. Лэск отмечает: «Усилия Вулмена, направленные на отмену работорговли, важны не только в силу их исторического первенства по времени, но и потому, что они доказали способность одной-единственной личности внести огромный вклад в ход истории» [21, р. 40].

Подобная трактовка роли Вулмена в развитии американского антирабовладельческого движения, безусловно, основана на значительной гиперболизации. Будучи ярким представителем раннего этапа данного движения, Вулмен, однако, вряд ли может считаться его лидером или тем более основателем; можно лишь предположить, что его самого немало удивило бы звание «первого аболициониста», поскольку в действительности первые выступления против рабства происходили в американских колониях еще столетием ранее, в XVII в. [6, р. 100]. В годы жизни Вулмена это направление в общественной мысли было уже весьма развито (причем не только среди квакеров [24]); в ближайшем окружении проповедника было немало его единомышленников [6, р. 4]. Преувеличение роли Вулмена, однако, было, по мнению Плэнка, сознательным шагом Уиттьера, который считал его важным для консолидации антирабовладельческой мысли в среде квакеров.

Рассмотрим далее следующие мотивы в «агиографизированном» образе Вулмена.

Такой традиционный для жития мотив, как «рождение в благочестивой семье», присутствует в самом «Дневнике» и регулярно воспроизводится в рассмотренных текстах. О своих родителях-квакерах автор «Дневника» рассказывает, что они с детства давали ему «благочестивые наставления» [1, с. 30]. У Вулмена было двенадцать братьев и сестер, однако подробно он говорит лишь об одной сестре – Элизабет (1716–1747), жившей «самоотверженной, примерной жизнью, отдавая много времени чтению и духовным размышлениям» [1, с. 51]. Аналогичным образом автор «Историй сестры Руфи» особо останавливается на образе Элизабет Вулмен как «удивительно спокойной, не по годам вдумчивой девушки» и заключает рассказ стихотворением английской поэтессы А.-Л. Барбо о праведнике [23, р. 50].

Следующий мотив, заметный в рассматриваемой публицистике, – это своеобразные вариации «восхваления родины святого». В качестве восхваляемой родины при этом выступает не

² Примечательно, что и Мадам Гюйон, и Фенелон были приверженцами квиетизма – христианского мистического течения XVII–XVIII вв., нередко сравниваемого с квакерством.

целая страна или город, а родные места Вулмена – дом и ферма близ городка Маунт-Холли, где он вырос, и дом с садом неподалеку, где он жил уже взрослым. Дом проповедника представит у многих авторов как некая миниатюра рая, оазис умиротворения. Дж. Ф. Ньютон пишет: «Там, на ручье Рэнкокас в Западном Джерси, среди своих яблонь, которые он сажал и выращивал, он был счастливее всего <...>. Это была скромная обитель, но он был доволен. <...> Со своей маленькой фермы он смотрел вокруг со смешанным чувством удивления и огорчения на тревоги и беспокойства этого мира...» [17, р. 48].

Образ жилища, расположенного на возвышении и дающего широкий обзор, возникает и у другого автора: «Скромный дом Вулмена был... защищен деревьями, которые он любил и за которыми ухаживал; располагался он на высочайшей точке округи – холме, который возвышается над уровнем моря примерно на шестьдесят метров и с которого открывается широкий вид на роскошную долину вокруг...» [22, р. 4]. В свою очередь, Уиттгер пишет о прекрасных падуковых рощах Маунт-Холли, в тени которых Вулмен, «несомненно, часто гулял <...> общаясь с природой и размышляя о жизни...» [16, р. 10]. Интересно, что аналогичный образ уютного, безмятежного пространства возникает и в «Историях сестры Руфи», но уже не по отношению к жилищу Вулмена, а в описании дома, где собираются дети, чтобы послушать о нем: «И вот вечером они вновь пришли <...>. За окном потихоньку накрапывал дождь, и стук капель по крыше звучал неспешно и меланхолично. Но когда закрылись ставни и зажглись лампы, наша дружная стайка забыла о непогоде за стенами...» [23, р. 29].

Другой распространенный мотив в портретах Вулмена – его «бедность» и аскетический образ жизни. Стандартным, со времен Робинсона [13, р. 2; цит. по: 3, р. 100], являлось клише «бедный портной» (a poor tailor). Как пишет Ньютон, «будучи всего лишь скромным портным, подобно тому как Якоб Бёме был простым сапожником, Вулмен был, тем не менее, велик в своем благородстве, и если бы какая-нибудь невидимая рука стала писать историю его влияния, какая это была бы история!» [17, р. 43]. Сходным образом Уиттгер отмечает, что «он был бедным человеком, но правда была для него ценнее денег» [16, р. 11], а знаменитый британский историк Дж. М. Тревельян подчеркивает, что, и так «не имея больших средств» [19, р. 139], Вулмен все равно всячески дополнительно себя ограничивал, стремясь, во-первых, блюсти квакерский завет «простой жизни» и, во-вторых, не пользоваться плодами рабского труда.

Если стремление Вулмена к аскетизму вполне соответствует биографическим данным (как и тексту «Дневника»), то его бедность, безусловно, преувеличена. Неточно и определение его исключительно как «портного», поскольку портняжное ремесло было далеко не единственным занятием Вулмена: как уже говорилось выше, ему довелось освоить целый ряд специальностей. Вулмен, безусловно, не принадлежал к наиболее богатому слою поселенцев, но и малоимущим его назвать трудно. Ближе к объективной картина, описанная в «Историях сестры Руфи» репликой одной из юных слушательниц: «Чем больше я узнаю о Джоне Вулмене... тем больше я изумляюсь, какой это был человек – возвышенный, полный достоинства и простоты. С его предпринимательскими способностями он мог приобрести немалое богатство, с его умом была открыта дорога к славе и могуществу <...>. Однако он заглушил в себе голос амбиций, и слушал лишь голос своего Создателя...» [23, р. 42--43].

Действительно, Вулмен – поселенец в третьем поколении, старший сын в семье, жившей в активно развивающейся экономически общине – имел немалые перспективы, хорошие деловые связи и, кроме того, склонность к предпринимательству: иначе говоря, как пишет американская исследовательница М. Стюарт, «у него были все шансы стать богатым и влиятельным человеком» [26, р. 253]. Сознательно ограничивая, в силу религиозных убеждений, свои торговые операции и другие источники дохода, Вулмен все же оставался сравнительно обеспеченным человеком, а потому клише «бедный портной» – это, безусловно, элемент агиографического мифа.

Типичным визуальным мотивом в образе Вулмена является его «домотканая одежда» (homespun clothes) (данный мотив является отсылкой к самому «Дневнику», а именно к рассуждению Вулмена о преимуществе некрашеной одежды). Рассказывая об одном из квакерских собраний, Уиттгер пишет: «Конечно, присутствовал и Джон Вулмен – человек, судя по его наряду, скромный и бедный; его простая домотканая одежда из некрашеного материала составляла заметный контраст одеяниям представителей торговых и рабовладельческих кругов региона – на вид столь же простым, но в действительности весьма дорогостоящим» [16, р. 17]. Аналогичный образ использован Дж. С. Лэском: «Стоит ли удивляться, что путь человечества к освобождению был значительно ускорен стараниями одного квакера <...> и Правда предстала перед людьми не как рыцарь в блестящих доспехах, но как Джон Вулмен в сельской домотканой одежде» [21, р. 40].

Акцентируя внимание на безыскусной, деревенской, «доматканой» одежде проповедника, многие авторы развивают при этом и другой мотив. «Домашней», «самодельной» представлена не только ткань одежды Вулмена, но и, образно говоря, «ткань» самого текста «Дневника». Почти у всех публицистов Вулмен показан самородком, человеком, чей талант как автора проистекает исключительно «изнутри», от его природных свойств или же от чувствуемого им божественного вдохновения, но ни в коей мере не от образования, чтения или других подобных «внешних» факторов. Робинсон употребляет применительно к Вулмену предложенное Руссо, а в дальнейшем использовавшееся Шиллером понятие «прекрасная душа» («человек, у которого моральный долг и склонность совпадают» [27, с. 825]). «Дневник», по замечанию Робинсона, – это «настоящая жемчужина! Сотворенная *schöne Seele* (прекрасной душой). Неграмотный портной создал прозу дивной чистоты и поэтичности. Его нравственные качества передались его книге...» [13, р. 2; цит. по: 3, р. 100].

В свою очередь, Уиттьер пишет: «Величайшая нравственная, социальная и политическая революция, ниспровергающая веками процветавшее зло, несомненно, своим первоначальным импульсом во многом обязана жизни и стараниям одного бедного, неученого труженика из Нью-Джерси...» [16, р. 2]. Тревел्यान описывает Вулмена как «бедного служащего», «квакерского Сократа», который, превзойдя «своего афинского прототипа в любви, терпении <...> в той же степени уступал ему по интеллекту» [19, р. 142, 136–137].

Неграмотность святого, однажды единомысленно сменяющаяся знанием грамоты, – распространенный мотив христианских агиографических текстов еще со времен раннего Средневековья [28, с. 25]. Интересна реализация этого мотива в случае Вулмена: «неграмотный» человек не просто вдруг постигает письменность (о данном этапе ничего не говорится), но чудесным образом создает выдающуюся книгу. Данный мотив, нередкий в рассматриваемом корпусе текстов, – возможно, самый удивительный по отношению к Вулмену, ведь представление о «неграмотном авторе» не только само по себе оксюморонно, но и противоречит тексту «Дневника», где Вулмен не раз говорит как о своем чтении, так и о написанных им эссе, составленных документах и др.

Иначе, с большим соответствием биографическим данным, реализуется агиографизация темы образования в «Историях сестры Руфи». Отвечая на вопросы детей, рассказчица говорит, что Вулмен был очень «усидчивым, послушным

и трудолюбивым мальчиком», который рано научился читать, хорошо знал Библию и в итоге стал довольно образованным для своей эпохи человеком [23, р. 12, 14, 23]. Здесь можно заметить характерный для житий мотив «детская любовь святого к чтению». Вместе с тем такая трактовка соответствует тексту «Дневника» и вполне подтверждается биографическими исследованиями [29].

Следующий мотив, на который нельзя не обратить внимания – это мотив, который можно назвать «сочетанием души ребенка с разумом взрослого». Понимая детство как период естественной, природной святости человека, многие авторы характеризуют Вулмена как «ребенка». Так, британская поэтесса и эссеист Дора Гринуэлл пишет: «...трудно передать, насколько этот замечательный человек был спокойным, сильным...» и при этом «похожим на ребенка» [30, р. 8]. Уиттьер в своем предисловии к «Дневнику» отмечает, что, возможно, многие читатели «улыбнутся, читая некоторые пассажи, исполненные детской простоты» [16, р. 49]. (Примечательно, что этот мотив используется и в посвященном Вулмену стихотворении американской квакерской поэтессы Элизабет Чендлер (1807–1834), которое открывается строчкой: «Был ты тихим, скромным, как дитя безгрешным...» (“*Meek, humble, sinless as a very child, / Such wert thou...*” [31, р. 51]).)

Вместе с тем во многих из рассмотренных текстов о Вулмене (а отчасти и в самом «Дневнике») упоминается его *равнодушие к детским играм*. В первом же абзаце «Дневника» Вулмен рассказывает, как однажды в детстве, отойдя от играющих сверстников, стал читать Библию, и вспоминает чувство просветления, испытанное им тогда. Мотив избегания Вулменом детских игр воспроизводится многими авторами. Интересным исключением являются опять же «Истории сестры Руфи», в которых юным слушателям сообщается, что Вулмен, конечно, играл в детстве, но только в положенное время [23, р. 15].

Завершая обзор агиографических мотивов в образе Вулмена, обратимся к заметке в квакерском журнале «Френдс Ривью» (1852 г.), где опубликованы два своего рода исторических анекдота из жизни Вулмена, прославляющие его *абсолютную правдивость*. Согласно одному из анекдотов, слава о правдивости Вулмена была такова, что некие молодые люди решили даже нарочно подстроить ситуацию, в которой рассчитывали поймать его на неточности; однако им это не удалось. Избегая какого бы то ни было утрирования, проповедник, по утверждению анонимного автора заметки, всегда тщательно

формулировал свои высказывания, с тем чтобы говорить только то, за что может всецело поручиться [32, р. 485].

Суммируя агиографические мотивы в рассмотренных публицистических текстах, образ Джона Вулмена как «американского святого» можно охарактеризовать следующим образом. Чаще всего Вулмен предстает человеком малоимущим; в одном тексте, напротив, делается акцент на его перспективах обрести богатство, от которых он, однако, отказался. Из целого ряда профессий, которые Вулмен освоил в течение жизни, упоминается чаще всего только профессия портного. Вступая в прямое противоречие с текстом «Дневника» (и с самим фактом его существования), многие публицисты характеризуют Вулмена как малообразованного или даже вовсе неграмотного человека. На другом полюсе – служащий дидактическим примером образ Вулмена как человека, с детства посвящавшего много времени чтению.

Обращает на себя внимание также комплекс мотивов, связанных с понятиями детства, дома, родины. Благочестивая семья Вулмена; сам он на всю жизнь сохраняет искренность и безгрешность ребенка. Дом и сад Вулмена напоминают райскую обитель, умиротворенность которой служит контрастом мятежному миру вокруг. И сам проповедник, и его врожденная, идущая не от образования мудрость, «домотканая одежда», его родные места предстают в их агиографизированной интерпретации олицетворением святых, праведных начал, заложенных в американской истории. Вопреки знаменитому библейскому изречению, Вулмен становится для американской антирабовладельческой публицистики 1850–1940-х гг. «пророком» именно «в своем отечестве», моральным авторитетом и своего рода национальным героем, провидевшим неизбежность отмены рабства.

Используя такие стилистические средства, как гипербола (преувеличение исторической роли героя; абсолютизация положительных свойств его характера), сравнение (с мудрецами и святыми прошлого, знаменитыми современниками), метонимия (соотнесение качеств одежды, жилища героя с его собственными качествами), авторы рассмотренных текстов сосредоточены, прежде всего, на моделировании фигуры Вулмена как святого. Важно и то, что при сохранении основного сюжета в комментированных переложениях «Дневника» и посвященных ему эссе Вулмен является уже не первым, а третьим лицом, и эта метаморфоза сама по себе заметно «сгущает» тот элемент житийности, который есть в первоисточнике. Если рассказ самого проповедника можно действительно назвать

в определенном смысле «автобиографией без героя», то в рассмотренных публицистических текстах агиографизированный образ Вулмена играет, безусловно, главную роль.

Список литературы

1. Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных / пер. с англ. Т. А. Павловой. М. : Астрей, 1995. 336 с.
2. Woolman J. The Journal and Major Essays / ed. by Ph. P. Moulton. Richmond : Friends United Press, 2007. 336 p.
3. Perkins J. The European Reception of John Woolman's Journal // Quaker History. 1989. Vol. 69, № 2. P. 91–101.
4. Moulton Ph. P. Introduction // Woolman J. The Journal and Major Essays / ed. by Ph. P. Moulton. Richmond : Friends United Press, 2007. P. 3–16.
5. Бринтон Г. Друзья за 300 лет. История и вера Общества Друзей со времени основания квакерского движения Джорджем Фоксом // Библиотека сайта Quakers.ru. URL: <http://quakers.ru/друзья-за-300-лет-мистицизм/> (дата обращения: 12.11.2021).
6. Plank G. John Woolman's Path to the Peaceable Kingdom: A Quaker in the British Empire. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012. 292 p.
7. Brinton H. H. Quaker Journals: Varieties of Religious Experience Among Friends. Philadelphia : Pendle Hill Publications, 1972. 130 p.
8. Gummere A.M. Introduction // The Journal and Essays of John Woolman. New York : The Macmillan Company, 1922. P. ix–xviii.
9. Couser G. Th. American Autobiography: The Prophetic Mode. Amherst: University of Massachusetts Press, 1979. 222 p.
10. O'Reilly M. R. John Woolman: The Unconstructed Self // The Tendering Presence: Essays on John Woolman / ed. by M. A. Heller. Philadelphia : Pendle Hill Publications, 2003. P. 133–147.
11. Апенко Е. М. Американские квакеры и литература // Вестник Удмуртского университета. 1994. № 4. С. 18–26.
12. Livesay E. K. John Woolman: Persona and Person. A Diss. submit. to the University of Delaware, 1976. 315 p.
13. Robinson H. C. Diary, Reminiscences and Correspondence : in 2 vols. / ed. by T. Sadler. New York : G. P. Putnam's Sons : The Knickerbocker Press, 1877. Vol. 2. 556 p.
14. Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография : Исследования. Публикации. Полемика / под ред. С. А. Семячко, Т. Р. Руди. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.
15. Краснова Н. А., Краснов А. Г. Мотивы жития и агиологических жанровых вариантов // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14, № 2 (3). С. 740–747.
16. Whittier J. Introduction // The Journal of John Woolman. Boston : James R. Osgood & Co., 1871. P. 1–49.
17. Newton J. F. Wesley and Woolman: An Appraisal and Comparison. New York : The Abingdon Press, 1915. 80 p.

18. *Lucas E. V.* The Life of Charles Lamb : in 2 vols. : with 50 illustrations New York : G. P. Putnam's Sons : The Knickerbocker Press, 1905. Vol. 2. 550 p.
19. *Trevelyan G. M.* Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian. New York : Longman, Green & Co., 1913. 200 p.
20. *Scudder V. D.* Introduction // The Journal with Other Writings of John Woolman. London : J. M. Dent & Sons, ltd., E. P. Dutton & Co, 1910. P. vii–xix.
21. *Lask J. S.* John Woolman: Crusader for Freedom // *Phylon*. 1944. Vol. 5, № 1. P. 30–40.
22. *Teignmouth Shore W.* John Woolman: His Life and our Times: Being a Study in Applied Christianity. London : Macmillan & Co., 1913. 276 p.
23. *R. P. A.* Sister Ruth's Stories for the Young: or, Evenings with John Woolman. Philadelphia : J. B. Lippincott & Co., 1865. 124 p.
24. *Smellie A.* Introduction // The Journal of John Woolman. London : Books for the Heart, 1902. P. vii–xviii.
25. *McElroy F. L.* Prophets of Universal Redemption: Evangelical Antislavery Literature from John Woolman to Ottabah Cugoano. A Diss. submit. to Indiana University, 1987. 403 p.
26. *Stewart M. E.* John Woolman's "Kindness beyond Expression": Collective Identity vs. Individualism and White Supremacy // *Early American Literature*. 1991. Vol. 26, № 3. P. 251–275.
27. *Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.*
28. *Лонарев X. М.* Византийские жития святых VIII–IX веков // *Византийский временник*. 1910. Т. 17. С. 1–124.
29. *Altman W. F.* John Woolman's Reading. A Diss. submit. to Florida State University, 1957. 293 p.
30. *Greenwell D.* John Woolman. London : F. B. Kitto, 1871. 60 p.
31. *The Poetical Works of Elizabeth Margaret Chandler: With a Memoir of Her Life and Character, by Benjamin Lundy.* Philadelphia : Lemuel Howell, 1836. 180 p.
32. *John Woolman // Friends Review: A Religious, Literary and Miscellaneous Journal*. 1852, Vol. 5, iss. 31. P. 485.

Поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 10.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 186–191

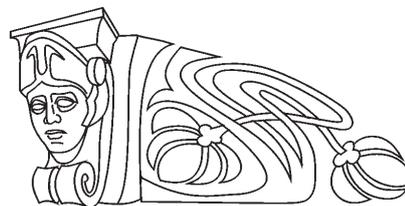
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 186–191

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-186-191>

Научная статья

УДК 821.161.1.09+929[Немзер+Солженицын]

Раннее творчество Андрея Немзера: к проблеме определения статуса автора

Е. И. Сягина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Сягина Елизавета Игоревна, аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, elizavet97@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1222-854X>

Аннотация. Проводится анализ публикаций, вышедших в 1980-е гг. в журнале «Литературное обозрение» и принадлежащих перу литературного критика и историка литературы Андрея Немзера. В этот период его статьи были посвящены историко-литературным работам и в меньшей степени литературно-художественным произведениям. Целью представленной работы является определение статуса автора. Приведен ряд аргументов, доказывающих, что выступления Немзера на страницах издания носят сугубо литературно-критический характер. Ключевым признаком служит оценочное суждение, ярко проявляющееся в негативных комментариях. Показаны различные приемы авторского самовыражения. Выявлено, что литературному критику свойственна открытая патетика, осязаемая при обозначении им важной социальной роли книги. Обращено внимание на эмоциональную окраску выражений и автобиографический компонент. Определены конструкции, при помощи которых литературному критику удается передать свои чувства и добиться драматичности сказанного. Акцент сделан на роли потенциального читателя рецензируемых книг. А. Немзер обращается к читателю-любителю, стремится сблизиться с ним и удержать его внимание. В статье рассмотрены публикации, в которых признаки литературно-критического сочинения редуцируются: это работы, посвященные произведениям А. И. Солженицына – писателя, творчество которого является объектом именно научного интереса Немзера. Отмечено, что эти статьи отличаются большим объемом, наличием примечаний, развернутой аргументацией, спокойным тоном повествования, хотя осязаемой остается субъективность автора. Именно в журнале «Литературное обозрение» 1980-х гг. происходит становление Немзера-литературного критика. В дальнейшем особенности его раннего творчества затушевываются, оно будет обрамлено новыми формами и станет в полной мере созвучно времени.

Ключевые слова: Немзер, литературная критика, газетная критика, журнальная критика

Для цитирования: Сягина Е. И. Раннее творчество Андрея Немзера: к проблеме определения статуса автора // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 186–191. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-186-191>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Early works by Andrey Nemzer: To the problem of defining the author's status

E. I. Syagina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elizaveta I. Syagina, elizavet97@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1222-854X>

Abstract. In the article the publications of the literary critic and historian Andrey Nemzer which appeared in the 1980s in the journal *Literaturnoye obozreniye* (Literary review) are analyzed. The articles of this period dealt more with historical and literary works and to a smaller degree with literary-artistic ones. The aim of this work is to identify the author's status. A range of arguments is offered proving that Nemzer's contributions on the pages of the journal are strictly of literary-critical nature. The key feature is the evaluative statement which is most pronounced in negative comments. Different techniques of the author's self-expression are shown. The literary critic is revealed to have been liable to open emotionality which becomes evident when he defines an important social role of a book. The emotional coloring of expressions and the autobiographical component are noted. The structures are defined that help the literary critic render his feelings and achieve the dramatic quality of what has been said. There is a focus on the role of the prospective reader of the books under review. A. Nemzer addresses an amateur reader, tries to bond with him and hold his attention. The article considers publications, in which the features of the literary-critical essay are reduced: these are reviews dedicated to A. I. Solzhenitsyn's works, Solzhenitsyn's oeuvre being the object of Nemzer's research interest. It is noted that these articles are distinguished by their length, by the presence of footnotes, by extensive reasoning, calm narrative tone,

although, the author's subjective view is still perceptible. It is this very journal, *Literaturnoye obozreniye* of the 1980s, that faces the formation of Nemzer as a literary critic. In the years ahead, the particulars of his early works would become blurred, his oeuvre would be outlined with new forms and would become entirely in keeping with the time.

Keywords: Nemzer, literary criticism, newspaper criticism, journal criticism

For citation: Syagina E. I. Early works by Andrey Nemzer: To the problem of defining the author's status. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 186–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-186-191>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Творчеству Андрея Немзера, известного российского литературного критика и литературоведа, посвящено множество неоднозначных откликов. В разоблачающей статье Сергея Белякова «Андрей Немзер: караул устал» затрагивается тема противостояния двух амплуа Немзера. Автор констатировал, что Немзер в первую очередь профессиональный филолог, литературовед, который был вынужден долгие годы трудиться литературным обозревателем и играть на чужом поле [1]. Противоположное мнение выразил Сергей Костырко в ответной статье «Критика на костылях и без», отметив, что критик в Немзере не противостоит филологу, а образует единое целое [2]. Близко по смыслу высказывание Ирины Сурат в публикации «О нашем деле. Случай Немзера»: «Не было бы Немзера-критика, не будь он знающим, глубоким историком литературы. Эти две составляющие одного по существу занятия принято теперь разводить, разделять, чертить между ними границу, но случай Немзера заставляет вспомнить, что русская критика в XIX веке выростала из профессорской филологической среды...» [3].

Сам Немзер тоже пытается определить свою роль в литературном процессе конца XX – начала XXI в. В одном из интервью, отчасти соглашаясь со своим оппонентом Беляковым, он говорит о том, что по устройству ума и души он историк литературы, ставший исполняющим обязанности критика [4], но наиболее полное представление о себе он дает в предисловии к книге «При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы». Немзер называет свою работу «двадцатилетней авантюрой», «игрой в “критика”», «затянувшимся “загулом”» [5, с. 8]. Он пишет: «Занятия литературной современностью не только мешали, но и помогали думать о “своих” (исторических) сюжетах, а восхищавшие меня новые (датированные 1990–2000-ми годами) стихи и проза напоминали, что русская литература осталась собой, а значит “прошлое” ее не превратилось в “многоуважаемый шкаф”. Исполнял же я роль “критика” косолапо, ибо, по сути, оставался литературоведом» [5, с. 8].

Немзер неоднократно подчеркивает, что начал заниматься литературной критикой именно в 1991 г. В предисловии к книге «Дневник читателя: Русская литература в 2007 году» он написал о своем творческом пути: «Поступив на службу в

“Независимую газету”, впервые еще как бы в шутку примерил маску критика, на удивление быстро и прочно приросшую к лицу» [6, с. 11]. В самом деле, с указанного времени Немзер начинает в полной мере штудировать современную русскую литературу и публиковать рецензии в различных общественно-политических газетах и литературно-художественных журналах. Обладая чертами, присущими историку литературы, он подстраивается под новый формат и подчиняется законам, характерным для литературно-критических жанров, но так или иначе Немзер признает себя литературным критиком, о чем свидетельствуют и аннотации выпущенных им сборников статей, начало которых идентично: «Книгу известного критика составили...», и комментарии различных литераторов, которые говорят о Немзере в первую очередь как о литературном критике, даже если и отмечают в его работах слияние двух ипостасей. Однако публикации Немзера в журналах встречаются и до 1991 г. – момента, когда он начал ощущать себя критиком, – поэтому мы считаем важным рассмотреть те статьи, в которых статус автора не определен вербально.

Обратимся к журналу «Литературное обозрение». Выбор объясняется тем, что Немзер начал позиционировать себя как литературный критик после ухода именно из этого издания, в котором он работал с 1983 г. В этот период из-под его пера выходили публикации, посвященные по преимуществу историко-литературным работам и изредка литературно-художественным произведениям. Вновь прибегая к словам Немзера, мы можем найти ответ на вопрос, почему он практически не обращался к современной литературе: «Мало читал и потому плоховато (мягко выражаясь) представлял себе, что же с новейшей российской словесностью происходит. В те баснословные года мне казалось: дабы быть критиком (нести граду и миру свои оценки и “концепции”), надо день за днем штудировать текущую литературу» [7, с. 5]. Позиция Немзера становится предельно ясной: он не считал себя литературным критиком и в это время. Действительно, количество его журнальных статей кажется скудным на фоне творчества 1990–2010-х гг., но мы не можем согласиться с тем, что Немзер не являлся литературным критиком в восьмидесятые годы.

Сперва необходимо упомянуть о двух редакционных комментариях в журнале, относящихся к публикациям Немзера. В первом указывается, что Немзер – молодой критик, только делающий первые шаги на литературном поприще. Его отличают широкий культурологический кругозор и солидная филологическая подготовка [8, с. 92]. Во втором комментарии Немзер представляется как литературовед, автор работ о русской классической и современной советской литературе [9, с. 47–48]. Неоднозначный статус дает импульс к размышлению о взаимодействии литературной критики и литературоведения в творчестве Немзера, но принципиальное значение имеет тот факт, что в публикациях он именует себя рецензентом и откликается на относительно недавно вышедшие сочинения, что в большей степени является делом литературной критики, тяготеющей к оперативности. Отталкиваясь от этого, мы вправе выдвинуть ряд аргументов, доказывающих, что статьи раннего Немзера тяготеют именно к литературно-критическим высказываниям.

Первым и, пожалуй, ключевым аргументом является *преобладание оценочных суждений*. При этом оценочные суждения всегда формируются с использованием эмоциональных оценок. Так, Немзер делится чувствами: это и удивление, и восхищение, и благодарность. Наряду с этим автор демонстрирует непонимание, возмущение или разочарование. Эмоциональный строй публикаций позволяет говорить о различных приемах авторского самовыражения. Индивидуальное отношение Немзера отчетливо проявляется в рецензии на книгу «Литературоведческие расследования» Б. Я. Бухштаба: «Каждая статья интересна по-своему: мне, например, особенно значительной представляется этюд “Записка Чернышевского о романе “Что делать?””. <...> Другим читателям могут больше понравиться другие статьи...» [10, с. 77]. Оценка явно прослеживается и в суждениях, имеющих негативный оттенок, но в этом случае Немзер становится внимательнее к деталям: «От книги возникает ощущение среднего ответа на экзамене: путаница в “мелочах”, квазиобъяснения..., избыток общих мест, домысливание за поэта и пропуски очевидного, случайные цитаты, опровергающие собственные послышки, стремление защититься большим авторитетом» [11, с. 23–24]. Именно при отрицательном отношении к предмету рассмотрения Немзер явственно и пылко делится своим мнением.

Литературному критику свойственны прямое высказывание, проявляющееся в оценочных наречиях («мастерски», «неудачно», «неясно», «отрадно» «странно», «убедительно», «удиви-

тельно»), и открытая патетика, особенно ощутимая при обозначении им важной социальной роли книги и ее автора («...честь и хвала ученому, написавшему для учителя; честь и хвала издательству, сумевшему заинтересовать автора...» [12, с. 44]; «Этическая непреклонность, звучащая в этих словах, достойна уважения и подражания» [11, с. 30]). Кроме того, Немзер выступает за необходимые изменения. Этот признак проявляется не так часто, но все же мы можем найти пример. В статье «Диалог продолжается» он пишет: «...где книги о Белинском? ... Разве все изучено, все вопросы жизни и творчества великого критика разрешены?» [12, с. 44]. По мнению Немзера, необходимость новых осмыслений и взглядов очевидна. Он предлагает темы, которые достойны книг, и говорит о том, что «в идеале должно быть в каждом доме, где ценится книга...» [12, с. 45]. Как правило, литературно-критические комментарии Немзера рассыпью проходят по всему тексту статьи, но читатели могут встретиться и с оценочными заключениями, в которых автор настаивает на пристальном внимании к книге и признательности к ее создателю.

Тесную связь с вышесказанным имеет еще одно наблюдение – это *эмоциональная окраска высказываний*. Немзер передает читателю свое настроение («Вот почему так тоскливо мне сегодня» [13, с. 41]), свои чувства («Читая “Испытание зрелищем”, чувствуешь, насколько Ст. Рассадин находится под обаянием телевидения» [14, с. 70]) и ощущения («Ощущение такое, будто писатель, что называется, “шьет дело”...» [15, с. 50]). «Грустно» – часто употребляемое слово в арсенале Немзера, посредством которого происходит выплеск эмоций: «Грустно становится: неужели до сих пор мы не представляем себе, как создавался и воспринимался главный труд Гоголя» [16, с. 61]. Особо следует сказать о тех суждениях критика, в которых он предельно искренен: «Прочитав разбор “Маленьких трагедий”, я почувствовал не только удовлетворение, но и слабую тревогу. <...> И тревога моя усугубилась, когда я начал читать страницы, посвященные исполнению С. Юрским “Домика в Коломне” и “Евгения Онегина”» [14, с. 71]. Немзер прибегает и к разным способам выражения собственного состояния, усиливая драматичность сказанного: «Прочитав “Все течет”, я точно так же, кожей, пальцами, колотящимся сердцем, головой, которую сдавила мигрень, почувствовал...» [13, с. 42]. Между тем автор указывает, что о повести «Все течет» ему нужно было писать после первого прочтения, тринадцать лет назад, потому что сейчас ему трудно передать давнее потрясение. Ему важно представить свое первое впечатление, даже если оно не до конца осмыслено.

Отсюда вытекает мысль о существенной роли *автобиографического компонента* в публикациях Немзера. Он обогащает текст элементами признания, что приводит к интимизации литературно-критического повествования. Немзер перебирает в памяти школьные годы. Например, вспоминает случай на уроке и отдельно останавливается на образе учительницы литературы: «...завзятая театралка, она немало сделала для того, чтобы ее ученики полюбили театр; я помню ее восторг от французской выставки импрессионистов. Она прекрасно знала, как надо учить, и ругала автора этих строк за “эстетство”... Ругать, конечно, ругала, но, с другой стороны, почему-то не верила в мою любовь к Некрасову, привитую мне с раннего детства. Да и философскую глубину, проблемность романа “Что делать?” постигал я не на школьных уроках девятого класса» [12, с. 48]. Особую значимость представляют откровенные воспоминания Немзера в статье «Завещание Гроссмана». Он называет себя «мальчиком с гуманитарными наклонностями», который родился и вырос в московской семье, «где хорошие книги были главной гордостью дома, где родители не приглушали голосов и не выставляли сына из-за стола, говоря о 1968 годе, разгроме “Нового мира”, “диссидентских” процессах или высылке Солженицына, где Пастернак был общим любимым поэтом, где те же главы “Архипелага...” слушались вместе» [13, с. 41]. В такой подчеркнутой исповедальности прослеживается желание сблизиться с читателем и попытка изучения автором собственного душевного состояния на конкретном отрезке жизненного пути.

Важным аспектом, позволяющим понять специфику авторских стратегий Немзера, является рассмотрение *роли потенциального читателя рецензируемых книг*. Немзер неустанно мыслит о нем. Тексты пестрят ответами на вопросы: что может удивить читателя и что может остаться недоступным для его понимания? Он пишет: «Возможно, не слишком искушенный читатель удивится, узнав, что исследование о телевидении и очерки творчества поэтов пушкинской поры написаны одним и тем же человеком» [14, с. 70], «Не слишком ли сложен исследователь для “просто читателя”? Думаю, что нет» [10, с. 77], «Всякий ли читатель сумеет заметить неточность? Видимо, нет» [9, с. 46], Немзер не столько дает читателю ключ к правильному пониманию текста, сколько оценивает, какой ключ нашел автор рецензируемой работы. Например, рассуждая о книге Ю. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя», он отмечает: «Осознание пушкинского “ритма целого” позволяет расшифровывать замыслы, делать “тайное” явным для читателя» [11, с. 29]. Это дает

возможность понять, что в рамках исследуемых статей первостепенным становится именно литературно-критическое мышление Немзера.

Цель Немзера – предварить встречу «просто читателя» с книгой, емко рассказывая о том, что его ожидает («Читателю предстоит вместе с исследователем вникать в тайнопись Лескова и Чернышевского, восстанавливать историю пропавших стихов Некрасова...» [10, с. 77]; «Масса неожиданностей ждет читателя в разделе “Виртуозность художественного мастерства Пушкина”» [11, с. 24]). Читатель, о котором говорит Немзер, обладает спонтанными реакциями, непредсказуемостью, эмоциональностью восприятия, и он существенно отличается от профессионального читателя, которым является историк или теоретик литературы. Обращения Немзера к читателю-любителю – еще одна примета тяготения автора к литературно-критическому, а не к научно-литературоведческому дискурсу. Кроме этого, Немзер способен упрекнуть писателя за недооценку своего читателя и выступить противником злоупотребления читательским доверием. Яркий пример находим в заметках о пушкинистике последних лет: «Пушкин – выдержит, а читатели? Те, у кого нет ни времени, ни сил выяснять, какое исследование хорошее, а какое – так себе?» [11, с. 23] Право на уважение и доверие читателя – главное для Немзера, потому что он не исключает случай, когда будет необходимым сказать: «Читателю остается поверить мне на слово», – так он написал в статье о повести В. Гроссмана «Все течет» [13, с. 41].

Стоит сказать о способе удержания читательского внимания. В статье «Отметки не будет», прежде чем говорить о книге «Герои Гоголя», Немзер делится «популярной на филологическом факультете Московского университета» историей об одном преподавателе, решившим написать вступительное сочинение во время приемных экзаменов. Лишь в конце рассказа он называет имя «авантюрного героя», им оказался автор рецензируемой книги – доцент В. Н. Турбин. Похожий пример наблюдаем в статье «Диалог продолжается». Немзер представляет читателю отрицательный отклик, но намеренно не сообщает название рассматриваемого предмета, употребляя выражение «обсуждаемая книга», но в завершение Немзер все же признается: «Хотя пора, кажется, раскрыть аноним и сказать, что рассказ мой был посвящен книге Л. Козловой и Т. Камчатовой «Жил труженик с высокою душой»...» [12, с. 51]. Так формируется нарастание читательского интереса.

Проведенный анализ позволяет нам прийти к выводу, что на площадке журнала «Литературное обозрение» Немзер выступает прежде всего

как литературный критик. Однако мы можем встретить две статьи, в которых эти признаки ослабевают. Так, Немзер представляет читателю анализ двух произведений А. И. Солженицына: «В круге первом» («Рождество и Воскресение») и «Март Семнадцатого» («Прозревая Россию»). Следует предположить, что иная позиция Немзера по отношению к этим текстам неслучайна. Публикации датируются 1990 г. – это время ознаменовано «возвращением» сочинений писателя в Россию. Задача Немзера не оценить текст, что является основополагающей целью литературного критика, а показать, как нужно его прочитать и насколько глубоко нужно его осмыслить в условиях нового времени. Это подтверждает как название раздела журнала «Читаем Солженицына», так и заключительный фрагмент статьи: «До поры мы читали Солженицына так, как позволяли обстоятельства. Ныне иная ситуация. И мы можем читать его, как должно. Медленно. Осторожно. Не оглядываясь. В правильном мерном ритме. С начала и до конца» [17, с. 37]. Объем этих статей, в отличие от предыдущих, увеличивается практически вдвое, появляются примечания, крайне редко встречающиеся ранее, соответственно, расширен и фокус внимания автора. Немзеру важно быть доказательным, поэтому он наполняет текст точными деталями. Например, он указывает, что в солженицынском «узле» Петроград доминирует над всем остальным пространством, отмечая, что действие лишь 235 глав разворачивается вне этого города, а затем в примечаниях представляет приблизительные подсчеты: «В I томе... действие разыгрывается лишь в 14% глав, во II – в 35%, в III – в 53%, в IV (самом коротком) – в 42%» [18, с. 20]. Такая филигранность говорит о том, что Немзер исследует текст, испытывая к нему именно научный интерес.

Неожиданно заметным становится и растворение в тексте характерного для Немзера сочетания «на мой взгляд». Понижается высокий градус эмоций, резкие фразы сменяются на обходительные комментарии: «Не собираясь оспаривать множество содержательных, а подчас и глубоких концепций (да и о чем речь, художник всегда неповторим), рискну все же заметить...» [18, с. 22]. При этом черты Немзера-критика угадываются и здесь – в пространстве его литературоведческих изысканий. Его собственное «я» отражается как в выборе произведений, который объясняется личной заинтересованностью, так и в некоторых фрагментах текста, где субъективность автора становится заметно ощутимой: «Но мне надобно, чтобы именно этими словами заканчивалась неизбежно сумбурная попытка разобраться в космосе пока последнего из “узлов” “Красного

колеса»» [18, с. 27]. Более того, Немзер рассматривает произведения в широком историческом контексте. Он подчеркивает, что «Солженицын ощущает себя законным наследником русской классической традиции и потому словно бы стремится совместить в едином свободном дыхании – Толстого и Гоголя, Достоевского и Замятина, Пушкина и Есенина». Усиление личностного начала проявляется в стремлении прочертить видимую для него линию большой традиции: Гоголь – Достоевский – Солженицын [18, с. 22]. По мнению Немзера, книги писателя должны доказать, что Россия не погибла, и, пережив сталинский ад, страна осталась живой, а ее душа и словесность – свободной [17, с. 37]. Таким образом происходит сопряжение литературоведческого анализа и социально-политических выводов. В книге «При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы» Немзер отметил, что, несмотря на его литературно-критическую деятельность, он не перестает «литературоведчески думать» о Солженицыне. Это позволяет говорить о том, что Немзер может попеременно выступать в роли как литературного критика, так и историка литературы, но даже во втором случае ему свойственны такие признаки литературно-критического письма, как субъективность и избирательность.

В итоге можно сказать, что в восьмидесятые годы Немзер проявляет себя именно как литературный критик. Его главным инструментом является оценочное суждение, проходящее через весь пласт статей. Этот признак особенно броско и отчетливо отражается на фоне прямолинейной контрастности в обзорах «Восхождение к Пушкину» и «Диалог продолжается». Литературно-критическое слово Немзера эмоционально окрашено и, несмотря на юный возраст автора, продиктовано жизненным опытом. Перед нами раскрывается не только Немзер-критик, но и Немзер-человек, который готов поделиться своей личной историей. Он повинуется порывам чувства, искренностью и порой доходящей до наивности откровенностью старается приблизить к себе читателя. В каждой статье проявляется активная позиция автора, его личность прорывается сквозь текст даже в тех случаях, когда свойства литературно-критического дискурса редуцированы.

Литературно-критические опыты Андрея Немзера на страницах журнала «Литературное обозрение» – уникальное явление, требующее пристального внимания. Именно здесь происходит становление Немзера – литературного критика. В дальнейшем особенности его раннего творчества затушевываются, оно будет обрамлено новыми формами и станет в полной мере созвучно времени.

Список литературы

1. *Беляков С.* Андрей Немзер : караул устал // Частный корреспондент. 2010. 29 июня. URL: http://www.chaskor.ru/article/andrej_nemzer_karaul_ustal_18215 (дата обращения: 06.01.2022).
2. *Костырко С.* Критика на костылях и без // Частный корреспондент. 2010. 18 июля. URL: http://www.chaskor.ru/article/kritika_na_kostylyah_i_bez_18574 (дата обращения: 06.01.2022).
3. *Сурат И.* О нашем деле. Случай Немзера // Новый мир. 2013. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/povyi_mi/2013/12/o-nashem-dele-sluchaj-nemzera.html (дата обращения: 06.01.2022).
4. *Немзер А.* Исполняющий обязанности критика // Русский журнал. 2009. 4 января. URL: <http://russ.ru/MirovaYa-rovestka/Ispolnyayuschij-obyazannosti-kritika> (дата обращения 06.01.2022).
5. *Немзер А.* При свете Жуковского : Очерки истории русской литературы. М. : Время, 2013. 896 с.
6. *Немзер А.* Дневник читателя : Русская литература в 2007 году. М. : Время, 2008. 544 с.
7. *Немзер А.* Замечательное десятилетие русской литературы. М. : Захаров, 2003. 608 с. (Русская литература).
8. *Немзер А.* «Через центр или по Садовому?» // Литературное обозрение. 1986. № 10. С. 92–97.
9. *Немзер А.* Отметки не будет // Литературное обозрение. 1984. № 4. С. 44–48.
10. *Немзер А.* [Рецензия] // Литературное обозрение. 1983. № 10. С. 76–77.
11. *Немзер А.* Восхождение к Пушкину // Литературное обозрение. 1984. № 2. С. 22–30.
12. *Немзер А.* Диалог продолжается // Литературное обозрение. 1986. № 6. С. 43–51.
13. *Немзер А.* Завещание Гроссмана // Литературное обозрение. 1989. № 12. С. 41–45.
14. *Немзер А.* До встречи в эфире // Литературное обозрение. 1985. № 9. С. 70–72.
15. *Немзер А.* Поединок с «дизайном» // Литературное обозрение. 1986. № 7. С. 50–53.
16. *Немзер А.* Счастливые поиски // Литературное обозрение. 1985. № 3. С. 61–63.
17. *Немзер А.* Рождество и Воскресение // Литературное обозрение. 1990. № 6. С. 31–37.
18. *Немзер А.* Прозревая Россию // Литературное обозрение. 1990. № 12. С. 19–27.

Поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

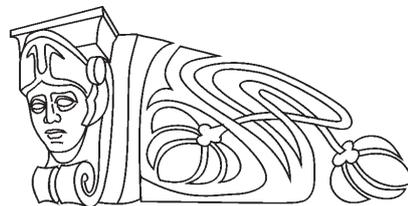

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 192–198
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 192–198
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-192-198>

Научная статья
УДК 821.161.1.09-311.6+929Кибиров

Жанровые модификации и «поиски жанра» в романе Тимура Кибирова «Генерал и его семья»

Е. Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. Жанровое обозначение романа Тимура Кибирова «Генерал и его семья» вызвало несогласие литературных критиков. Исторический роман, семейная сага, роман-цетон, роман о психологии и нравственности в позднем СССР – таков спектр суждений о жанровой специфике романа, уточнить параметры которой позволяет настоящая статья. Жанровым каркасом текста является локальная и вместе с тем характерная для изображаемой эпохи история семьи на фоне большой советской истории. Анализ текста позволяет говорить о сочетании жанров семейных и исторических хроник как формообразующей и смыслопорождающей композиционно-стилевой структуры в ее исторической устойчивости. Вместе с тем роман отличают черты жанровой маргинальности (переходности), явленной через жанровую контаминацию и жанровую диффузию. Все это позволяет роману Кибирова впитывать в себя и другие композиционно-стилевые образования, в числе которых роман воспитания в той его разновидности, которая Бахтиным определяется как роман испытания. Контаминация разных жанров в романе осуществлена по принципу их взаимопроникновения, т. е. жанровые новообразования и соединения возникают в тексте как результат процесса диффузии, когда в результате смешения, смещения, постоянного и нарочитого нарушения границ возникают новые содержательные формы. Автор в тексте, являясь и комментатором событий, и одним из их участников, с использованием приемов художественной игры ведет постоянный диалог с читателем и героями. Авторская оптика позволяет воспринимать роман, написанный в парадигме «поисков жанра», в его жанровой целостности.

Ключевые слова. Кибиров, исторический роман, семейные хроники, маргинализация, контаминация, диффузия жанров, автор

Для цитирования: Елина Е. Г. Жанровые модификации и «поиски жанра» в романе Тимура Кибирова «Генерал и его семья» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 192–198. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-192-198>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre modifications and “search for a genre” in Timur Kibirov’s novel *The General and His Family*

E. G. Elina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Abstract. Genre definition of Timur Kibirov’s *The General and His Family* caused disagreement among literary critics. The range of opinions concerning the definition of the novel’s genre include historical novel, family saga, cento novel, the novel about psychology and morality of the late years of the USSR. This article is concentrated on the novel’s genre definition. The genre framework of the text is the epoch-standard local family story depicted against the background of massive Soviet history. Text analysis allows to speak about the combination of the family and historical chronicle genres as the form and meaning generating composition and style structure in its historical stability. At the same time, the novel is distinguished by features of genre marginality (transitivity), manifested through genre contamination and genre diffusion. This allows Kibirov’s novel to absorb other compositional and stylistic formations, including that variety of the coming-of-age novel, which Bakhtin defines as a novel of ordeal. Contamination of various genres in the novel is based on the principle of their interpenetration, that is, genre-related new formations and connections appear in the text as a result of the diffusion process, that is when new meaningful forms arise as a result of mixing, displacement, constant and deliberate breaking of boundaries. The author in the text, commenting on the events and being one of their participants, uses the techniques of artistic play to lead a never-ending dialogue with the reader and the characters. The author’s vision makes it possible to perceive the novel written in the paradigm of “genre search” in its genre integrity.

Keywords: Kibirov, historical novel, family chronicles, marginalization, contamination, diffusion of genres, author

For citation: Elina E. G. Genre modifications and “search for a genre” in Timur Kibirov’s novel *The General and His Family*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 192–198 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-192-198>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Роман Тимура Кибирова «Генерал и его семья», первая часть которого была опубликована в 2017 г. [1], а полный текст (в трех книгах) – в 2020 г. [2], сразу вызвал множество дискуссионных откликов. О каких сторонах романа ни рассуждали бы рецензенты, так или иначе они касались проблемы его жанрового обозначения. Казалось бы, что именно эта сторона текста не должна вызывать вопросов, поскольку на титульном листе помещено авторское определение жанра: «исторический роман». Сколько раз подзаголовки с указанием жанра вводили читателей и литературных критиков в ступор: «поэма» («Мертвые души»), комедия («Вишневый сад»), драма («Гроза»). И ведь никто не подвергает сомнению эти волевые авторские обозначения. Дело литературных критиков и историков литературы – обосновать авторскую волю, отметить специфику заявленного жанра, найти причины для видоизменения установленных жанровых границ. Так обычно происходит с классическими произведениями. Как только речь заходит о произведениях новейшей литературы, да еще созданных в ключе художественной модальности, жанровые или стилевые приметы, оговоренные автором, становятся предметом спора.

Было бы очень важным сегодня, на материале произведений словесного искусства, созданных в последние десятилетия, уточнить теорию жанров, показать, как в современном художественном тексте бытуют, переплетаются, видоизменяются привычные литературные жанры, как они взаимодействуют с жанрами речевыми [3] и жанрами, вторгающимися из медийных сфер. Однако требуется еще немало конкретных исследований, посвященных жанровым поискам, ведущимся современными писателями, чтобы говорить о новой теории литературных жанров.

Основой спор по поводу нового романа Т. Кибирова развернулся вокруг его жанровой природы. В случае с романом «Генерал и его семья», который уже в самом названии подчеркнута аллегоричность, а затем, в тексте, словно специально «подставлен» под критические стрелы, титульное жанровое обозначение либо оспаривается критиками, либо просто игнорируется, авторы публикаций ищут и находят синонимические либо даже антонимические замены этому вполне безыскусному определению.

Приведем несколько откликов о романе, отметив курсивом указания на то, какими видятся жанровые модуляции романа Т. Кибирова рецензентам. «Хотя повествование сосредоточено на одном семействе, жанр произведения Кибиров определил как “исторический роман”. В многочисленных лирических отступлениях и флэшбеках – повествование постоянно норовит сбегать в “самоволку” от основной сюжетной линии – возникает дух противоречивого и неустроенного

времени. Автор призраком витает между эпохами и пространствами. Он то следит за развитием событий, то размышляет над сюжетными развилками, а то и вовсе вступает с персонажами в диалоги из потайного безвременья. Кибиров выбирается и за пределы романа – он побудет и критиком, который отыщет огрехи текста, и учительницей, которая *растолкует скрытый смысл выпавшего снега*», – пишет А. Москвин [4]. О. Балла отмечает: «“Исторический роман” Кибирова – особенная смысловая машина. Помимо всего прочего, это – *самоизобретенный способ автобиографической рефлексии и автобиографического письма*. Можно было бы, конечно, впрямую написать мемуары, но очевидно, что это существенно сузало бы смысловые возможности текста» [5]. Еще одно высказывание: «Отсюда же и концептуальное несоответствие столь серьезных затронутых тем первоначальным контурам армейской байки. Может быть, это дань жанру? Но у меня не получается назвать “Генерала...” исторической прозой. Книга ворошит не далёкое прошлое, а середину 1980-х годов, не поднимает архивов, кроме *дневников замполита* Кибирова, не делает открытий. Главное призвание исторического романа – показывать противоборство исторических сил через судьбы причастных эпохальным событиям людей. <...> Однако тогда *перед нами не исторический роман, а роман о том, как Тимур Кибиров представляет себе нравственность и психологию позднего СССР*. С одной стороны, это честно. С другой – слишком субъективно» [6, с. 11].

Представим еще одну попытку противиться воле автора: «...это в самом деле *семейная эпопея*. И в центре ее генерал – титульный герой. Заглавие не обманывает. И если это “Онегин”, то такой, который “энциклопедия русской жизни”, а в нашем случае – энциклопедия жизни советской. Но по большому счету *это не “Онегин”, то есть не роман*» [7, с. 219–220].

Приведем еще один мотив причислить роман к семейной хронике: «При всей сложности и, скажем так, плюрализме жанрового определения этой книги “Генерал и его семья” “внешне” относится к разряду *семейной хроники*» [8, с. 204].

Наконец: «Вместе с тем “Генерал и его семья” – *настоящий роман*, его традиция легко угадывается, и это *не советская семейная эпопея и не проза о войне*, – название обманчиво. Это *роман-центон о провинциальной книжной девушке и о ее семействе, о том, как она взрослеет и разочаровывается в своем незадачливом избраннике* <...>, да, это *тот самый роман*, “*в котором отразился век*”, но не в стихах, а в прозе: *дьявольская разница!* Но там точно так же, как в “Онегине”, автор идет рука об руку со своими героями, без конца оговариваясь, отвлекаясь от повествования, вступая в привычную уже цитатную игру с чита-

телем. Материя его та же, что и в кибиловских поэмах: советский мир, возникающий из «перелицованной» русской литературы» [9].

Если следовать логике высказавшихся о романе и попытаться многовекторные претензии выстроить в некую систему, получится, что жанр «Генерал...» следует представить как роман, не являющийся романом, но с лирическими отступлениями и флэшбэками. Текст несет в себе черты критического суждения и назидательности, является автобиографической рефлексией, но не в привычном смысле слова, поскольку она «самоизобретенная». Роман нельзя считать историческим по нескольким причинам: серьезность исторической прозы заменена здесь армейскими байками, автор не обращается к архивам и к далекому прошлому, как это принято в историческом романе, а пишет об эпохе 1980-х гг. «Генерал...» – это семейная эпопея. Нет, это не семейная эпопея, это роман-центон. И в довершение ко всему – алогичная антитеза: это не исторический роман, потому что здесь представлены нравственность и психология позднего СССР.

Стоит, наверное, вступить в полемику с оценщиками романа, и вот по каким поводам. Автор указывает на то, что время действия романа «где-то между празднованиями столетнего юбилея Владимира Ильича Ленина и шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции» [2, с. 21]. Несложно подсчитать, что хронологические рамки сюжета укладываются в период от 1970 до 1977 г. Как видим, это не 1980-е гг. Не различать 1970-е и 1980-е, эти очень разные и по составу политических лидеров, и по умонастроению эпохи, – не понять и многие смысловые акценты самого романа. Неясно, почему эпоха позднего СССР (еще раз заметим: не последнего, а предпоследнего десятилетия) не может стать объектом именно исторической художественной рефлексии. Кто и когда определил временные границы исторического повествования? Заметим, что с момента происшедших событий и до публикации романа прошло пятьдесят лет – ровно столько, сколько прошло с окончания войны 1812 г. до начала работы Толстого над романом «Война и мир». Внимательный критик совершенно справедливо отмечает: «Роман насыщен советскими реалиями, и для современного молодого человека он, конечно, уже исторический» [10]. Что касается архивов, один критик словно отвечает другому: «А еще здесь – введение в ткань повествования (десятками страниц!) архивных материалов, исторических и личных» [8, с. 204].

Не совсем понятно, почему интерес к социальной психологии и нравственным принципам (читай – этическим канонам) эпохи отменяет усилия автора как исторического романиста. Не стоит аргументировать мысль о том, что хороший исто-

рический роман не есть иллюстрация к историческим событиям, это попытка углубиться именно в психологические и этические особенности изображаемой эпохи. Пожалуй, более справедливо говорить об отражении в романе исторической и культурной памяти поколения (О. Балла).

Столь же неожиданным выглядит и противопоставление семейной эпопеи и центонного романа. Определения жанра и способа повествования здесь взяты из разных логических рядов, а семейный роман, как и любой другой (батальный, любовный, философский, биографический) по прихоти автора может стать центонным, аллюзивным, наполненным подтекстами и отступлениями от фабульной канвы. Центонность является устойчивой характеристикой всего творчества Кибирова. Неслучайно была подготовлена солидная монография, в которой известные филологи взяли на себя труд по комментированию одной из самых известных поэм автора «Генерал...» [11].

Сам Кибиров, отвечая на вопросы интервьюера, аргументирует собственное жанровое обозначение романа без затей: «Историческим я назвал свой роман потому, что речь в нем идет о делах давно минувших дней. Насколько он философский, я не знаю, а полемичность историчности не помеха» [12].

В попытке объяснить разногласия в жанровых определениях кибировского романа вчитаемся в него. Мы сразу же обращаем внимание на многообразие жанров, вошедших в текст. Это смесь нескольких повествовательных жанров, поскольку в большом романе появляются вполне завершённые новеллы, байки, «побасенки», есть здесь сказ и сказка, элементы фэнтези, продолжительные авторские монологи и диалоги автора с читателем и автора с героем. В тексте множество стихов – и собственных, кибировских, скрытых под именем одного из «внесценических» персонажей, и поэтических строк, принадлежащих поэтам разных эпох и относящихся к разным лирическим и лиро-эпическим жанрам (поэмы, элегии, эпиграммы, роман в стихах). Кроме литературных жанров, в тексте представлены элементы литературно-критических полемических высказываний, политической, социальной и даже педагогической публицистики. «Генерал...» наполнен образцами таких жанров, как исторический документ, энциклопедическая статья, мемуары, письма, дневники.

Своего рода жанровым каркасом всего большого текста является локальная и вместе с тем характерная для изображаемой эпохи история семьи Бочажков на фоне большой советской истории. Фабульной основой романа становится не вполне ожидаемое повествование о том, как эта большая история перемальвает и выбрасывает человека, и даже не о том, как человек противостоит этой

жестокой и равнодушной машине. Фабульное развитие приводит к пониманию другой авторской интенции: человек и его семья силой любви, привязанности, уважения способны оставаться людьми, проживать достойную жизнь, игнорируя большую историю и тем самым оставляя в ней свой след. Вот почему *модус истории* и *модус семьи* в романе Кибирова существуют на равных, переплетаясь, находясь в зависимости друг от друга и образуя в течение всего повествования как минимум две жанровые целостности: семейной хроники и исторического повествования.

Хочется подчеркнуть, что «Генерал...» – это именно хроника, а не сага и не эпопея. И даже, скорее, *хроники*, а не *хроника*. Это множественное число стоит применить и к семейной составляющей романа, и к его исторической составляющей. Во-первых, потому что изложение истории семьи, так же как и истории страны, в романе дается дискретно, с перебивками и отступлениями, со сменой временных ракурсов и локусов, но хроникальность при этом сохраняется, поскольку в сознании читателя выстраивается в явственно изложенную семейную историю и ту часть большой истории, которая важна писателю.

Во-вторых, потому что одним из самых частотных произведений, упоминаемых и цитируемых в романе, становятся «Хроники Нарнии» Клайва Стэйплза Льюиса. Поступки и размышления главного героя поверяются «хрониками», события в стране «запараллеливаются» с событиями в Нарнии, а известные герои времени начинают нести в себе черты персонажей хроник. Все это не может быть случайностью. Напротив, Нарния в тексте организует фабульные ядра, появляется в ответственные для романа моменты, оказывается важным для автора мерилом морали.

В-третьих, *семейные хроники в контексте исторического романа* можно считать наиболее точным жанровым определением «Генерала...» еще и потому, что в тексте отчетливо просматриваются черты еще одного близкого к семейному повествованию жанра – романа воспитания. Возможности этого жанра позволяют Кибирову дать историю Анечки. В духе романа воспитания представлено безмятежное детство, воспитание и взросление через книги и увлечение стихами Ахматовой. Затем – московская студенческая среда, знакомство с кругом поэтов-диссидентов, неизбежные удары судьбы, влияние на духовную биографию героини внешних обстоятельств и других людей, материальная зависимость от отца, взгляды которого постепенно становятся чуждыми, прямолинейные и безапелляционные поиски смысла жизни.

Через обязательные этапы романа воспитания проходит и Степка: тут и годы учения (без интереса, без задора), и поиск друзей (среди людей не

получилось, главным другом становится собака), и преодоление искусов молодости. Однако именно Степка в период своих исканий начинает вызывать читательские симпатии умением любить, сострадать, вставать на защиту того, кому сейчас плохо.

Главным персонажем большого романа воспитания, безусловно, оказывается Василий Бочажок, которого автор проводит через тернии, определенные самим жанром такого романа в его абсолютно классическом выражении. Здесь значима каждая веха: детство и юность, взросление и ученичество, поиски своего «я» и обязательные для героя романа воспитания перемещения в пространстве (своего рода путешествия), формирование взглядов на жизнь и на человеческие типы и характеры. Стоит отметить и еще одну особенность романа воспитания в структуре семейно-исторических хроник Кибирова. Если первые этапы жизни и становления будущего генерала (периоды, предшествующие основной коллизии романа: начало и развитие острого конфликта между генералом и его дочерью) прописаны через показ внешних событий, через действия, через перемещения во времени и пространстве, то события, происходящие в семье Бочажка и связанные с радикальным отходом Анечки от норм советской идеологии и даже морали, меняют ракурс изображения главного героя. Чем больше недоумевает Бочажок по поводу изменившегося поведения дочери, чем больше проблем она доставляет отцу, тем органичнее в ткань повествования вплетается психологический рисунок, обнажается внутренний мир героя, усиливается и авторская подсветка мыслей и чувств генерала.

Роман воспитания, в классическом своем выражении пренебрегающий психологизмом или (на ранних стадиях) не знающий его, вторгаясь в текст «Генерала...», обретает яркие качества психологического романа. По классификации М. М. Бахтина, такой тип произведения относится к жанру романа испытания, который «строится как ряд испытаний главных героев, испытаний их верности, доблести, смелости, благородства, святости и т.п.» [13, с. 190]. Именно эти свойства человеческой природы и именно в таком содержательном наборе «проверяются» на главном герое романа, именно они в разные периоды жизни Бочажка становятся причиной убеждающей авторской симпатии к своему персонажу.

Говоря о жанровых модификациях романа Кибирова, мы неизбежно и по разным поводам вспоминаем М. М. Бахтина, объяснившего особенности романной эстетики так, как будто среди текстов, послуживших импульсом к его размышлениям, был и «Генерал...». Достаточно напомнить, что Бахтин относится к роману как к становящемуся жанру, в этом и кроется его «неуживчивость» с другими жанрами: «Роман парю-

дирует другие жанры (именно как жанры), облачает условность их форм и языка, вытесняет одни жанры, другие вводит в свою собственную конструкцию, переосмысливая и переакцентируя их» [14, с. 449]. Бахтин указывает на пародийность и травестийность стилизации высоких жанров, характерных для романа. Эта бушующая стихия наполняет роман Кибирова на всех уровнях – от авторского слова до вероятных читательских реплик, искусно сочиненных автором, от показа карикатурных ситуаций и портретов до комически соединенных широко известных книжных, порой высокопарных, цитат и неожиданного просторечия или вовсе обценного слова.

Бахтин не только выявил закономерности появления всех этих слоев в романном жанре, но и объяснил причины вторжения сатирических пластов в романских текстах: «Основная задача Рабле – разрушить официальную картину эпохи и ее событий, взглянуть на них по-новому, осветить трагедию или комедию эпохи с точки зрения смеющегося народного хора на площади. <...> Рабле не верит на слово своей эпохе <...>, он хочет раскрыть ее подлинный смысл для народа, народа растущего и бессмертного» [15, с. 485]. Разоблачение эпохи через ее сатирическую оценку Кибирова открыто постулирует как смыслопорождающую художественную идею своего романа. Получается, что жанровые модификации романа, нарушения жанровых границ, гибридизации или, напротив, жанровые разъемы, пародийный отсвет в изображении персонажей и всей эпохи в целом – следствие романной методологии, которая была исследована еще в 1940-е гг.

Таким образом, речь идет не о каких-то жанровых изысках, а об очередном этапе становления романа. Между тем мы вправе определить особенности этого этапа. Мы полагаем, что в связи с романом Кибирова следует вести речь о жанровой маргинализации, т. е. о различных типах жанровой переходности. Черты переходности мы видим уже в процессе авторской эксплуатации романских жанров. Вероятно, этим во многом можно объяснить спор литературных критиков с автором по поводу жанровой дефиниции «исторический роман».

Маргинальные жанры становятся предметом интереса современных исследователей, хотя в большей степени они касаются жанров журналистики и социальных медиа. Такие переходные жанры, в том числе в литературе, авторы квалифицируют как гибридные, пишут об «уплотнении жанров», о жанровых смещениях, о нарушениях жанровой чистоты, о размывании жанровых границ [16–21]. Как бы ни определяли маргинализацию жанровых форм и соединений, можно уверенно говорить, что в романе Кибирова она играет важную структурно-содержательную

роль. В первую очередь, маргинализация романа связана с попыткой контаминации различных жанровых образований. *Контаминация* разных жанров в романе осуществлена по принципу их взаимопроникновения, т. е. жанровые новообразования и соединения возникают в «Генерале...» как результат *процесса диффузии*, когда молекулы одного жанра прирастают молекулами другого жанра и в итоге их смешения, смещения, постоянного и нарочитого нарушения границ возникают новые жанровые соединения.

Анализ текста романа позволяет говорить о сочетании жанров семейных и исторических хроник с включением других жанровых разновидностей как формообразующей и смыслопорождающей композиционно-стилевой структуры в ее исторической устойчивости.

Происходит вся эта «химия» не просто по воле автора, а при его живейшем участии. Автор в тексте ведет как минимум тройное существование: он титульный автор, писатель, создатель романа, он же автор, постоянно возникающий на страницах произведения и дающий характеристики героям, комментирующий происходящее, сочувствующий персонажам или насмешничающий над ними. Кроме того, этот автор еще и персонаж своей книги. Автор осведомлен о происходящих событиях не только потому, что их придумал, сочинил. Эти события ему известны, потому что он один из тех, кто живет в этом военном городке, кто знаком с кем-то из героев, кто был где-то рядом, многое видел, многое помнит. Эти три автора спокойно уживаются в тексте, различаясь лишь тем, каким объемом информации о происходящем они владеют и какими оптическими средствами и курсурас для применения этой оптики пользуются.

Автор как литературный герой постепенно индивидуализируется и даже «психологируется». Мы узнаем об его привычках, любимых книгах и нелюбимых политических деятелях. В тексте постоянно звучат авторские сентенции по разным поводам, запальчиво заявляется мнение автора по разным вопросам. Так лепится образ автора, который становится равноправным с другими литературными героями. То и дело в тексте появляются обороты типа: «покойный папа моего уже тоже покойного друга», «если бы у меня в мои 12 лет была возможность смотреть, скажем, “Звездные войны”...», «сам-то ведь себя почитаешь не просто вумным, а средоточием всяческой вумности и затейливости».

В привычный авторский текст Кибирова постоянно вставляет «думаю», «вот что меня заботит», «ой, забыл рассказать...», «я хорошо помню и этот клуб, и этот барак», «что-то не очень симпатичная у нас девушка получается, да?», «на месте генерала я бы не преминул съязвить...», «и больше его в наших краях никто никогда не видел», «я помню...»,

«мой покойный папа», «мои любимые герои», «моя дрянная героиня», «я и впрямь побаиваюсь этой темы», «Ну а я интеллектуалов и эстетов недолюблю и побаиваюсь», «моя бедная книга», «Я чуть не расплакался, когда услышал...».

Автор постоянно ведет диалог с читателем, и это не только ритуальные обращения к «проницательному читателю» или «поверхностному наблюдателю». «Да, читатель, да!» – начинается одна из романских глав. Нередко это игровой диалог [22], позволяющий уточнить отношение автора к своему читателю, отношение партнерское, уважительное, доверительное. Главным критерием истины в этом диалоге становится цитата. Рассчитывая на посвященного читателя, на читательскую память, на любовь читателя к книге, Кибиров то вправляет в «чужой» текст собственные реплики, то, напротив, в авторский комментарий включает цитату. В любом случае это проверка читателя на принадлежность к «своим», к понимающим, к тем, кто оценит эти крутые остроумные словесные выражения: «Ну а Музе давно ведь уже было велено быть послушной (и, между прочим, равнодушной – к тому, что и как толкует чернь тупая), и этот приказ, насколько мне известно, еще никто не отменял, и на Музу российской прозы он распространяется в полной мере. А то, что опять цитата на цитате едет и реминисценцией погоняет, и презренная пародия бесчестит литературные памятники и мемориальные комплексы, – с этим и подавно придется смириться, старого учить, что мертвого лечить» [2, с. 10]. Не случайно в романе появляется фраза: «А вот читателю (не тому, с которым я переругиваюсь, а настоящему, такому, как я сам...)» [2, с. 192].

Внутритекстовый читатель романа знает, что это роман, что ему, читателю, представляют не живых людей, а литературных героев, напоминают, о чем шла речь в предыдущих главах и что будет дальше. То есть текст романа существует как книжная конструкция, здесь нет привычного для литературы построения иллюзии жизнеподобия. Книжность текста подчеркивается упоминанием сугубо литературных явлений: «лиро-эпическое отступление», «лепимый мною с таким трудом художественный образ», «венки сонетов», «даль свободного романа», «художественная идея», «читательный роман», «художественные принципы», «метафора», «символ». В какой-то момент повествования автор притворно возмущается героями, которых он никак не может подвигнуть к любовному свиданию. Так рождается еще один важный жанровый принцип произведения, родственной структуре «романа в романе».

В поисках жанра Кибиров приходит к пониманию необходимых ему творческих ресурсов: «Трезво оценив имеющиеся в моем распоряжении ресурсы, я пришел к выводу, что для реализации

этого амбициозного проекта их, мягко выражаясь, недостаточно, что тут потребны толстовский размах, пушкинская легкость, набоковская избрательная точность, захлебывающийся восторг Пастернака и жирный карандаш Фета – в общем, вся совокупная мощь русской классической, модернистской и постмодернистской литературы» [2, с. 323]. В этом фрагменте текста автор, пусть и в иронической форме, обозначает свои жанровые и стилистические приоритеты.

Вообще ироничность становится важным признаком кибировских релятивов и одновременно ключом от фабульных замков романа. Даже само перечисление литературных рядов обрабатывается ироничным обращением к читательской памяти: «...это хваленое чувство, которое описывали Шекспир, Тургенев и Фраерман...» [2, с. 246]. Столь же ироничны своего рода культурные анахронизмы: «Не миновать бы Степке участи Андрия Бульбы, столь красочно и назидательно экранизированной депутатом Бортко» [2, с. 250]. Авторская ирония по отношению к персонажам и к читателю с первых абзацев начинает восприниматься как игра, являющаяся неотъемлемым жанровым атрибутом. «Я ведь тут выступаю в роли неотвратимого рока», – пишет Кибиров.

Всякий раз завершение фабульной ситуации, повышение градуса повествования, выводы или назидания сопровождаются колоритной цитатой. Цитата как итог существенной части текста, цитата на месте музыкального знака «фермата» становятся жанровым лейтмотивом романа: «О муза плача!», «О, не смейтесь, смехачи! Чему смеетесь? Над собою смеетесь!», «Но в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас», «Вот такую зарю нового мира приветствовали наши милые Искремасы, и вот такую молодость убивали на самом деле на широкой площади...».

Авторские диалоги с героем тоже во многом определяют жанровые поиски Кибирова. Со своим генералом автор разговаривает непринужденно, без политеса, даже панибратски. В авторской речи появляется множество разговорных, нередко просторечных оборотов, здесь легко проскакивает крепкое словцо: «А с Ахматовой этой вы совсем уже сбрендили. При чем тут, спрашивается, она? Нет, я с нее вины не снимаю, но все-таки, Василий Иванович? Ну не беременеют барышни от мертвых поэтов! Понимаете? Даже от бессмертных» [2, с. 39]. Любопытно, что это не обращения автора к герою, а именно диалоги, в которых слышен и голос самого героя: «Да что же это такое, в конце-то концов! Ну ни черта же непонятно! Ну не может же быть, что в самом деле псих?! А вдруг по наследству такое передается? Главное, все слова по отдельности вроде понятны, а вместе никакого смысла. Как будто по-югославски или по-болгарски! – В некотором смысле так и

есть. Вы просто не владеете этим языком, понимаете? – Каким это языком? – Ну, скажем, современной поэзии. – А он у вас не русский, что ли, уже? – Да русский, конечно, просто...» [2, с. 154].

Прихотливая авторская оптика, с помощью которой укрупняется фигура внутритекстового читателя, углубляются представления о литературных героях и породившей их эпохе, позволяет воспринимать роман «Генерал и его семья» в его жанровой целостности.

Возникает вопрос, почему «поиски жанра» (В. Аксенов) в романе Кибирова мы не связали с особенностями его художественного мышления, что позволяем литературоведам причислять писателя к постмодернизму, к концептуализму или к соц-арту. Не возражая коллегам и признавая известную причастность Тимура Кибирова к постмодернистской эстетике, ее методам и приемам, мы, тем не менее, пробуем объяснить жанровую специфику романа через текст самого романа и исходим из недавнего утверждения самого писателя. На вопрос «Вы лично кем себя полагаете?» автор «Генерала...» ответил: «Я лично считаю себя традиционным русским лирическим поэтом. То, что техника написания моих текстов не вполне традиционна, свидетельствует только о том, что я, видимо, не являюсь графоманом. Но эти формальные свойства моих стихов и прозы не делают меня ни постмодернистом, ни концептуалистом (что бы ни означали эти слова)» [12]. Стоит поверить писателю.

Список литературы

1. Кибиров Т. Генерал и его семья. Исторический роман // Знамя. 2017. № 1. С. 9–98.
2. Кибиров Т. Генерал и его семья. Исторический роман. М. : Individum, 2020. 624 с.
3. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
4. Москвин А. Тимур и его генерал // Год литературы. URL: <https://godliterature.ru/articles/2020/09/10/timur-i-ego-general> (дата обращения: 10.01.2022).
5. Балла-Гертман О. Тимур Кибиров : «Генерал и его семья». URL: <https://sovlit.ru/tpost/7pnoe2aedo-timur-kibirov-general-i-ego-semya> (дата обращения: 08.01.2022).
6. Сафронова Е. Играющий с авторством // Литературная газета. 2020. 2 дек.
7. Булкина И. Генеральская дочка // Знамя. 2020. № 5. С. 219–222.
8. Гундарин М. Вечные винтажные истины : Тимур Кибиров. Генерал и его семья. Исторический роман. М. : Individum, 2020. 624 с. // Новый мир. 2020. № 8. С. 204–207.
9. Булкина И. Дьявольская разница : Тимур Кибиров. Генерал и его семья. Исторический роман. Книга первая. Знамя. 2017. № 1. URL: <https://inkyiv.com.ua/2017/02/dyavolskaya-raznica/> (дата обращения: 08.01.2022).
10. Ровенко Н. PROкнигу. Тимур Кибиров. «Генерал и его семья» // Лицей. 8 октября 2020. URL: <https://gazetalicey.ru/culture/90720-proknigu-timur-kibirov-general-i-ego-semya> (дата обращения: 08.01.2022).
11. Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!» : Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы» : Опыт чтения. С приложением статьи Михаила Свердлова. М. : ОГИ, 2020. 48 с.
12. Тимур Кибиров: «Я сам был удивлен объемом этого текста». «Ревизор.ру» взял интервью у обладателя второго приза премии «Большая книга» 2020 года. URL: <https://rewizor.ru/literature/interviews/timur-kibirov-ya-sam-by-l-udivlen-obemom-etogo-teksta/> (дата обращения: 08.01.2022).
13. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма. К исторической типологии романа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 188–236.
14. Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 447–483.
15. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 544 с.
16. Елина Е. Г. Маргинальные жанры в современной русской литературе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 82–86.
17. Шарифова С. Ш. Теоретические вопросы «чистоты» жанра романа // Вопросы филологии. 2013. № 2 (44). С. 89–98.
18. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2015-2-12-119-127>
19. Криворученко Е. Ю., Калугина А. Ю. Диффузия жанров журналистики в печатных СМИ на примере региональных газет «Крымский телеграф» и «Новый Крым» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 31–35.
20. Шмелева Т. В. «Уплотнение» жанров как тенденция медиасферы // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 270–276. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>
21. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Контаминация жанровых форм в романе Дж. Франзена «Безгрешность» // Филология и человек. 2020. № 3. С. 98–110. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2020\)3-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2020)3-08)
22. Копылова Э. А. Художественная игра как средство реализации диалога между автором и читателем // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 2. С. 199–207.

Поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 10.02.2022

ЖУРНАЛИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 199–208
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 199–208
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-199-208>

Научная статья
УДК 070(574.54)

Профессиональные компетенции тележурналиста в оценке работодателей: региональные аспекты (на примере Республики Бурятия)

Л. С. Махакова

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1

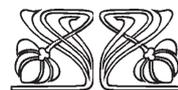
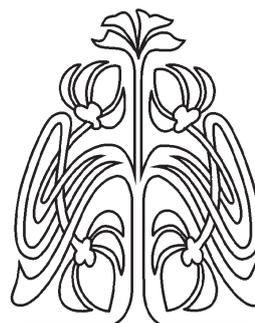
Махакова Лариса Сырендоржиевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, mahakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3199-8702>

Аннотация. Статья представляет собой исследование ключевых профессиональных компетенций выпускников-тележурналистов на основе выявления потребностей работодателей телевизионных СМИ Республики Бурятия, а также профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников. Изучение данной проблемы обусловлено рядом причин. Во-первых, происходящие во всей медиаотрасли технологические, социальные, экономические и прочие трансформации требуют переосмысления формируемых отечественными вузами профессиональных компетенций выпускников-журналистов. Особое значение это имеет для телевизионной журналистики, поскольку телевидение все еще сохраняет за собой статус основного источника информации для большинства российских домохозяйств. Во-вторых, образовательные программы высших учебных заведений в нашей стране реализуют компетентностный подход, который одной из своих приоритетных задач предполагает выявление потребностей рынка труда. И, наконец, в-третьих, анализ различных источников информации показал недостаточную изученность вопроса о профессиональной подготовке выпускников в медиаотрасли, где объектом исследования выступают требования работодателей к профессиональным компетенциям тележурналистов. Пристальное внимание уделялось теоретико-эмпирическим исследованиям в данной области среди отечественных ученых. Методом эмпирического исследования послужил экспертный опрос. Экспертами выступили главные редакторы ведущих телевизионных СМИ Республики Бурятия. В основу методики исследования профессиональных компетенций тележурналиста легли утвержденные Министерством труда и социальных отношений РФ профессиональные стандарты ведущего телевизионной программы, корреспондента и редактора средств массовой информации. В результате исследования был составлен рейтинг профессиональных компетенций телевизионного журналиста в исследуемом регионе. Определены ключевые компетенции, а также компетенции-«аутсайдеры» на уровне редакторов телевизионных СМИ, телевизионного ведущего и корреспондентов СМИ.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, журналистское образование, потребности рынка труда, профессиональные стандарты, тележурналисты

Для цитирования: Махакова Л. С. Профессиональные компетенции тележурналиста в оценке работодателей: региональные аспекты (на примере Республики Бурятия) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 199–208. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-199-208>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

**Professional competencies of a TV journalist as evaluated by employers: Regional aspects
(A case study of the Republic of Buryatia)**

L. S. Makhakova

East Siberian State University of Technology and Management, 40V, bld. 1 Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russia

Larisa S. Makhakova, mahakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3199-8702>

Abstract. The article is a study of the key professional competencies of TV journalism graduates based on identifying the needs of employers of television media in the Republic of Buryatia, as well as professional standards that correspond to the professional activities of graduates. The study of this problem is caused by a number of reasons. Firstly, the technological, social, economic, and other transformations taking place in the entire media industry require rethinking of the professional competencies of graduate journalists formed by domestic universities. This is especially important for television journalism, since television still retains its status as the main source of information for the majority of Russian households. Secondly, the educational programs of higher educational institutions in our country implement a competency-based approach, and one of its priority tasks involves identifying the needs of the labor market. And finally, thirdly, the analysis of various sources of information showed insufficient study of the issue of professional training of graduates in the media industry, where the object of research is the requirements of employers to the professional competencies of TV journalists. Close attention was paid to theoretical and empirical research in this area among local scientists. The method of empirical research was an expert survey. The experts were the editors-in-chief of the leading television media of the Republic of Buryatia. The methodology of the study of professional competencies of a television journalist was based on the professional standards of a television program host, correspondent and media editor approved by the Ministry of Labor and Social Relations of the Russian Federation. As a result of the study, a rating of professional competencies of a television journalist in the region under study was compiled. Key competencies were identified, as well as the competencies of "outsiders" on the level of television media editors, television presenters and media correspondents.

Keywords: professional competencies, journalism education, labor market needs, professional standards, TV journalists

For citation: Makhakova L. S. Professional competencies of a TV journalist as evaluated by employers: Regional aspects (A case study of the Republic of Buryatia). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 199–208 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-199-208>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эпоха цифровизации подвергает трансформации все структурные составляющие отечественной журналистики. Меняются способы потребления и передачи контента, зрительские предпочтения и т.д. Особое значение эти процессы имеют для телевизионной журналистики. Несмотря на жесткую конкуренцию с Интернетом, телевидение все еще сохраняет за собой позиции основного источника информации для большинства домохозяйств нашей страны [1, с. 19]. Стремительное развитие информационных технологий требует от современных тележурналистов наличия дополнительных профессиональных навыков. Как следствие, возникает необходимость переосмысления формируемых российскими вузами профессиональных компетенций выпускников-журналистов.

С начала 2000-х гг. российские образовательные программы высших учебных заведений реализуют компетентностный подход. Подход ориентирован на повышение качества профессионального образования путем улучшения взаимодействия с рынком труда, адаптации обучения к его потребностям. Вследствие этого одной из его ключевых задач является определение профессиональных компетенций выпускников на основе выявления потребностей рынка труда.

В сфере тележурналистики, как и всей журналистики в целом, решение выделенной

задачи сопряжено с определенными трудностями. Во-первых, работодатели зачастую сами не имеют четкого и ясного мнения о том, какими профессиональными компетенциями должны обладать специалисты в данной области. У них есть представления относительно soft skills, не связанных с отдельно взятыми профессиями, но необходимых в любой профессиональной деятельности. Тогда как относительно специальных компетенций – hard skills, знаний и умений, специфичных для конкретной профессии, они расходятся во мнениях, часто заимствуют компетенции из других специальностей [2, с. 46]. Во-вторых, работодатели исходят из своих текущих потребностей, не всегда прогнозируют и способны прогнозировать изменения рынка. Вузу же для подготовки медиаспециалиста необходимо время на разработку образовательной программы, поиск или подготовку преподавателей и четыре года на обучение бакалавра. Поэтому в определении профессиональных компетенций выпускника вуз должен ориентироваться не на текущие запросы работодателя, а «идти на опережение», анализируя тенденции и изменения на рынке труда [3, с. 134].

Стоящую перед высшими учебными заведениями проблему профессиональных компетенций современные образовательные стандарты пытаются решить как за счет анализа требова-

ний к ним работодателей, так и на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников.

Но, несмотря на попытки стандартизации, проблема определения профкомпетенций выпускника-тележурналиста по-прежнему остается актуальной. Одной из причин является тот факт, что профессиональные стандарты в сфере журналистики разработаны и приняты в 2014 г., а медиаотрасль представляет собой наиболее динамично развивающийся сегмент российской экономики. Наряду с социально-экономическими и технологическими трансформациями параллельно происходят изменения в запросах и требованиях работодателей к выпускникам высших учебных заведений. Все это обуславливает необходимость пристального изучения векторов развития на рынке труда с целью определения компетенций, имеющих высокое значение для обучающихся, и в целом повышения качества образования в вузе.

Профессиональные компетенции журналистов: обзор эмпирических исследований

На сегодняшний день существует значительное количество трудов отечественных ученых, посвященных вопросам профессиональной подготовки выпускников на основе компетентного подхода, а также формированию профкомпетенций в конкретных профессиях. Вместе с тем анализ научной литературы и иных источников информации позволил прийти к выводу о том, что среди аналитических обзоров о состоянии современного российского рынка труда в различных его сегментах практически нет исследований рынка труда в медиаотрасли, объектом которых являлись бы требования работодателей к профессиональным компетенциям тележурналистов. Преимущественно имеются отдельные исследования применительно к профессиональным компетенциям журналиста в целом.

Профессиональные компетенции журналиста подразумевают способности, позволяющие достаточно успешно решать профессиональные задачи. Эти способности, по мнению Т. Н. Владимировой, сформированы на основе знаний, умений и навыков, а также личностных качеств, имеющих немаловажное профессиональное значение. Впоследствии они позволят будущему специалисту удовлетворять свои профессиональные и творческие потребности, а также выполнять функциональные обязанности в формате «профессия – должность» [4, с. 12].

А. В. Хуторский выделяет следующие профессиональные компетенции журналиста: ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-

познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые, личного самосовершенствования [5, с. 278]. Е. В. Осипова в числе основных профкомпетенций журналиста отмечает профессионализм, коммуникативность, креативность, инициативность, развитую интуицию, социальную адаптивность, ответственность и стрессоустойчивость [6].

Как можно заметить, вышеперечисленные классификации имеют универсальный характер и требуются для большого количества разнообразных профессий.

Результаты исследования востребованности профессии «журналист» на российском рынке труда, проведенные Союзом журналистов России в 2019 г. совместно с компанией HeadHunter, также выявили в требованиях работодателей доминирование универсальных (общих) компетенций – умение работать в команде, дисциплинированность, организованность, пунктуальность. Среди требований к профессиональным знаниям и навыкам отмечаются запросы на знание законодательства о СМИ, способность составлять тексты разного типа, работа с источниками [7].

Е. Л. Вартанова наряду с общенаучными, инструментальными, системными и базовыми компетенциями описала практические компетенции, характерные непосредственно для журналистов по конкретным видам деятельности: организационно-управленческой; социально-организаторской; производственно-технологической; научно-исследовательской [8].

Европейская ассоциация журналистского образования (ЕЛТА) выделила 10 главных журналистских компетенций. Каждая из них состоит из пяти квалификационных характеристик, которые журналист обязан знать, понимать и быть готовым продемонстрировать после завершения обучения в вузе. В число основных компетенций вошли: осмысление социальной значимости журналистики и протекающих в ней трансформаций; умение добывать необходимые факты, соблюдая внешние и внутренние интересы медиаканалов и СМИ; организационно-управленческие компетенции; навыки оперативного поиска информации с применением традиционных и современных инструментов/техник сбора материала и методов исследования и др. [9].

Для отечественной медиаиндустрии большое значение имеют такие журналистские компетенции, как умение отбирать проверенную информацию и ориентироваться в текущих событиях. Далее следуют навыки, которые, прежде всего, характеризуют журналиста как работника, нежели профессионала. Замыкают рейтинг те качества журналиста, которые действительно необходимы ему в его повседневном

профессиональном творчестве, – уметь объяснить, интерпретировать и совершенствовать материал [10, с. 20].

Поскольку в рамках нашей работы особый интерес представляют требования региональных работодателей, в данный обзор мы включили результаты опроса, проведенного челябинскими коллегами Л. П. Шестеркиной и А. А. Бевз [11]. Для описания журналистского профессионализма ученые предлагали работодателям проранжировать в порядке значимости составляющие данного понятия. Большинство респондентов (34,3%) в качестве ведущего выделили критерий «Функциональная грамотность» как часть интегрального процесса образования, охватывающего знакомство, общекультурный уровень и овладение обязательными профессиональными навыками.

Следующий аспект проведенного авторами опроса касался дисциплин, которые в той или иной степени должны присутствовать в профессиональной подготовке будущих журналистов. Респонденты преимущественно высказались в пользу необходимости получения знаний в области «универсальной» (82,9%) и маркетинговой (41,0%) журналистики. Большое значение имеют дисциплины «Журналистика данных» – 51% и «Журналистика как пропаганда» – 35,6% [11].

В нашей стране проблема профессиональных компетенций, стоящая перед вузами, была решена в образовательных стандартах ФГОС ВПО 3++, переход к которым был осуществлен в 2019 г. Новация образовательных стандартов заключается в том, что теперь профессиональные компетенции определяются двумя способами: на основании анализа требований к ним работодателей и на основании профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников [8, с. 45]. Иными словами, профессиональные стандарты определяют профессиональные компетенции и, соответственно, требования к уровню образования обучающегося, а образовательные программы, разработанные вузами на основе профессиональных стандартов, должны сформировать профессиональную компетентность не как совокупность компетенций, а как способность использовать полученные знания, умения и навыки в профессиональной деятельности.

С целью определения востребованных работодателями Бурятии профессиональных компетенций телевизионного журналиста в основу нашего исследования были положены профессиональные стандарты, относящиеся к телевизионным средствам массовой информации: корреспондент СМИ [12], ведущий телевизионных программ [13], редактор СМИ [14].

Профессиональные компетенции тележурналистов в оценке работодателей Республики Бурятия: результаты экспертного опроса

Исследование требований работодателей к профессиональным компетенциям тележурналиста было проведено сотрудниками кафедры медиакоммуникаций Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления в 2021 г.

Цель исследования – определить ключевые профессиональные компетенции тележурналистов в представлениях работодателей Республики Бурятия. Метод исследования – экспертный опрос, который подразумевает компетентное участие специалистов в анализе и решении рассматриваемой проблемы. В качестве экспертов выступили главные редакторы ведущих телевизионных СМИ Республики Бурятия.

Критериями для отбора экспертного сообщества послужили:

- выполнение экспертом профессиональной журналистской деятельности в сфере телевизионных медиа;
- занимаемая экспертом должность главного редактора или заместителя главного редактора на региональном телеканале;
- уровень и профиль образования (отбирались эксперты с профильным журналистским либо филологическим образованием);
- стаж работы эксперта на телевидении не менее 5 лет.

На основе вышеперечисленных критериев в качестве экспертов выступили следующие главные редакторы/заместители главных редакторов телеканалов Республики Бурятия:

(А) Эрмиль Ирина Андреевна – шеф-редактор информационно-новостной программы «Восточный экспресс» на телеканале «Ариг Ус»;

(Б) Хлыстова Надежда Андреевна – главный редактор телеканала «Тивиком»;

(В) Тучков Сергей Михайлович – главный редактор телеканала «Альтернативное телевидение Бурятии» (АТВ);

(Г) Кошлюнов Илья Васильевич – зам. директора, начальник СИП ТВ «ГТРК Бурятия», а также шеф-редактор службы информационных телепрограмм;

(Д) Цыдыпова-Ламуева Эржэна Викторовна – главный редактор телеканала «Мир-Бурятия»;

(Е) Сандакдоржиева Соелма Хэшэтуевна – главный редактор телеканала «Селенга ТВ».

На основе анализа профессиональных стандартов нами был определен список профессиональных компетенций тележурналиста, положенный в основу методики исследования.

Респондентам было предложено оценить по 5-тибалльной шкале значимость профессиональных компетенций корреспондента, ведущего и редактора телевизионных СМИ исследуемого региона. На основе полученных ответов был составлен рейтинг профессиональных компетенций телевизионного журналиста.

В табл. 1 представлены результаты опроса экспертов о значимости профессиональных компетенций редактора телевизионных СМИ Республики Бурятия.

Анализ полученных данных демонстрирует максимальное количество (12 из 27) необходимых, высоковостребованных редактору СМИ

Таблица 1

Рейтинг профессиональных компетенций редактора телевизионных СМИ Республики Бурятия

№	Профессиональные компетенции	(А)	(Б)	(В)	(Г)	(Д)	(Е)	Ср. балл	Рейтинг
1	Определять круг проблем, которые необходимо осветить в свежем выпуске передачи, расставлять смысловые акценты	5	5	5	5	5	5	5,0	1
2	Формулировать задания корреспондентам по самостоятельному выбору тем и поиску информации для публикаций, а также по подготовке материалов в соответствии с заранее разработанной темой	5	5	4	3	5	5	4,6	3
3	Давать рекомендации по составлению сценариев сюжетов, разрабатываемых тележурналистами, редактировать сценарии	5	5	5	5	5	5	3,0	1
4	Собирать и оценивать необходимую информацию для подготовки материала	4	4	5	4	5	4	4,3	5
5	Анализировать содержание полученной информации, целесообразность и способы ее внедрения в проект	5	4	5	4	5	5	4,6	3
6	Создавать материалы (писать статьи, сценарии, вести колонки)	3	5	5	5	4	5	4,5	4
7	Работать в телеэфире (в том числе ведение собственной программы)	4	3	5	5	4	4	4,1	6
8	Оценивать степень компетентности авторов, качества предоставленных материалов, их соответствия требованиям и формату данного СМИ, целесообразности их публикации	5	5	5	5	5	5	5,0	1
9	Проверять актуальность и достоверность информации, предоставленной авторами	5	5	5	5	5	5	5,0	1
10	Принимать решения о публикации, отклонении материалов или о возможности размещения в последующих выпусках СМИ, в том числе собственных	5	5	5	5	5	5	5,0	1
11	Знакомиться с материалами, анализировать структуру и содержание материалов, выявлять ошибки и недочеты, которые необходимо исправить	5	5	5	5	5	5	5,0	1
12	Выбирать метод редактирования материалов для наиболее полного раскрытия авторского замысла, принимать решения о добавлении в материал дополнительной информации (текста, иллюстраций)	5	4	5	5	5	5	4,8	2
13	Приводить материалы в соответствие с требованиями СМИ	5	4	5	5	5	5	4,8	2
14	Работать над контекстом, орфографией и стилем текста	5	5	5	5	5	5	5,0	1
15	Работать с фото-, видео-, аудиоинформацией	3	5	5	4	5	4	4,3	5
16	Анализировать проект, предлагаемый автором; выявлять слабые и сильные стороны, соответствие проекта информационной политике СМИ	5	5	5	5	5	5	5,0	1
17	Принимать решения о включении проекта или его отклонении после согласования с главным редактором	4	5	5	5	5	5	4,8	2
18	Изучать отечественный и зарубежный опыт реализации аналогичных (сходных) медиапроектов	4	4	5	4	5	4	4,3	6
19	Проводить совещания и координировать действия работников	5	5	5	5	5	5	5,0	1

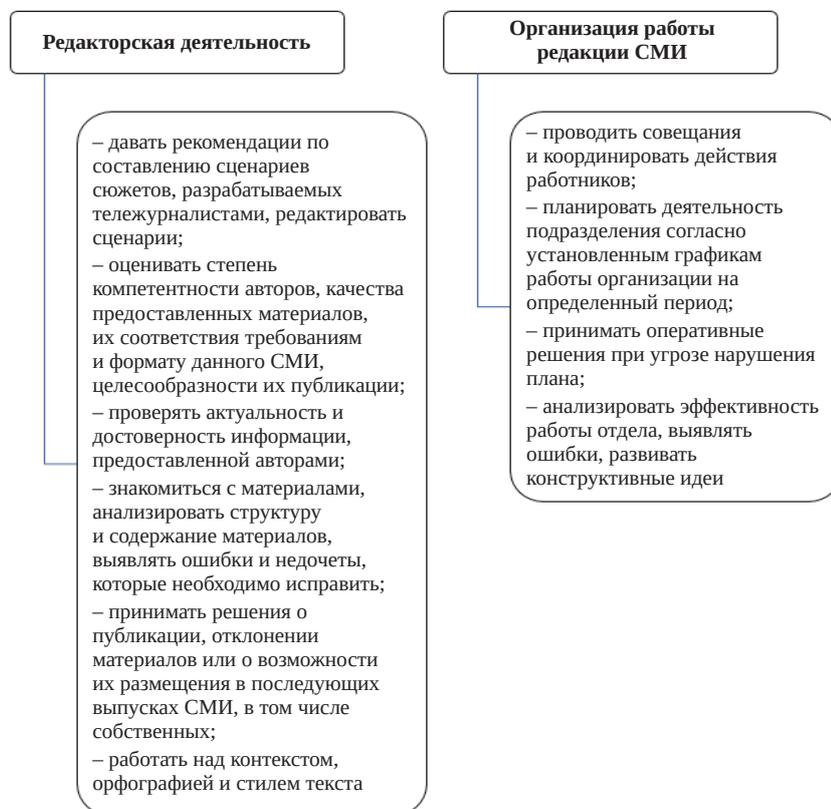

Окончание табл. 1

№	Профессиональные компетенции	(А)	(Б)	(В)	(Г)	(Д)	(Е)	Ср. балл	Рейтинг
20	Планировать деятельность подразделения согласно установленным графикам работы организации на определенный период	5	5	5	5	5	5	5,0	1
21	Принимать оперативные решения при угрозе нарушения плана	5	5	5	5	5	5	5,0	1
22	Вносить предложения руководителю по реализации кадровой политики в подразделении	4	4	3	5	5	4	4,1	6
23	Уведомлять руководителя о необходимости применения дисциплинарных взысканий в отношении конкретных сотрудников, нарушающих устав организации и другие внутренние нормативные акты	4	5	5	5	5	5	4,8	2
24	Анализировать эффективность работы отдела, выявлять ошибки, развивать конструктивные идеи	5	5	5	5	5	5	5,0	1
25	Организовать обратную связь с аудиторией (прием редакционной почты, ответы на письма, звонки, комментарии на сайте СМИ и страницах в социальных сетях)	3	5	5	3	5	4	3,6	7
26	Использовать результаты обработки данных, полученных от аудитории, в целях развития проекта (СМИ)	4	4	5	4	4	4	4,1	5
27	Подготовка договоров с внештатными сотрудниками и авторами	2	2	1	5	5	3	3,0	8

компетенций. Такое количество высокооцененных компетенций, безусловно, связано с деятельностью редактора, его широким функционалом, включенностью во все производственные процессы в редакции СМИ, высокой степенью ответственности.

При этом более половины из выбранных компетенций с отметкой 5 баллов (рейтинг 1) имеют непосредственное отношение к редакторской деятельности, а четыре компетенции – к организационно-управленческой (рисунок):

Компетенции редактора телевизионных СМИ Республики Бурятия с рейтингом 1

Обращает на себя внимание тот факт, что низкий рейтинг получили компетенции, связанные с маркетинговой деятельностью СМИ. К их числу относятся: организация обратной связи с аудиторией (7-я позиция в рейтинге) и применение полученных от аудитории обработанных данных для дальнейшего развития

проектной деятельности СМИ (5-я позиция).

В конце рейтинга оказались профессиональные компетенции, отмеченные в табл. 1 под порядковыми номерами: 7, 18, 22, 25, 27.

В табл. 2 представлены результаты опроса экспертов о значимости профессиональных компетенций ведущего телевизионных СМИ.

Таблица 2

Рейтинг профессиональных компетенций ведущего телевизионных СМИ Республики Бурятия

№	Профессиональные компетенции	(А)	(Б)	(В)	(Г)	(Д)	(Е)	Ср. балл	Рейтинг
1	Готовиться к ток-шоу, круглым столам или теледебатам, выпускам новостей	5	5	5	5	5	5	5.0	1
2	Исследовать темы программы и формулировать рекомендации для сценариста	4	4	5	5	5	4	4.5	3
3	Искать, подбирать будущих участников программы, выстраивать контакты с ними	3	5	4	3	4	4	3.8	6
4	Работать на выездной съемке	4	4	3	4	4	4	3.8	6
5	Проводить репетиции, записи программ	4	3	5	4	4	3	3.8	6
6	Редактировать информацию, поступающую от ньюсмейкеров и корреспондентов, в том числе обеспечивать правильность приводимых цитат, имен, цифр и других фактических данных	4	5	5	4	5	4	4.5	3
7	Выполнять функции корреспондента средства массовой информации, в том числе выезд в командировки по заданию редакции	3	4	5	5	4	5	4.3	4
8	Проводить программы-интервью в прямом эфире или под запись	5	4	5	5	5	5	4.8	2
9	Подавать информацию в соответствии с форматом канала и амплуа ведущего	5	4	5	5	5	5	4.8	2
10	Контролировать внешний вид согласно требованиям телеканала	5	5	5	5	5	5	5.0	1
11	Соблюдать редакторскую политику канала	5	5	5	5	5	5	5.0	1
12	Вести телепрограмму согласно сценарию	3	3	4	4	4	4	4.3	4
13	Информировать телезрителей о теме передачи	5	3	5	5	5	4	4.5	3
14	Контролировать хронометраж программы, предусмотренный эфирной сеткой	3	5	4	5	5	5	4.5	3
15	Придерживаться установленного графика для съемок программ в студии	5	4	5	5	5	5	4.8	2
16	Готовить материалы для эфира во взаимодействии с остальными членами съемочной группы	4	4	5	5	4	4	4.3	4
17	Отрабатывать необходимые профессиональные приемы для повышения качества работы	5	5	5	4	4	5	4.8	2
18	Вносить необходимые коррективы в верстку программы и другую необходимую документацию, согласовывать с продюсером, редактором и коллегами программы/канала	5	5	5	5	5	5	5,0	1
19	Проверять достоверность полученной информации	4	5	5	5	5	5	4.8	2
20	Формировать материалы по заданию редакции с высказыванием собственного мнения по рассматриваемому вопросу	4	3	5	5	4	4	4.1	5
21	Предлагать оригинальные темы для выпусков телепрограмм	5	4	5	5	4	4	4.5	3
22	Информировать ответственного выпускающего обо всех значимых сообщениях информационных агентств и других СМИ	4	4	5	1	3	4	3.5	7

Как следует из данных табл. 2, для оценки был предложен набор из 22 компетенций. Наиболее востребованными для ведущего телевизионных программ Республики Бурятия являются профессиональные компетенции, направленные на подготовку к телепрограммам и телепередачам, включая внешний вид ведущего в соответствии с требованиями канала, соблюдение редакторской политики, а также согласование с коллегами внесенных коррективов в верстку программы или другие документы.

Также к числу значимых относятся профессиональные компетенции, связанные с верификацией полученной информации, проведением телепрограмм и телепередач в прямом эфире или под запись, поддержанием формата телеканала и

собственного амплуа в процессе подачи информации, соблюдением рабочего графика съемок, оттачиванием профессионального мастерства с целью повышения качества работы.

В конце рейтинга оказались компетенции, занявшие 6-ю и 7-ю позиции, а именно: поиск и подбор участников будущих программ, включая выстраивание с ними коммуникаций/контактов; информирование ответственного за выпуск телепрограмм и телепередач обо всех важных сообщениях других СМИ и информагентств; работа на вестудийных съемках; проведение репетиции и пробных записей программ.

В табл. 3 представлены результаты опроса экспертов о значимости профессиональных компетенций корреспондента телевизионных СМИ.

Таблица 3

Рейтинг профессиональных компетенций корреспондента телевизионных СМИ Республики Бурятия

№	Профессиональные компетенции	(А)	(Б)	(В)	(Г)	(Д)	(Е)	Ср. балл	Рейтинг
1	Самостоятельно осуществлять поиск событий, явлений, фактов как основы материала	5	5	5	5	5	5	5.0	1
2	Согласовывать темы будущего материала с редакцией	2	4	5	5	5	4	4.2	6
3	Получать задания и собирать информацию по специализации, определяемой редакцией	5	4	5	5	5	5	4.8	2
4	Изучать специфику и особенности освещаемой темы	5	4	5	5	5	4	4.6	3
5	Определять основную сюжетную линию будущего материала	4	3	3	5	5	3	3.8	8
6	Составлять график работы для соблюдения сроков задания	3	4	3	1	4	3	3,0	10
7	Высказывать предложения для разработки текущих и перспективных планов редакции	4	2	5	3	4	4	3,0	10
8	Формировать контакты, необходимые для создания материала (по заданию редакции или собственной инициативе)	5	3	5	5	4	4	4.3	5
9	Готовить вопросы для интервью	5	3	5	5	5	5	4.6	3
10	Проводить интервью, опросы	5	4	5	5	5	5	4.8	2
11	Выезжать на место для освещения событий на определенной редакции территории	5	4	5	5	5	5	4.8	2
12	Вести фото-, видео-, аудиодокументирование освещаемого события	4	4	4	1	4	4	3.5	9
13	Освещать события в телепрограммах, транслируемых в прямом эфире	4	4	5	5	4	4	4.3	5
14	Организовывать работу съемочной группы	5	4	3	5	4	4	4.1	7
15	Осуществлять поиск и анализ дополнительных источников информации для проверки достоверности полученных данных	5	5	5		5	5	5.0	1
16	Обрабатывать материалы (обеспечивать правильность приводимых цитат, имен, цифр и других фактических данных)	5	5	5	4	5	5	4.8	2
17	Подготавливать обработанные материалы в формате публикации для соцсетей	3	5	5	1	5	4	3.8	8
18	Готовить материал определенного жанра и тематики (очерки, статьи, аудио/видеосюжеты) для телевидения	5	4	5	3	5	4	4.3	5
19	Разрабатывать предложения для монтажа видео-, аудиоматериалов при формировании видеоматериала	5	4	5		5	5	4.8	2
20	Представлять материал ответственному (выпускающему) редактору для эфира	4	4	5	5	5	4	4.5	4

Из данных табл. 3 видно, что для оценки был предложен набор из 20 компетенций корреспондента телевизионных СМИ. Только две из них получили максимальное количество баллов – это самостоятельный поиск информации как основы будущего материала и сбор и анализ дополнительных источников с целью верификации полученных данных.

В число не менее востребованных эксперты включают компетенции, связанные с поручениями редакции и поиском информации по определяемой ею специализации, обработкой материалов, внесением предложений по монтажу в процессе подготовки медиапродукта, навыками интервьюирования, а также выездом на место событий и их освещение.

Минимальные рейтинговые значения наблюдаются по следующим компетенциям: ведение фото-, видео-, аудиодокументирования освещаемого события (9-я позиция в рейтинге); определение основной сюжетной линии будущего материала (8-я позиция); подготовка обработанного материала в формате публикации для соцсетей (8-я позиция в рейтинге).

В самом конце рейтинга оказались компетенции, связанные с организацией работы редакции СМИ (10-я позиция), – составление графика работы для соблюдения сроков задания и высказывание предложений для разработки текущих и перспективных планов редакции.

Необходимо отметить, что в целом многие компетенции, связанные с организацией работы редакции СМИ, не набрали максимальных показателей, что обусловлено функциональной обязанностью руководящего состава редакции средства массовой информации.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что взаимосвязь рынка труда и высшей школы сегодня обусловлена не только необходимостью подготовки вузом специалиста «по заказу работодателя под конкретное рабочее место». Вуз и сообщества работодателей становятся равноправными участниками процесса выработки единых стандартов профессионализма в той или иной отрасли. Подобное взаимодействие, как показывает анализ литературы и других источников, только начинает складываться: рынок труда по-прежнему остается лишь объектом исследования, мало откликаясь на призыв более активного участия не только в производстве специалистов, но и внятном формулировании квалифицированных требований, на основе которых вузы смогли бы сформировать профессиональные компетенции как результат обучения.

На современном рынке труда в медиаотрасли прослеживается явная тенденция большего спроса на так называемые *soft skills* – быть надежным

работником, уметь работать в команде, а также в условиях нехватки времени, адаптироваться под возникшие незапланированные обстоятельства и т.п. Если говорить о *hard skills*, или измеряемых профессиональных навыках, работодатель в сфере медиа называет предпочтительными традиционные профессиональные компетенции журналиста: уметь самостоятельно искать информацию, работать с большими массивами данных, пользоваться проверенными сведениями и т.д.

Как показали результаты эмпирического исследования кафедры медиакоммуникаций, региональные особенности в оценке значимости профессиональных компетенций тележурналиста заключаются в следующем:

– на уровне редакторов телевизионных СМИ ключевыми признаются компетенции, необходимые в редакторской и организационно-управленческой деятельности. К сожалению, «недооценены» остаются компетенции в маркетинговой деятельности, связанной с продвижением СМИ в определенных сегментах аудитории;

– на уровне телевизионного ведущего, помимо компетенций, связанных непосредственно с подготовкой к программе и соответствием требованиям к внешнему виду, основными являются компетенции, ориентированные на соблюдение редакторской политики телеканала и согласование действий ведущего с коллегами;

– на уровне корреспондентов СМИ самыми значимыми называются «поисковые» компетенции журналиста – осуществлять поиск событий, явлений, фактов как основы материала; поиск и анализ дополнительных источников информации для проверки достоверности полученных данных. При этом низкие значения получили компетенции, связанные с самостоятельной авторской деятельностью корреспондентов.

Список литературы

1. Телевидение в России в 2019 году. Состояние, тенденции и перспективы развития : отраслевой доклад / под общ. ред. Е. Л. Вартановой, В. П. Коломийца. М. : Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2020. 104 с.
2. Кузьмин А. В., Харамханова Е. В. Проблемы разработки основной профессиональной образовательной программы по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика» в соответствии с образовательными стандартами ФГОС 3++ // Формирование компетенций выпускников вуза : соответствие образовательным и профессиональным стандартам : сб. ст. Междунар. науч.-метод. конференции, посвященной памяти В. Н. Тришиной / отв. ред. В. Н. Батулин. Вып. 26. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2019. С. 44–51.
3. Кузьмин А. В., Харамханова Е. В. Региональные проекты как инструмент продвижения образовательной

- программы (на примере Республики Бурятия) // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 21. С. 130–146.
4. *Владимирова Т. Н.* Дидактическая концепция профессиональной подготовки журналистов в высшей школе России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2015. 40 с.
 5. *Хуторский А. В.* Компетенции в образовании : опыт проектирования. М. : Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. 327 с.
 6. *Осипова Е. В.* Разработка модели компетенций журналиста // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. URL: <http://vsoa.esrae.ru/pdf/2014/12/805.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).
 7. Анализ профессии «Журналист» на российском рынке труда. URL: <https://ruj.ru/news/analiz-professii-zhurnalist-na-rossiiskom-rynke-truda-10337> (дата обращения: 22.11.2021).
 8. *Вартанова Е. Л.* Компетенции журналиста : классика и инновации. URL: <http://myshared.ru> (дата обращения: 01.06.2021).
 9. *Дрок Н.* Смена профессиональных компетенций в журналистском образовании // Медиаскоп. 2011. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/859> (дата обращения: 14.07.2021).
 10. *Дрок Н., Лукина М. М.* Профессиональные компетенции начинающих журналистов : какими их видят в будущем российские и европейские преподаватели // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 5. С. 3–24. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2019.324>
 11. *Шестеркина Л. П., Бевз А. А.* Новые границы профессиональной журналистики, или Чему учить студентов-журналистов // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2422> (дата обращения: 20.09.2021).
 12. Профессиональный стандарт «Корреспондент средств массовой информации». URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=58259 (дата обращения: 16.03.2021).
 13. Профессиональный стандарт «Ведущий телевизионной программы». URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=59354 (дата обращения: 16.03.2021).
 14. Профессиональный стандарт «Редактор средств массовой информации». URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=56464 (дата обращения: 16.03.2021).

Поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 10.02.2022

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 10.02.2022

ДАТА

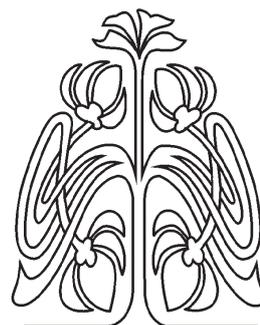
К 160-летию Петра Аркадьевича Столыпина

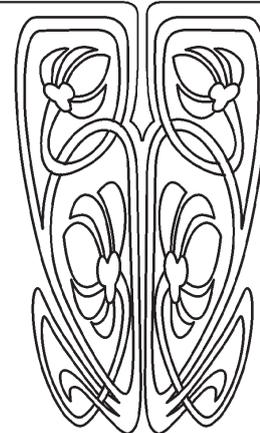
./.../ есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада ./.../.

П. А. Столыпин

Выступление в Государственной думе
Российской империи
16 ноября 1907 года

ПРИЛОЖЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 210–216

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 210–216

<https://bonjour.sgu.ru>

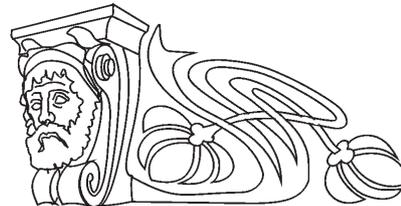
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-210-216>

Научная статья

УДК [070:94](470+571)|19|+929Столыпин+929

П. А. Столыпин в журнале «Русская Мысль»

А. А. Гапоненков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, gaponenkova@org.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Аннотация. «Русская Мысль» не являлась «кадетским ежемесячником» и позиционировала себя как журнал «национальной русской культуры». П. А. Столыпин осмыслился на его страницах не только как острополитическая и противоречивая фигура (П. Б. Струве, А. С. Изгоев, А. А. Кизеветтер, А. А. Кауфман и др.), но как реформатор и создатель нового *культурного* уклада жизни под лозунгом строительства Великой России. Имя Столыпина впервые появляется на страницах журнала в обзорах думских дискуссий в 1907 г. и в связи с анализом революционных волнений 1905 года. В «Письмах из Таврического дворца» (1907) историк А. А. Кизеветтер переходит в наступление на правительство, подмечая «конституционную маску на бюрократе» Столыпине. Это позиция кадетской фракции (глава П. Н. Миллюков) в Государственной думе, большинство которой не допускало мысли о совместной конструктивной работе с ним. Струве думал иначе и присутствовал на закрытой встрече с премьером в ночь на 3 июня 1907 г. Аграрную реформу Столыпина подробно освещал в «Русской Мысли» экономист Кауфман, предупреждавший, что главной причиной нерешенности земельного вопроса в России является *малоземелье* на фоне стремительно растущего населения. Струве после убийства премьера выпускает статью «Преступник и жертва» (1911), в которой несколько тезисов. Политическое лицо Столыпина определялось «рассудочным конституционализмом». Он был против восстановления абсолютной монархии. Но опираясь на дворянство и бюрократию империи, выходя на диалог с общественностью, Столыпин работал во имя национальной идеи. Ему приходилось отступать. Судьба Столыпина зависела от политической обстановки, в которую он был вовлечен и жертвой которой стал. Глубокий исторический и психологический портрет убиенного Столыпина, его двойственного облика, взаимоотношений с Николаем II, обретает заверченный вид в публикациях Струве из эмигрантской газеты «Возрождение» 1925–1926 гг.

Ключевые слова: П. А. Столыпин, журнал «Русская Мысль», П. Б. Струве, Великая Россия, аграрная реформа, конституционализм, национализм, монархия

Для цитирования: Гапоненков А. А. П. А. Столыпин в журнале «Русская Мысль» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 210–216. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-210-216>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

P. A. Stolypin in the journal *Russkaya Mysl'* (Russian Thought)

A. A. Gaponenkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey A. Gaponenkov, gaponenkova@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Abstract. The journal *Russkaya Mysl'* (Russian Thought) was not a “Cadet monthly” and positioned itself as a journal of the “national Russian culture”. P. A. Stolypin was comprehended on its pages not only as a sharply political and controversial figure (P. B. Struve, A. S. Izgoev, A. A. Kizevetter, A. A. Kaufman, etc.), but as a reformer and creator of a new *cultural* way of life under the battle-cry of building Great Russia. Stolypin's name first appears on the pages of the journal in reviews of Duma discussions in 1907 and in connection with the analysis of the revolutionary disturbance of 1905. In *Letters from the Taurida Palace* (1907), the historian A. A. Kizevetter launches the offensive against the government, noticing the “constitutional mask on the bureaucrat” Stolypin. It is the position of the Cadet faction (headed by P. N. Milyukov) in the State Duma, the majority of which did not allow the idea of joint constructive work with him. Struve thought differently and was present at a closed meeting with the Prime Minister on the night of June 3, 1907. Stolypin's agrarian reform was covered in detail by the economist Kaufman in *Russkaya mys'* (Russian Thought), who warned that the main reason for the unresolved land issue in Russia is the *lack of land* against the backdrop of a rapidly growing population. Struve, after the assassination of the Prime Minister, publishes the article *Criminal and Victim* (1911), in which there are several theses. The political face of Stolypin was determined by “rational constitutionalism.” He was against the restoration of absolute monarchy. But relying on the nobility and bureaucracy of the empire, entering into a dialogue with the public, Stolypin worked for the national idea. He had to retreat. Stolypin's fate depended on the political situation in which he was involved and the victim

of which he became. An insightful historical and psychological portrait of the assassinated Stolypin, his dual image, and his relationship with Nicholas II, takes on a finished form in Struve's publications from the émigré newspaper *Vozrozhdeniye* (Revival) in 1925–1926.

Keywords: P. A. Stolypin, the journal *Russkaya Mysl'* (Russian Thought), P. B. Struve, Great Russia, agrarian reform, constitutionalism, nationalism, monarchy

For citation: Gaponenkov A. A. P. A. Stolypin in the journal *Russkaya Mysl'* (Russian thought). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 210–216 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-210-216>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Деятельность П. А. Столыпина как министра внутренних дел и председателя Совета министров России подробно анализировалась в одном из лучших «толстых» журналов начала XX в. «Русской Мысли», который выходил с 1907 по 1918 г. под редакторством публициста и экономиста П. Б. Струве (в 1907–1910 гг. совместно с историком А. А. Кизеветтером). Это было «литературно-политическое издание», поэтому в его материалах, наряду с беллетристическими произведениями, стихотворениями, научными статьями и рецензиями по вопросам истории, философии, права, социологии, искусства, библиографии, отражался широкий спектр политической жизни России и Европы. Политический отдел этого журнала возглавлял публицист А. С. Изгоев, автор известной книги «П. А. Столыпин: очерк жизни и деятельности» (М.: Кн-во К. Ф. Некрасова, 1912), создававшейся на основе публикаций в «Русской Мысли». Столыпин упомянут, прямо или косвенно, в журнале не менее чем в 50 материалах [1, с. 363], а специально ему были посвящены статьи и заметки Струве, Изгоева, Кизеветтера, А. А. Кауфмана, Л. Шифа.

Струве и Изгоев принадлежали к правому крылу кадетской партии, были, наряду с Кизеветтером, членами ее ЦК. Однако «Русская Мысль» не являлась «кадетским ежемесячником» и позиционировала себя как журнал «национальной русской культуры» [1, с. 2]. Столыпин осмыслился на его страницах не только как острополитическая и противоречивая фигура, но и как реформатор и создатель нового культурного уклада жизни под лозунгом строительства Великой России.

Удивительным для многих современников было то, что для бывшего социал-демократа Струве Столыпин с 1908 г. стал вдохновителем концепции «Великой России», сформулированной редактором в одноименной статье [2]. Это был смелый национально-государственный манифест, выдвинутый после прекращения революционных беспорядков. Здесь Струве солидаризировался с известными словами Столыпина: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие по-

трясения, нам нужна Великая Россия» [3, с. 59]. Живые «культурные традиции»! На сохранении их особенно настаивал Струве.

Подзаголовок статьи «Из размышлений о проблеме русского могущества» раскрывал столыпинскую формулу более определенно: строительство новой государственности, имперское расширение, но опять же в границах влияния русской культуры (бассейн Черного моря), хозяйственные реформы, «новое политическое и культурное сознание русского человека» [2, с. 148]. В своем манифесте Струве поддержал крупномасштабные реформы Столыпина, направленные на расширение круга частного землевладения среди крестьян и сокращение общинных угодий. Это отвечало глубинным экономическим воззрениям Струве о частной собственности и свободе. Он считал, что частная собственность обеспечивает свободу лица, помогает удерживать государственный организм от радикальных перемен, изломов, революций. Общество собственников более ответственно, развивается устойчиво, без социальных катаклизмов. Поэтому, когда большевики ликвидировали институт частной собственности в России, для Струве это было сигналом прерывания естественного пути развития страны, борьбой с индивидуальной свободой и насаждением грубого административного произвола.

По сути, автор предлагал программу построения национальной империи (заметим, что проект Струве противоречит суждениям современных политологов, разграничивающих понятия «империя» и «национальное государство»). В русском народе находил он идею «государственности», вступая в полемику с теми, кто отрицал это, и приводя исторические факты. Сохранение и укрепление государства не означало всемерную поддержку правительства.

Имя Столыпина появляется на страницах журнала «Русская Мысль» в обзорах думских дискуссий в 1907 г. и в связи с анализом революционных волнений 1905 г. К. Сивков в статье «Крестьянские приговоры 1905 года» [4] упоминает деятельность саратовского губернатора Столыпина при подавлении крестьянских выступлений, его циркуляры. Губернатор был обеспокоен, что крестьяне собирались тайно в лесах, обсуждали свои нужды в присутствии посторонних лиц,

«записывали приговоры и постановления для отсылки их в высшие правительственные учреждения» [4, с. 27]. В Балашовском и Петровском уездах активно действовали Крестьянский союз и земства. Ими распространялись среди крестьян указ и рескрипт 18 февраля 1905 г. об учреждении Государственной думы, речь Николая II от 6 июня 1905 г., обращенная к земской депутации в ответ на выступление князя С. Н. Трубецкого.

Посторонние лица на крестьянских сходах не допускались губернатором из-за «нежелательных последствий» [4, с. 28] пропаганды, которая была распространена в Саратовской губернии. Отдельно велась партийная пропаганда в деревнях (социалисты-революционеры). Столыпин писал в циркуляре о том, что крестьяне обсуждают «дела совершенно незаконные – о нарушении права собственности землевладельцев, об изменении основных законов империи» [4, с. 27]. Он призвал «высказывать свои законные нужды открыто на установленных для того законом сходах» [4, с. 27]. Так автор статьи характеризует «отношение провинциальной администрации к попыткам крестьян высказать свое мнение по вопросам государственного благоустройства» [4, с. 27].

В Первой Государственной думе Столыпин впервые появился еще в ранге министра внутренних дел, наблюдая за переговорами с думскими лидерами председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Столыпин, как писал об этом А. С. Изгоев, «мог нащупать главный узел трагического конфликта русской жизни»: с одной стороны, для власти «начала Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года», в сущности, несовместимы с «твердой и деятельной исполнительной властью», которая выражает «крепость и внутреннюю силу государства» (И. Л. Горемыкин); с другой стороны, общество, настроенное против бюрократии, «вместо закономерной работы и сотрудничества властей, требует: исполнительная власть да покорится законодательной» [5, с. 129]. Этот «трагический конфликт» не утихал впоследствии и во многом определил путь России к катастрофе. Как же его пытался разрешить Столыпин?

Еще при Горемыкине Столыпин опирался на Совет объединенного дворянства, который, «через голову» премьера, являлся настоящим центром власти. Когда при поддержке дворянства Столыпин был назначен председателем Совета министров, сразу же после роспуска Первой Думы, он «завел переговоры с общественными деятелями, Н. Н. Львовым, Д. Н. Шиповым, графом Гейденем, князем Львовым» [6, с. 158]. У Думы было юридически закрепленное право давать согласие на изменения выборного закона и положения о самом законосовещательном органе. Избранная

новая, Вторая Государственная дума среди своих членов включала редакторов «Русской Мысли» – Струве (от Санкт-Петербурга) и Кизеветтера (от Москвы).

В «Письмах из Таврического дворца» Кизеветтер сравнивал думские дебаты «кабинета г. Столыпина» с предшественниками, что предполагались на министерской скамье в зале Думы: «Перед нами совершенно иная картина. <...> В противоположность кабинету г. Горемыкина кабинет г. Столыпина старается усваивать конституционные формы отношений к Государственной Думе. Он старается держать себя “совсем, как в Европе”. <...> Теперь почти каждое заседание вы можете видеть на министерских скамьях нескольких министров и очень часто самого председателя министерского совета. <...> Это ли не конституционная идиллия?» [7, с. 192]. Автор «Писем» совсем не в восторге от такого сотрудничества законодателей и правительства, он видит в этом лишь парламентский «обряд», не более. И несмотря на то что Столыпин принес в Думу «целый ворох» новых законопроектов, Кизеветтер, левый кадет, делает вывод о «призрачности конституционализма» премьера: «Смысл его политики сводится к тому, чтобы под покровом соблюдения конституционных обрядностей становиться на почву отрицания настоящих основ конституционного порядка» [7, с. 196]. В чём «отрицание»? А в том, что при всяком удобном случае Столыпин «спешит прикрыться именем Царя» [7, с. 194], ссылаясь на законы, проведенные по 87-й статье: «... г. Столыпин объясняет издание этих законов “невозможностью отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя”» [7, с. 195].

Кизеветтер переходит в наступление на правительство и прибегает к силе своего красноречия, как будто он по инерции продолжает свою предвыборную кампанию в Москве: «Европейский костюм на дикаре лишь резче оттеняет некультурность первобытного сына природы. Конституционная маска на бюрократе лишь нагляднее подчеркивает истинную сущность привычных слуг произвола» [7, с. 199]. Автор допускает уничтожающий прием полемики: «И уже до полного извращения этих начал (конституционализма. – А. Г.) доходит претензия председателя совета министров играть по отношению к Думе роль какого-то обер-прокурора, истолковывающего её права и обязанности» [7, с. 197]. Столыпин в роли К. П. Победоносцева? Нетрудно заметить, что Кизеветтер выражает не только свою точку зрения, это позиция кадетской фракции (глава П. Н. Миллюков) в Государственной думе, большинство которой не допускало мысли о совместной работе с премьером. Струве думал иначе.

После 1906 г. он пошел на сотрудничество с властью ради сохранения идеала Великой России. А. В. Тыркова-Вильямс запомнила состоявшиеся во время Второй Думы (в ночь на 3 июня 1907 г.) встречи Струве и его ближайших думских единомышленников (С. Н. Булгаков, В. А. Маклаков, М. В. Челноков – все правые кадеты) со Столыпиным: «... свои переговоры с кадетами премьер держал в тайне. А кадеты эти же переговоры держали в тайне от своей партии. <...> Лидер партии Милюков был против какого-то ни было сговора с правительством. <...> А они шли на переговоры с премьером в надежде, что и в этой Думе может образоваться какое-то разумное большинство, которое перестанет митинговать и займется законодательством. Из этих тайных встреч ничего не вышло... Вторая Дума, как и Первая, сама себя не хотела беречь. Прения принимали все более воинственный характер. Революционный террор продолжался» [8, с. 329]. П. Н. Милюков, прознав про «чашки чая» у Столыпина, все дальше отодвигал Струве от партийных дел, а с ним и все правое, национальное течение внутри партии. Компромисса со Столыпиным так и не удалось достичь. Дума была распущена 3 июня 1907 г., правительство одержало победу. Но по роковому стечению обстоятельств Струве предвидел, что Столыпин, обуздав «улицу», проведя важные законы, падет от «закулисной интриги» [9, с. 132].

Как журнал оценивал аграрную реформу Столыпина? Её подробно освещал А. А. Кауфман, экономист, статистик, специалист по вопросам землепользования, крестьянской общины, переселения, «земельного утеснения». Он был автором магистерской диссертации «Переселение и колонизация» (1908), за которую ему была присвоена докторская степень по политической экономии. Кауфман выступал против конфискации помещичьей земли, справедливо полагая, что она не решит земельного вопроса в России. Возможен только выкуп этой земли. Его ключевая статья в «Русской Мысли» называлась «Указ 9 ноября 1906 года» [10]. Речь в ней шла об указе «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», краеугольным в аграрной реформе Столыпина, которая законодательно была утверждена в полном объеме лишь к 1911 г.

Реформа предполагала «переход подворных владельцев к отрубному владению», причем допускала это не по единогласию, а «по приговору, постановленному двумя третями голосов» [10, с. 159] сельского схода. Критика этого документа развернулась из разных политических лагерей, в полемике приняли участие Н. Н. Кутлер, кн. Е. Н. Трубецкой, П. П. Маслов, С. Н. Прокопо-

вич и др. Многие ссылались на «принудительное уничтожение *общинного землевладения*» [10, с. 162], разрушение крестьянского уклада. Сетовали, что Столыпин распространил свой бывший опыт гродненского губернатора на всю Россию, однако эту реформу правительственные круги продумывали давно, еще в самом начале века, и не стоит преувеличивать значение только личной инициативы премьера. Припоминали Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности С. Ю. Витте, предварительную работу А. С. Стишинского. Кауфман обратил внимание, что принятый указ создает «чрезполосность земель общинного владения с полосами выделенной из этого владения частной собственности» [10, с.168]. Это действительно имело место. Десятки длинных и узких полос были разбросаны по землям общинного владения, и после выдела в частную собственность они еще более запутывали земельное устройство своей хаотичностью и находились «под угрозой всеобщей передвижки» [10, с.169].

Указ 9 ноября 1906 г. усиливал социальные противоречия в деревне. Новые собственники земельных наделов становились врагами общины. Их участки вклинивались в общинные земли. На это все накладывалась проблема сроков выхода из общины, необходимо было дожидаться специальной даты передела земли, установленной общиной. Кауфман предупреждал о «резкой несправедливости этого указа» [10, с. 172], как специалист, понимая, что главной причиной нерешенности земельного вопроса в России является *малоземелье* на фоне стремительно растущего населения европейской части страны. Причем эту проблему не решала и ликвидация помещичьего землевладения. Столыпина же обвиняли в защите интересов дворянства, а он смотрел на свою задачу гораздо масштабнее узких сословных интересов и с верой в Великую Россию.

Как же оценивал Струве аграрную реформу Столыпина спустя годы, в эмиграции, когда можно было сопоставить ее с проводимой земельной политикой большевиков-коммунистов? Сбылись ли предсказания автора «Русской Мысли» – Кауфмана? Обратимся к публицистическим статьям Струве в рубрике «Дневник политика» в газете «Возрождение» 1925–1926 гг. Он приходит к выводу на основе прочтения трудов авторов из советской России (М. Я. Феноменов, И. А. Кириллов, Н. П. Рудин) и русского зарубежья (Б. Д. Бруцкус, П. Н. Милюков), что «классовая борьба в деревне вовсе не вызвана и даже не обострена Столыпинской аграрной реформой» [11, с. 187]. В России была осуществлена в 1917 г. аграрная революция фактически на базе эсеровской программы,

с разжиганием классовой борьбы в деревне. И вместе с тем революционный слом старого порядка не разрешил земельного вопроса, «не устранил коренного зла русской сельскохозяйственной действительности, низкой производительности труда и технической отсталости производства» [11, с. 187]. Индустриально возрасставшие русские города требовали большего потребления сельскохозяйственной продукции.

Струве обращался к проблеме «перенаселения значительной части России» в своей знаменитой книге «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894), о которой писали многие марксисты и народники, включая В. И. Ленина. Только развитие капиталистических отношений, новых возможностей производства, частной собственности и выход за пределы натурального хозяйства, целый комплекс мероприятий могли решить эту проблему. Отсюда «огромный смысл, все подлинное значение Столыпинской аграрной реформы выступает с прямо-таки потрясающей ясностью» [11, с. 188].

Революция, «черный передел» не принесли земельного простора для крестьянина и хозяйственного благополучия. В годы нэпа стала укрепляться частная земельная собственность. Деревня опять пошла по пути, проложенному Столыпином. Как считал левый экономист-агроном Б. Д. Бруцкус, «П. А. Столыпин бросил в толпу крестьянства идею внутринадельного землеустройства. Успех этой идеи был в русской деревне совершенно исключительный. Она пережила и своего автора, и аграрную революцию, и именно после нее торжествует свою победу на равнинах России» [12, с.190]. И так было до коллективизации, процесс которой означал возвращение к достолыпинскому укладу, названному Струве «подъяремным». Советских крестьян превратили в государственных «тяглецов», отработывавших на поле «трудодни».

Величие Столыпина особенно осознали после его гибели. «Русская Мысль» посвятила этому трагическому событию не одну публикацию. Важнейшую написал Струве: «Преступление и жертва» [13]. Эта статья связана с текущим политическим моментом, но даёт понять читателю, какую выдающуюся личность потеряла будущая Россия.

Столыпин, по словам Струве, не являлся отвлеченным знаком сложившейся политической системы, это была «живая индивидуальность» [13, с. 135]: «Сколько людей видело его своими глазами в Государственной Думе, не говоря уже о том, что ни об одном министре в России не писали так много и так свободно...» [13, с. 137]. Его убил преступник, который действовал «случайно»

как «революционер» и «не случайно» как агент охраны, вошедший в доверие к чинам полиции, пропустивших его к месту убийства. Струве по аналогии с Богровым припоминает, что, когда Столыпин защищал Е. Азефа, в этом «чувствовалось что-то трагическое и роковое» [13, с. 137].

Редактор «Русской Мысли» представляет трагедию политической судьбы Столыпина. И видит один акт, который позволяет жертве посмертно «восторжествовать над коварной судьбой» [13, с. 138]. Это все та же аграрная реформа Столыпина, «огромный сдвиг в русской жизни», «поистине революционный» [13, с. 137], сравнимый с освобождением крестьян и строительством железных дорог в России.

Политическое лицо Столыпина определялось «рассудочным конституционализмом». Он был против восстановления абсолютной монархии. Струве вспоминает свою встречу с председателем Совета министров: «*“О восстановлении абсолютизма не может быть и речи”*», – сказал Столыпин пишущему эти строки в одной из тех бесед, которые нам приходилось вести в кратковременную эпоху 2-й Думы, и было ясно, что он сознавал и рассчитывал весь смысл этих слов в устах главы правительства» [13, с. 140]. Это могла быть встреча в ночь на 3 июня 1907 г.

Не только конституционную позицию занимал Столыпин. Опираясь на дворянство и бюрократию империи и выходя на диалог с общественностью, он работал во имя национальной идеи, национализма: «Столыпин был живым воплощением исторически неизбежного и в то же время непрочного объединения – во имя “национальной идеи” – одряхлевшего абсолютизма и каких-то еще не оформившихся новых сил, которые он сам – хотел он этого или не хотел – призывал к жизни» [13, с. 141]. Но ему приходилось отступать. «Старая и новая Россия однако не соединились в нем гармонически. Он не был из числа тех могущественных фигур, которые *примиряют* исторические стихии, становясь как бы над ними» [13, с. 143].

Судьба Столыпина зависела от политической обстановки, в которую он был вовлечен и жертвой которой стал. Премьер не смог осуществить *примирения и успокоения* в обществе. Струве глубоко проникает в психологический облик Столыпина: «Но и в личных свойствах его было не мало отрицательных черт, делавших для него непосильной задачей оздоровления государства средствами не только физическими, но и моральными. Это сказалось в его, на мой взгляд, чисто патологическом равнодушии или, если угодно, пристрастии к смертной казни. Тут было не только теоретическое убеждение и боевой азарт, тут было что-то органически-нездоровое,

загадочно болезненное и, в сущности, весьма далекое от настоящей реальной политики» [13, с. 143]. Противоречия в фигуре Столыпина на этом не кончаются.

Струве видит их «непримирёнными и непримиримыми» [13, с. 144]. Портрет убиенного Столыпина, жертвы своего двойственного облика и политической обстановки, обретает в статье завершённый вид: «Нельзя отрицать в нём большой, совершенно незаурядной силы духа и достойной удивления крепости и упругости воли. Но эта сила духа соединялась с какой-то поразительной, тоже чисто духовной слабостью и с каким-то гипнотическим состоянием воли, прямо противоположным крепкой её свободе» [13, с.144].

А. С. Изгоев, обзревая литературу о Столыпине в 1912 г., заметил: «...своей земельной реформой и своим “национализмом” он дал начало столь сложным процессам, предусмотреть развитие которых в настоящее время еще невозможно» [14, с. 2]. Эти процессы проявились во время и после мировой войны и русской революции, на них обратили внимание в эмиграции.

Столыпин оставался камнем преткновения для политических кругов русского зарубежья. Те противоречия в его оценке, которые были среди членов ЦК кадетской партии при жизни Столыпина (Струве, Маклаков, Изгоев, Милюков, Кизеветтер), никуда не ушли.

Струве пришел к убеждению, что в царствование Николая II Россия была на вершине своего могущества. И «русская власть беспечно верила в свою силу и крепость. А те элементы страны, которые, наоборот, не веря в крепость власти, ждали и желали революции, упорно-беспечно думали, что революция, низвергнув власть, очень скоро и легко создаст ей лучшую замену и укрепит страну. И власть, и государственные элементы, боровшиеся с ней, были донельзя беспечны. Эта беспечность погубила Россию» [15, с. 75].

Новую статью «П. А. Столыпин» в газете «Возрождение» (26 сентября 1926. № 481) Струве написал в дни поминания бывшего премьера [16]. Поменялась ли в этой публикации его характеристика, известная нам по «Русской Мысли» 1911 г.? Струве представил более объемный портрет Столыпина с упоминанием императора, о котором тогда он не мог говорить по условиям цензуры.

Тезисы Струве сводятся к следующему. Столыпин относился к Манифесту 17 октября как к документу, который не был ни «пустым обещанием» (так считали либералы и почти все радикалы), ни отречением исторической власти от себя самой (так думали реакционеры). «Столыпин политически смотрел не назад, а вперед, и то, что он в будущем прозирал, – Великая

Россия как правовое государство с сильной властью, творчески держащей и дерзновенно творящей, – является и теперь великим государственным замыслом русского возрождения» [16, с. 158]. Социальным фундаментом такого государства он выбрал *крепкое крестьянство*. Из государственного «тяглеца» крестьянин должен был стать устроенным на земле свободным гражданином. Раскрепощению крестьянства служила *земельная реформа*.

Но Столыпин боролся на два фронта: с либерально-радикальным общественным мнением и с реакционным недомыслием бюрократии (В. Ф. Трепов, П. Н. Дурново и др.). Это усугублялось еще тем обстоятельством, что за первым фронтом стояла народная «стихия революционного максимализма», которая вылилась в большевизм; а за вторым – «сам монарх», Николай II, которому Столыпин был бесконечно предан. «Рок и трагедия его состояли в том, что, отстаивая и укрепляя реформами монархию, – писал Струве, – Столыпин как борец и реформатор не имел в монархе той поддержки, в которой он нуждался. Сейчас об этом можно просто и прямо говорить как об историческом факте. <...> Во всяком случае, Столыпин, прежде чем погибнуть от пули революционера-охранника, едва ли не изнемог в борьбе с монархом, борьбе, тем более трудной и тяжелой для министра, что в его лице она выпала на долю не только убежденного, но и страстного монархиста» [16, с. 159]. Перед нами не холодная констатация политического аналитика, автор глубоко переживал эту ситуацию в предреволюционные годы.

Как видим, Струве, в отличие от своих текстов в «Русской Мысли», на чашу весов российской истории кладет основную коллизию эпохи – между Столыпиным и Николаем II, от которой прямо зависела судьба империи, реформ и самого премьера. «Политический урок» жизни и смерти Столыпина Струве увидел в том, что «государственная необходимость должна в интересах государства и самой монархии превозмогать и монаршую волю как эмпирическую единоличную волю» [16, с. 159].

Список литературы

1. Гапоненков А. А., Клеймёнова С. В., Попкова Н. А. Русская Мысль : Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания за 1907–1918 гг. / вступ. ст. А. А. Гапоненкова. М. : Русский путь, 2003. 400 с.
2. Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская Мысль. 1908. Кн. 1. Отд. 2. С. 143–157.
3. Столыпин П. А. Выступление в Государственной думе 10 мая 1907 г. в связи с думскими прениями по

- аграрному вопросу с изложением позиций правительства // Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М. : Изд-е Государственной Думы, 2012. С. 50–60.
4. *Сивков К.* Крестьянские приговоры 1905 года // Русская Мысль. 1907. Кн. 4. Отд. 2. С. 24–48.
 5. *Изгоев А. С.* П. А. Столыпин // Русская Мысль. 1907. Кн. 12. Отд. 2. С. 129–152.
 6. *Изгоев А. С.* Общественное движение в России (Заметки публициста) // Русская Мысль. 1907. Кн. 2. Отд. 2. С. 153–172.
 7. *Кизеветтер А.* Письма из Таврического дворца // Русская Мысль. 1907. Кн. 4. Отд. 2. С. 190–199.
 8. *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. М. : Московская школа политических исследований, 2007. 392 с.
 9. *Струве П. Б.* Patriotica : Политика, культура, религия, социализм / сост. В. Н. Жукова, А. П. Полякова. М. : Республика, 1997. 527 с.
 10. *Кауфман А.* Указ 9 ноября 1906 г. // Русская Мысль. 1908. Кн. 1. Отд. 2. С. 158–175.
 11. *Струве П.* По поводу сегодняшнего фельетона // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 187–188.
 12. *Струве П.* Человек, который ничему не научился // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 189–193.
 13. *Струве П.* Преступление и жертва // Русская Мысль. 1911. Кн. 10. Отд. 2. С. 135–144.
 14. *Изгоев А. С.* Литература о Столыпине // Русская Мысль. 1912. Кн. 2. В России и за границей. С. 1–4.
 15. *Струве П.* Александр I Благословенный и Николай II Замученный // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 73–75.
 16. *Струве П.* П. А. Столыпин // Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж : Русский путь – УМСА-Press, 2004. С. 157–159.

Поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 08.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

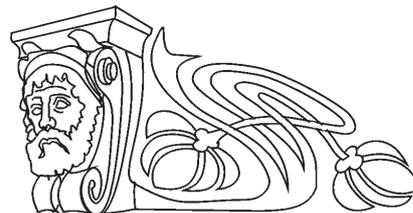
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 217–222

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 217–222

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-217-222>

Научная статья
УДК 808.51+929Столыпин

Риторическое мастерство П. А. Столыпина

А. Н. Байкулова ✉, Г. С. Куликова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Куликова Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, kulikova.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2609-4300>

Аннотация. В статье представлен риторический анализ опубликованных выступлений П. А. Столыпина, выдающегося государственного деятеля России начала XX в., в Государственной думе и Государственном совете в 1906–1911 гг. Анализ проявления наиболее значимых концептов «Россия», «власть», «закон», «право», «долг», «справедливость», к которым постоянно обращается оратор, позволил показать специфические черты его личности: патриотизм, вера в народ, одушевлённый православием, стремление к переменам, основанным на здравомыслии и точном расчёте, активность (частое употребление местоимения я со словами *должен, готов* и др.), решительность, твёрдость в решении государственных задач, в борьбе за отстаивание интересов России, как он их понимал, самокритичность, готовность нести ответственность за свои действия. Отмечены речевые факты, свидетельствующие о риторическом мастерстве П. А. Столыпина: забота об адресате, проявляющаяся в стремлении ясно, просто, в высшей степени аргументированно доносить мысль (стратегия предварительного разъяснения состояния дел), в диалогизации речей; уважение к оппонентам; чёткая структура выступлений, соединение в них разностилевых черт при особой роли высокого стиля; использование различных пластов и семантических полей лексических единиц, тропов, риторических приёмов (метафоры, эпитеты, повторы, ряды однородных членов, градация, риторические вопросы и обращения, прецедентные феномены и др.). Особое значение приобретает метафоричность речи: выявлены метафоры здания, болезни и выздоровления. Риторические элокутивные средства способствуют усилению воздействия на слушателей, их мотивации к принятию нужных решений. Наблюдается особое отношение П. А. Столыпина к слову, которое, с его точки зрения, должно быть правдивым, соответствовать делам, мыслям и чувствам.

Ключевые слова: русский язык, риторика, языковая личность, П. А. Столыпин

Для цитирования: Байкулова А. Н., Куликова Г. С. Риторическое мастерство П. А. Столыпина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 217–222. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-217-222>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

P. A. Stolypin's rhetorical skill

A. N. Baikulova ✉, G. S. Kulikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Galina S. Kulikova, kulikova.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2609-4300>

Abstract. The article presents a rhetorical analysis of published speeches of P. A. Stolypin, an outstanding statesman of Russia of the beginning of the 20th century, which were presented in the State Duma and the State Council in 1906–1911. An analysis of the manifestation of the most significant concepts of “Russia”, “power”, “law”, “right”, “duty”, “justice”, which the speaker constantly refers to, made it possible to show the specific features of his personality: patriotism, faith in people, inspiration by Orthodoxy, the desire for change based on sanity and precise calculation, activity (frequent use of the pronoun I with the words *must, ready*, etc.), decisiveness, firmness in solving state problems, in the struggle to defend the interests of Russia, as he understood them, self-criticism, willingness to take responsibility for his actions. Speech facts that testify to the rhetorical skill of P. A. Stolypin are noted: his concern for the addressee, manifested in the desire to clearly, simply, eminently argue the idea (the strategy of preliminary clarification of the state of affairs), in the dialoguization of speeches; respect for opponents; a clear structure of speeches, a combination of different styles in them with a special role of high style; the use of various layers and semantic fields of lexical units, tropes, rhetorical devices (metaphors, epithets, repetitions, series of homogeneous members, gradation, rhetorical questions and appeals, precedent phenomena, etc.). Of particular importance is the metaphorical nature of speech:

the metaphors of the building, illness and recovery are revealed. Rhetorical elocutionary means increase the impact on the listeners, their motivation to make the right decisions. P. A. Stolypin's special attitude to the word can be seen, which, from his point of view, should be truthful, correspond to actions, thoughts and feelings.

Keywords: Russian language, rhetoric, linguistic personality, P. A. Stolypin

For citation: Baikulova A. N., Kulikova G. S. P. A. Stolypin's rhetorical skill. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 217–222 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-217-222>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Языковая личность П. А. Столыпина – государственного деятеля начала XX в., реформатора, который видел свою цель в том, чтобы Россия была великой, – привлекает внимание многих современных исследователей, в том числе и лингвистов, о чём свидетельствуют кандидатские диссертации А. С. Яковлевой «Категория оценки в публичных политических речах П. А. Столыпина и Отто фон Бисмарка» [1], О. И. Шарафутдиновой «Речевые средства создания образа ратора в политическом дискурсе: динамический аспект» [2], отдельные статьи (см.: [3.] и др.).

О чём бы ни говорил П. А. Столыпин в своих выступлениях, образ родной страны становится для него центральным. Концепт Россия в речах Столыпина 1906–1911 гг. рассмотрен В. В. Макаровой [3]. Исследователь выделила и классифицировала микроконтексты со словоформами лексемы *Россия*. Результаты её наблюдений показали, что Россия предстаёт как персонифицированный активный или пассивный **субъект действия** (*Россия переживает, выйдет преуменьшенной, перенесла, была подведена* и др.); как **объект действия**, который подвергается опасности, угрозам и нуждается в защите, охране, спасении; как **обладатель чего-либо** (флота, вооружённых сил, пространств, истории, прошлого и будущего, традиций, чести, достоинства, державных прав и др.); как **местоположение** (*в России, в центре России* и др.).

В. В. Макарова обращает внимание на синонимы к слову *Россия* (*земля наша, Царь, родина* и др.), оценочную лексику (*крепкая, новая, обнищавшая, истощённая* и др.) и метафоры (метафора болезни и метафора здания), дополняющие образ страны: *выздоровливающую Россию подкрасить румянами, <...> в ваших руках успокоение России, которая, конечно, сумеет отличить <...> кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей* и др.). Однако автор считает, что исчерпывающего ответа на вопрос, какая Россия в картине мира Столыпина, пока не дано.

На наш взгляд, важно обратить внимание и на контекст, в котором употребляются слова *Россия, государство, отечество, держава, родная земля*.

Славу и могущество России П. А. Столыпин связывал с православием: «Государство же и в пределах новых положений не может отойти от

заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих **русский народ одушевляется именем Православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли**» (здесь и далее выделено нами. – *Авт.*) [4, с. 24–25]. Слово сочетания *заветы истории, одушевляется именем Православия* создают впечатление фундамента того здания, которое Столыпину хотелось видеть: «здание обновленной, свободной, свободной в лучшем смысле этого слова, свободной от нищеты, от невежества, от бесправия, преданной, как один человек, своему Государю России» [4, с. 98]. Лексемы *слава, могущество, свобода, преданность* (государю), а также идеи обновления и процветания отражают ценностные ориентиры П. А. Столыпина, его стремление не только видеть такой родную страну, но и готовность всё сделать для этого. Он убеждён в том, что «Россия не развалится <...> она обновится, улучшит свой уклад, пойдёт вперёд, но путём разложения не пойдёт <...>» [4, с. 54]. Антитезой звучат слова *нищета, невежество, бесправие*.

Мысли о будущем России в речах П. А. Столыпина неразрывно связаны с утверждением права. Сильное государство то, где правят закон и справедливость: «...отечество наше должно превратиться в государство правовое» [4, с. 23]. Столыпин ратовал за «твердые устои новоскладающейся государственной жизни России» [4, с. 23], возрождение армии и флота.

В речах политического деятеля звучит **идея сохранения России как государства, сбережения её народа**. Интересными представляются чёткие, выверенные определения понятий «власть», «правительство», «обязанности правительства»: «Власть не может считаться целью. Власть – это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; Правительство – аппарат власти, опирающийся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но [также] твердого исполнения своего долга и закона; обязанность правительства – святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ» [4, с. 14]. Существительные *охранение, спокойствие, по-*

рядок, закон, законность, долг, свобода, труд, жизнь, порядок, реформы способны убеждать и вселять уверенность в правоте оратора.

В речи 8 июня 1906 г. (о Щербаче) обращает на себя внимание регулярное употребление Столыпиным местоимения *я* с глаголами действия. Оратор использует категорический императив: *я должен, мне надлежит, я могу / должен ответить / показать, я приложил все усилия, я заявляю, я не отрицаю, я могу и хочу сделать, я не могу признать, я не скрывал, я нахожу* (считаю), *я (не) отрицаю*. В этом проявляются его личностные качества: он предстаёт перед собранием как человек, готовый принимать решения и нести ответственность за них.

Следует отметить и то, что говорил Столыпин **о языке власти**: «Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду» [5]; «Правительство должно избегать лишних слов, но есть слова, выражающие чувства, от которых в течение столетий усиленно бились сердца русских людей. Эти чувства, эти слова должны быть осуществлены в мыслях и отражаться в делах правителей. Слова эти: неуклонная приверженность к русским историческим началам <...>» [4, с. 70]. Пафос этих высказываний носит национально-специфичный характер: меньше слов – больше дела; добродетель, а не злоба и ненависть; ценность слова в том, что оно искренно и заставляет биться сердца, слова не должны быть пустыми, в них должна быть отражена мысль.

Риторические элокутивные средства, использованные в речах Петра Аркадьевича Столыпина, способствуют созданию стилистически высокой тональности многих принадлежащих ему текстов. К тропам, наиболее характерным для авторской манеры оратора, следует отнести метафоры, причем в основном связанные с темой России. Как было сказано ранее, В. В. Макарова выделяет наиболее характерные понятия, которые выступают в качестве основы столыпинских метафор: здание («здание обновленной России») и состояние здоровья, или, по словам В. В. Макаровой, медицинская метафора («выздоровливающая Россия»; «путь исцеления России») [3, с. 213].

Эти метафоры очень важны для авторского стиля Столыпина и присутствуют в ряде его речей. При этом медицинская метафора развивается и обогащается дополнительными смысловыми оттенками, которые передают потенциал возможностей «выздоровления», имеющихся у самого народа. Например, в речи в Государственной думе о сооружении Амурской железной дороги

от 31 марта 1908 г. говорится о «процессе самоизлечения». Излечение России в его речах всегда представлено как дело государственной и национальной ответственности: «Когда центр будет силен, будут сильны и окраины, но ведь лечить **израненную родину** нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на работу **зарубцевания всех нанесенных ей ран**, то наиболее отдаленные, **наиболее истерзанные части ее**, раньше чем окрепнет центр, могут, **как пораженные антоновым огнем, безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться**. И верно то, что сказал предыдущий оратор: мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. Мы ответим за то, что, занятые своими важными внутренними делами, занятые переустройством страны, мы, может быть, проглядели более важные мировые дела, мировые события, мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность, что мы утратили веру в русский народ, в его жизненные силы» [4, с. 78]. Обращает на себя внимание забота о будущих поколениях: мысль о том, что за все упущения придёт отвечать перед потомками. Градация: *пали духом, впали в бездействие, впали в какую-то старческую беспомощность, утратили веру в русский народ, в его жизненные силы* – свидетельствует о способности Столыпина критически оценивать происходящее. На вершине перечисления как самое большое зло – утрата веры в народ, к которому принадлежишь. Вместе с тем следует отметить, что пафос этих речей в соединении с идеей жертвенности, а значит, и осознанием сложности реализации поставленных задач носит оптимистический характер, исполненный уверенности в исцелении, выздоровлении, обновлении страны.

Для усиления речевого воздействия П. А. Столыпин прибегает к использованию цепочек однородных членов предложения: «...правительство, по мнению наших противников, шло по инерции, по рутинному пути, по наклонной плоскости <...>» [4, с. 72], при этом они играют заметную роль и в ритмической организации текста. Впрочем, однородные члены, их перечисление, часто выполняют в речах Петра Аркадьевича и другую функцию: они придают фактическую точность рассуждению, иллюстрируют мысль конкретными данными: «Вверх по реке Бурее мы находим у молокан не только зерновые хлеба, не только урожай зернового хлеба, но и хороший **урожай кукурузы, бахчи арбузов и дынь**; область эта вполне пригодна **для растений бобовых, для китайского гаоляна и, наконец, для огородных овощей**» [4, с. 77].

Структура речи и характер аргументации в выступлениях П. А. Столыпина обусловлены праг-

матической задачей: не только внятно изложить свою позицию, но обязательно убедить аудиторию и пробудить мысль слушающих, сделать их участниками, сотворцами развития высказанной идеи, что, безусловно, в высшей степени соответствует принципам ораторики.

Выступления Петра Аркадьевича отличает четкое структурирование речи, вербализация переходов от одной идеи к другой: «Я нарочито не ставлю этот вопрос в связь с разрешением аграрного вопроса в Европейской России; Приведу еще одно соображение» [4, с. 72]. Может быть выделена последовательность речевых действий, которая облегчает восприятие сказанного и усиливает эффективность речи: «Почему я так думаю, я скажу далее, а теперь позвольте мне обратиться к доводам моих противников» [4, с. 71]; «Теперь о финансовой стороне дела; но прежде, чем перейти к этому, я обращаю ваше внимание» [4, с. 78]. Стремление к полноте, логичности, последовательности изложения, его упорядоченности, подчеркиванию причинно-следственных связей воспринимается как результат глубокого погружения в тему и отражения той энергии действия, которая характерна для Столыпина как государственного деятеля.

В зачине речи обычно проявляется забота докладчика о понимании слушателями его выступления, об осведомленности аудитории, например: «я ... считаю необходимым **с возможною полнотою и ясностью** представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений <...>» [4, с. 23]. Важно, что при этом реализуется стратегия предварительного разъяснения состояния дел: «В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается. Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения» [4, с. 23]. Здесь также для усиления воздействия используется смысловая модель «сопоставление» в части «противопоставление», когда членами противопоставления становятся *страна с установившимся правительственным строем* и *страна, находящаяся в периоде перестройки*.

Изложение собственной позиции Петр Аркадьевич начинает с подготовки аудитории к

ее восприятию. Важным элементом структуры столыпинской речи является установка на разъяснение доводов противников (*позвольте мне обратиться к доводам моих противников*). Далее следует подробный анализ этих доводов, в ходе которого говорящий старается представить *полную картину возражений* (как он сам это обозначает в речи). Рассматривая доводы противников, П. А. Столыпин убедительно показывает, что у них есть своя мотивация и своя логика, чем опосредованно выражает уважение к оппоненту и его позиции.

Образ оппонента, который присутствует в речах Столыпина, свидетельствует о высокой культуре дискуссии, свойственной речам Петра Аркадьевича. Здесь не место «навешиванию ярлыков» и «палочной» тактике, которую мы нередко наблюдаем в современных телевизионных спорах. Отстаивая позицию правительства, уважая тех, кто высказывает противоположную точку зрения, П. А. Столыпин умело использует возможности двусторонней аргументации, позволяющей учесть уже высказанные и предвидеть возможные возражения. Покажем это на примере речи о сооружении Амурской железной дороги:

«Начиная защиту правительственного проекта, я должен высказать признание, что **многое из того, что тут говорилось, соответствует правде**, и если строить государственную политику на сопоставлении видимых фактов, то, **может быть, от постройки Амурской железной дороги надлежало бы и отказаться**, но, припоминая все доказательства, все факты, которые здесь приводились, ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынную отдаленную окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить, я, господа, припомнил и врезавшееся в мою память одно сравнение, высказанное знаменитым нашим ученым Менделеевым и обращенное когда-то давно уже к нам, только что поступившим в университет студентам первого курса» [4, с. 72]. Признавая частичную правоту оппонентов (многое, по его словам, соответствует правде), оратор даже приводит ряд аргументов, которые являются основанием для его противников («ссылки на негодность нашего колониционного материала, бедность и пустынную отдаленную окраину, на убыточность железной дороги, на ту массу средств, которые придется на нее затратить»), высказывающих противоположную точку зрения по обсуждаемому вопросу. Столыпин демонстрирует этим, что ему хорошо известны и учтены контраргументы противоположной стороны.

И далее оратор обращается к прецедентной ситуации, уместно цитируя Д. И. Менделеева: «Говоря о видимых явлениях природы, знамени-

тый профессор предостерегал нас не поддаваться первым впечатлениям, так как видимая правда часто противоречит истине. **”Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, – говорил Менделеев, – что солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде”**. Насколько же соответствует истине, исторической национальной истине, та правда, которая только что развивалась перед вами с этого места?» [4, с. 72]. Слова *правда, истина, пытливый ум* способствуют тому, чтобы адресат встал на точку зрения ратора.

Опровергая аргументы оппонентов, объясняя позицию правительства, Столыпин продолжает настойчиво мотивировать слушателей: «Большинство думских партий находит, что у правительства **не было определенного политического плана, что им не руководила определенная государственная мысль, что не было той нравственной побудительной силы**, которая толкала бы его на спешное энергичное приведение в действие этого предприятия <...>. Правительство, прежде чем принять решение, имело в виду всю совокупность всех тех возражений, которые здесь были высказаны» [4, с. 72]. Для этого им используется приём градации (*не было плана, мысли, нравственной побудительной силы*).

Значительную роль в диалогизации дискурса и реализации идеи совместности, объединении оратора и аудитории играют риторические вопросы и обращения: «...господа, вспомните, что Германия представляет из себя теперь? Зачем, впрочем, далеко ходить за сравнениями?» [4, с. 74]; «Неужели мы эту вторую колею остановим в Маньчжурии? Где же мы будем выбрасывать и излишек наших товаров, и перевозимые в ту далекую окраину войска?» [4, с. 76].

Широко известна афористичность речи П. А. Столыпина. Подчеркнём, что лапидарность его речей придает им значительность, как и смысл обобщающих высказываний, имеющих отношение к ответственности граждан за свою страну – исключительно важному для оратора понятию: «Я ничуть не хочу ослабить ответственности правительства, но я надеюсь доказать, что в некоторых случаях преступлением перед страной является **не принятая вовремя на себя ответственность, а прикрытая боязнью ответственности бездеятельность**» [4, с. 76]. Неслучайно после этих слов справа и из центра зала раздались возгласы *Браво!* Подобные высказывания часто завершают рассуждения, которые имеют подчеркнuto конкретный характер. В речи об Амурской дороге сначала говорится о выборе места, пункта для начала её строительства, его природных, климатических условиях, а в завершение звучат

слова, претендующие на то, чтобы стать крылатыми выражениями: «Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие» [4, с. 77].

Специфичная черта выступлений А. П. Столыпина заключается в том, что подчеркнутая конкретика сочетается в его выступлениях с более абстрактной и в то же время книжной, стилистически высокой речью. Поэтому нельзя не обратить внимания и на то, что разным по теме и цели высказывания фрагментам речей соответствует уместное использование стилистически окрашенной лексики: разговорной (*неурядица, излишки, постройка*) и высокой (*разнозвучие, новоскладывающаяся государственная жизнь, сооружение*). Забота о населении обычно бывает выражена в конкретных по своему смыслу доводах: «Надо провести дорогу так, чтобы ею обслуживалось наибольшее количество годной под переселение земли; затем необходимо, чтобы самая дорога прошла по такой местности, которая могла бы быть заселена, и затем, чтобы подступ к самой колее был наиболее легок и удобен. Всем этим условиям соответствует вариант нерчинский уже потому, что по этому варианту железнодорожная колея приближается именно к тем землям Витимского побережья, о которых я говорил. Говорят, что разница расстояния между куенгинским и нерчинским вариантом только несколько десятков верст. Но, господа, для переселенцев и это важно» [4, с. 75]. Обоснование строительства дороги вдоль годной для переселения земли в соответствии с нерчинским вариантом аргументируется насущными для переселенцев удобствами, прежде всего подступом к самой колее. Характер изложения в этом случае предельно прост и конкретен, лишен каких-либо «украшений речи».

Когда же суть вопроса изложена предельно конкретно, что является опорой аргументации, следует обращение к патриотическим чувствам, где применяются образные средства, и это стилистически меняет характер рассуждения: «Вопрос амурский важен сам по себе, это вопрос самодовлеющий, но я должен настоятельно подчеркнуть, что **Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры...** (*рукоплескания справа и из центра*); **эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию**» [4, с. 77–78].

Созвучно этому и стилистически высокое заключение: «Наш орел, наследие Византии, – орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому

орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью <...>. Я, господа члены Государственной думы, уверен, я убежден, что одно ваше решение в этом деле уже придаст большую силу государству. Одна наша разумная плодотворная работа уже поднимает кредит государства, уже дает новые миллионы России. Ваше решение одно даст возможность найти и средства на посильных для нас условиях. Это одно уже является новым источником финансовой силы. Если, господа, в самые тягостные минуты нашей новейшей истории русские финансы осилили войну, осилили смуту, то на скрепление нашего расшатанного государственного тела железным обручем будут средства. Для этого, господа, нужно только ваше единодушное решение, о котором я говорил в начале своей речи, нужно ваше единодушное слово – произнесите» [4, с. 78–79].

Возвышенность речи придают: обращенность к истории (использование прецедентного имени – *наследие Византии*); метафорическое описание символа государственной власти и состояния страны (двуглавый русский орёл, расшатанное государственное тело, железный обруч средств); эпитеты (*тягостные минуты, разумная плодотворная работа*); повторы (*одна, одно; нужно ваше единодушное решение, нужно ваше единодушное слово*) и в заключение выразительное *произнесите* как краткое и четкое требование немедленных действий. Важно обратить внимание и на использование в процитированном фрагменте местоимения я с модальными словами: *я уверен, я убежден*. Уверенность и убежденность, основанные на доказательствах, точных расчетах, опоре на правовые нормы и нравственные законы, – это то, что проходит красной нитью через все выступления П. А. Столыпина.

Можно сделать вывод, что выступления выдающегося государственного деятеля свидетельствуют о его высоком риторическом мастер-

стве, которое проявляется в создании смысловой организации текста, точном выборе элокутивных средств, а также в диалогичности его монологов и проявляющейся заботе об адресате, учете возможных возражений. При этом сами условия коммуникации – разнородность позиций оппонентов и острота политической борьбы – во многом определяют характер стратегий, используемых оратором. В целом совершенно неформальный, хорошо продуманный и четко организованный подход к изложению своей позиции и фактического материала в речах П. А. Столыпина воспринимается как проявление заботы о понимании аудиторией сущности излагаемого вопроса, что должно увеличить силу воздействия сказанного. Представленные коммуникативные приемы служат и воспитанию гражданского общества, так как передают этос и пафос выступления: деятельный патриотизм, выраженный в намерении и готовности реформировать, преобразовать, улучшить жизнь в России.

Список литературы

1. Яковлева А. С. Категория оценки в публичных политических речах П. А. Столыпина и Отто фон Бисмарка : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. 309 с.
2. Шарафутдинова О. И. Речевые средства создания образа ратора в политическом дискурсе : динамический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 287 с.
3. Макарова В. В. Риторический портрет П. А. Столыпина : образ России в речах 1906–1911 годов // Научный диалог. Филология. 2012. Вып. 8. С. 208–215.
4. Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М. : Изд-е Государственной Думы, 2012. 228 с.
5. Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. http://www.hrono.ru/libris/lib_b/bok47.html (дата обращения: 01.02.2022).

Поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 223–231
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 223–231
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231>

Научная статья

УДК [821.161.1.09+[94:338.43.02](470+571)]|1907/1909|+929[Толстой+Столыпин]

Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин: вопрос о земле (историческое противостояние писателя и политика)

Н. В. Новикова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Новикова Наталья Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, novikovanv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0197-2808>

Аннотация. Фигура П. А. Столыпина, на плечи которого легла задача аграрных преобразований в стране, остаётся предметом «партийных споров». Как правило, в качестве одного из аргументов «за» или «против» столыпинской аграрной политики привлекается содержание писем Л. Толстого 1907–1909 гг. к реформатору и его единственный ответ. Все эти послания относятся к наиболее напряжённому периоду земельной «революции» в самодержавном государстве, начавшейся только спустя полвека после отмены крепостного права. Сложившаяся эпистолярная ситуация действительно имеет показательный характер, поскольку в ней выявляются взгляды и чаяния двух крупнейших деятелей начала XX в., которые занимали отличные друг от друга позиции относительно решения ключевого для России вопроса – о земле. Автор настоящей работы ставит перед собой цель заново ознакомиться с эпистолярными источниками, разобраться в существе программных позиций каждого из участников эпистолярного общения и, по возможности, в истории формирования этих позиций, выявить этическо-психологическую и интонационную фактуру писем, что должно способствовать воссозданию более точного представления о личностях писателя и политика и об атмосфере эпохи. Одинаково желая блага соотечественникам, порознь Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин, о чём свидетельствуют письма, а также речи премьера на заседаниях Государственной думы, были убеждены в том, что единственно возможный путь достижения этого блага – его. За противостоянием адресанта и адресата стояло противостояние противников столыпинских реформ и их сторонников. Л. Толстой, ратуя за отмену права собственности на землю, за введение «единого налога», силой своего воздействия на современников объективно препятствовал исторически оправданным новациям, исходящим от главы правительства, считавшего необходимым упразднить общину и поощрять крестьянина-труженика, сделав его собственником земли. В письмах отражается драматический накал процесса реализации нововведений и драматическое положение их инициатора и проводника.

Ключевые слова: Л. Толстой, П. А. Столыпин, эпистолярный, речи в Государственной думе, община, единоличное хозяйство, «единый налог», аграрная реформа, крестьянское землевладение и землепользование

Для цитирования: Новикова Н. В. Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин: вопрос о земле (историческое противостояние писателя и политика) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 223–231. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin: Land issue (A historical confrontation of the writer and the politician)

N. V. Novikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalya V. Novikova, novikovanv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0197-2808>

Abstract. The image of P. A. Stolypin, who was burdened by the task of agrarian changes in the country, still remains the object of the “arguments of the parties”. As a rule, one of the arguments ‘for’ or ‘against’ Stolypin’s agrarian policy is drawn from the content of L. Tolstoy’s letters of 1907–1909 to the reformer and his only reply. All these letters date to the most intense period of the land “revolution” in the sovereign state, which only started half a century after serfdom had been abolished. The current epistolary situation is really indicative because it reveals the views and aspirations of the two most prominent figures of the beginning of the 20th century, who had different opinions on the solutions of the most significant issue for Russia – the one of the land. The author of the present paper has a goal to study the epistolary sources anew, to sort through the essence of the program attitudes of each of the participants of the epistolary communication, and, where practicable, figure out the history of how these attitudes had been formed; reveal the ethical, psychological and intonation texture of the letters, which should facilitate the recreation of the more precise idea of the personalities of the writer and the politician, as well as the atmosphere of the epoch. Equally wishing well-being to their compatriots, separately L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin were convinced that the way offered by each of them was the only way to achieve this well-being, which is demonstrated in the letters, as well as the speeches of the Prime Minister at the State Duma. The

confrontation of the sender and the addressee was supported by the opponents and advocates of Stolypin's reforms. L. Tolstoy, arguing for the abolition of land ownership, for the introduction of the "single tax", by the strength of his influence on the contemporaries objectively hindered the historically reasonable innovations, proposed by the head of the government, who considered it necessary to discontinue the commune and to encourage the working peasant, by making him the owner of the land. The letter reflects the dramatic intensity of the reform implementation process and the dramatic state of their initiator and leader.

Keywords: L. Tolstoy, P. A. Stolypin, epistolary, speeches in the State Duma, commune, individual peasant farm, "single tax", agrarian reform, peasant land holding and land use

For citation: Novikova N. V. L. N. Tolstoy and P. A. Stolypin: Land issue (A historical confrontation of the writer and the politician). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 223–231 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-223-231>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Критика в адрес П. А. Столыпина, идеолога и организатора аграрной реформы в России, начавшись при его жизни, не умолкает на протяжении уже более ста лет. В ней со всей силой своего убежденческого дара участвовал Л. Толстой. Одним из достоверных источников объективного понимания того, поистине тектонического сдвига служат письма свидетеля и «действующего лица» тех событий. Постараемся заново прочесть два первых письма из четырёх, чтобы почувствовать «градус» эпохи, требовавшей перемен, разобраться не только в программных положениях оппонентов, но и воссоздать более точное представление о личностях людей, творивших историю. Но прежде – абрис столыпинского пути до пересечения его с толстовским.

Итак, с появлением в правительстве П. А. Столыпина начала осуществляться давно назревшая аграрная реформа. Новый премьер-министр вынашивал её, опираясь на семейные предания, на опыт своего деда, Д. А. Столыпина, того самого, который в севастопольскую пору был дружен с Л. Толстым. Тяготение к работе на земле сказалось и в выборе деятельного поприща: будущий глава правительства поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета и получил диплом агронома (1884). Поддержанию его заинтересованного отношения к сельскохозяйственному делу и землеустройству способствовала служба в департаменте земледелия и сельской промышленности министерства земледелия и государственных имуществ (1886). Впечатления деревенской жизни накапливались годами: семья владела имениями в Ковенской, Нижегородской, Казанской, Пензенской и Саратовской губерниях. Кроме того, собственно П. А. Столыпин был владельцем имения в мордовском селе Инсар-Акшино под Рузаевкой, «развитием которого лично занимался. Этим скромным имением с плодородной землёй он дорожил» [1, с. 73].

Существенную роль в понимании необходимости преобразований в жизни преимущественно крестьянской России сыграл и собственный опыт, почерпнутый в бытность П. А. Столыпина сначала гродненским губернатором (май 1902 – февраль

1903), затем – саратовским (февраль 1903 – апрель 1906). Именно в эти годы «закладывался фундамент будущих реформ» [2, с. 8]. Исследователь указывает на то, что о путях модернизации российской деревни, о том, что экономика страны будет расти только через подъём сельского хозяйства, П. А. Столыпин впервые высказался на заседании губернского комитета ещё в Гродно: «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъёме умственного развития населения, который настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешатся сами собой – это значит отложить на неопределённое время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъём доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью» [2, с. 8].

«Итак, нужна государственная воля!» [2, с. 8] – резюмирует автор. Ею, в отличие от многих хозяев правительственных кабинетов той переломной эпохи, П. А. Столыпин обладал. Полученный действующим губернатором пост министра внутренних дел, оставленный за П. А. Столыпиным после назначения его, через два с половиной месяца, премьер-министром, открывал ещё большие возможности для воссоздания общей картины положения дел в русской деревне, обеспечивал централизованной фактической базой, вскрывающей характер производственных отношений крестьян и помещиков, и самое главное – наделил властью, необходимой для реализации грандиозных планов. Ко времени вхождения в высший эшелон власти П. А. Столыпин убеждён в насущности реформ, которые должны быть направлены на процветание страны, и первая в этом ряду – аграрная, получившая название «столыпинской» – надо полагать, в признание главенствующей роли премьера, за которым стояла немногочисленная команда единомышленников. Двигателем процесса был, безусловно, он. Реформа затрагивала коренные интересы миллионов тружеников, подавляющего большинства населения огромной державы. Высокие должности давали и соответствующие полномочия, использованные их обладателем исключительно во благо Отечества. Цена титанических усилий, предпринятых реформатором

на этом пути, исторически несправедлива. Но П. А. Столыпина, не питавшего иллюзий на этот счёт, как подлинно государственного деятеля заботило, невзирая ни на что, прежде всего дело, а не судьба собственной персоны.

«Столыпин, – по точному замечанию С. Рыбаса, – должен был успеть, прежде чем погибнет, наверстать упущенное за пятьдесят лет, дать то, что должно было быть дано крестьянину на следующий день после освобождения, то есть 20 февраля 1861 года, – личную свободу и право распоряжаться своей землёй» [2, с. 5]. Суть фактически второго раскрепощения крестьян, как справедливо оценивают предпринятый П. А. Столыпиным шаг, заключалась в том, чтобы законодательно освободить мужика-работника от общинных скреп, дать ему возможность трудиться, будучи хозяином обрабатываемой земли. Сельская община к началу XX в. утратила былую роль и славу, «являлась анахронизмом, сковывавшим личную инициативу» [3, с. 54], тем самым тормозящим развитие сельского хозяйства и страны в целом. Несомненные выгоды кардинальных перемен всероссийских масштаба и значимости П. А. Столыпин очертил ещё в 1904 г. во Всеподданнейшем докладе, посланном государю из Саратова: «Естественным противовесом общинному порядку является единоличная собственность. Она же служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве» [3, с. 55–56].

Процесс ломки многовекового уклада не обещал скорых и безболезненных результатов, «одним росчерком пера упразднить общину» [3, с. 57] не решался и государь, однако 9 ноября 1906 г. он, уверовавший в честность и бескорыстие нового главы правительства, всё-таки завизировал указ, получивший рутинно-бюрократическое обозначение: «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». По нему «крестьяне получали право выхода из общины и укрепления земельного надела в частную собственность. Надел выделялся одним массивом – отрубом. При желании отрубник мог полностью разорвать с опустылевшей общиной и перенести своё хозяйство на хутор» [3, с. 57–58]. Таким образом совершался крутой поворот в аграрной политике государства.

В первом же выступлении П. А. Столыпина в качестве председателя Совета министров, состоявшемся на заседании Второй Государственной думы 6 марта 1907 г., он останавливается в первую очередь на «законах об устройстве быта крестьян» и терпеливо объясняет их содержание: «В целях достижения возможности выхода крестьян из

общины издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причём устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда» [4, с. 289]. Премьер-министр говорит от имени правительства, «сознающего свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие» [4, с. 304]. Он «убеждён, что та часть Государственной Думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды» [4, с. 306].

10 мая 1907 г. в специальной речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности П. А. Столыпин посвящает депутатов в свои раздумья о настроениях в обществе, заинтересованном в переменах: «Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым большим. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что и все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который несомненно, хотя бы отчасти, питает смуту» [4, с. 307]. О том, в какой обстановке приходилось отстаивать планы, жизненно важные для всей страны, своей новизной не только настораживающие, но и пугающие, можно судить хотя бы по такому фрагменту названной речи: видя, «как мало шансов сблизить различные точки зрения», оратор готов «встать на чисто государственную <...>, отнестись совершенно беспристрастно, даже более того, бесстрастно к данному вопросу», обходя «все те оскорбления и обвинения, которые раздавались здесь против правительства», не останавливаясь «на тех нападках, которые имели характер агитационного напора на власть», «на провозглашавшихся здесь началах классовой мести со стороны бывших крепостных крестьян к дворянам» [4, с. 308]. Он считает бесперспективными намерения депутатов, отверженных «той картине, которая наблюдается в наших сельских обществах, той необходимости подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимости постоянного передела, невозможности для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определённой отрасли хозяйства» [4, с. 311].

Средоточием столыпинской аграрной политики являлась фигура крестьянина-собственника. Глава правительства неустанно, подвижнически

проводил эту идею в жизнь, предельно доходчиво разъясняя её плодотворность, стараясь дойти до каждого. В речи перед депутатами Третьей Государственной думы, датированной 16 ноября 1907 г., звучат, к примеру, искренние, прочувствованные слова, начисто лишённые официального тона: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы. (*Рукоплекскания в центре и справа*). <...> Правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врождённому у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное чувство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретённых в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесёт в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится в настоящую, которая, конечно, складывается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма» [4, с. 332]. Неслучайно стенограмма речи фиксирует после этих слов «рукоплекскания в центре и справа» и «возгласы “браво”» [4, с. 332].

В контексте приводимых П. А. Столыпиным доводов в защиту разработанной им программы аграрных преобразований нельзя не сослаться ещё на одно его признание, сделанное перед думами и адресованное, по существу, всем небезучастным соотечественникам: «Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришёл к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная чёрная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, но его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия! (*Аплодисменты справа*)» [4, с. 322]. Упорным созиданием её П. А. Столыпин и был неотступно озабочен на протяжении пяти с небольшим лет, когда ему довелось стоять у руля государственной власти.

Справедливости ради следует сказать и о том, что оказалось не предусмотренным: по большому счёту, не принималось во внимание потенциальное воздействие на мужика агитаторов от разных партий, не разделявших или вовсе отвергавших концепцию премьер-министра; не были в полной мере учтены степень «живучести общинных порядков» [3, с. 66] и психология крестьянина, как лентяя, так и труженика. Последние небезосновательно осторожничали: по существующим данным, «за весь период реформы правом выхода из общины воспользовалось немногим более двух миллионов крестьянских хозяйств» [3, с. 63]. В итоге, «несмотря на правительственную поддержку, хуторянам приходилось туго. <...> Банковскими ссудами воспользовались немногие. В довершение всех бед 4/5 сельского населения, сохранившие верность общине, проявляли откровенную враждебность к отрубникам и хуторянам. Сказывалась та самая страсть русского человека “всех уравнивать, всех привести к одному уровню”, на которую сетовал Столыпин ещё в Саратовской губернии. Община неохотно отпускала своих членов» [3, с. 63]. Со всех сторон противодействие стольпинской реформе было неимоверно велико, противников у неё было больше, чем сторонников, даже среди тех, ради кого она совершалась.

Особое место среди них, не принявших стольпинскую линию решения земельного вопроса, занимал Л. Толстой. Фактически он был предрасположен к противостоянию ещё до выхода П. А. Столыпина на арену истории как человека, призванного и способного её вершить. Об этом свидетельствует пафос толстовских статей: «Рабство нашего времени» (1900), «Великий грех» (1905), «Письмо крестьянину о земле» (1905), «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу» (1905–1906), «Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906), «Что же делать?» (1906). Л. Толстой трижды, в частном порядке, писал инициатору и обоснователю реформ. Первое письмо было датировано 26 июля 1907 г. Спустя месяц, не получив ответа, он напомнил о себе через брата министра, журналиста «Нового времени» А. А. Столыпина, который 2 сентября ответил писателю, приложив короткую записку Петра Аркадьевича. К слову сказать, А. А. Столыпин занял сторону брата, единомышленником его был и другой брат, Д. А. Столыпин, автор публицистических работ «Арендные хутора» и «Земледельческий порядок до и после крепостного права», главный вывод которых согласовался со стольпинской позицией: «корень экономических бед российского хозяйства таится в крестьянской общине, она сдерживает развитие, её необходимо разрушить» [2, с. 5]. Второе письмо Л. Толстого главе правительства

датируется 28 января 1908 г., третье – 30 августа 1909 г. (оно осталось неотправленным). Письма эти впервые опубликованы частично в Юбилейном сборнике 1928 г. [5, с. 91–95], полностью они вошли в последние тома юбилейного Собрания сочинений Л. Толстого 1928–1958 гг., в последующих изданиях сочинений писателя даются избирательно (к примеру, в наиболее полное из них – Собрание сочинений в 22 т. 1978–1984 гг. – включено только третье письмо).

Готовность по-державински «истину царям <...> говорить», проистекающая из повышенного чувства нравственной ответственности, была присуща Л. Толстому и прежде: достаточно вспомнить письмо к Александру III после гибели от рук народовольцев его отца, взывающее к милосердию по отношению к террористам; письмо к Николаю II от 16 января 1902 г., которое, кстати, имеет прямое отношение к нашей теме. «Любезному брату» [6, с. 502], царствующей особе напрямую, без обиняков говорилось так, как непозволительно было никому из смертных: «Весь 100-миллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, то есть уничтожения права земельной собственности. И вот это-то уничтожение права земельной собственности и есть, по моему мнению, та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей русское правительство. <...> Я лично думаю, что в наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какую было крепостное право 50 лет тому назад» [6, с. 506–507]. С неподдельным простодушием заканчивается это послание пожеланием государю «сделать то, что вам скажет бог, то есть ваша совесть» [6, с. 508]. Знаменательно и заключительное признание: «Руководило мною только желание блага русскому народу и вам. <...> Я сделал то, что считаю своим долгом» [6, с. 508]. В этом – весь Л. Толстой, великий художник и человек, взывающий добра и справедливости, не умаляя себя перед сильными мира сего. Существенная деталь: письмо осталось без ответа.

Забегая вперёд, скажем, что взволнованные речи живого классика отечественной литературы, взгляды которого на основы социального и духовно-нравственного бытия увлекли за собой массы соотечественников, не были услышаны в высоких кабинетах, ни одно из персональных обращений писателя к властям не возымело действия, не привело к желаемым результатам, равно как и пропитанная энергией его духа публицистика 1890–1900-х гг. И, тем не менее, он не отступал, упорно продолжая жить «стремлением деятельным и постоянным к <...> одной цели», «общей и полезной» – духовной [7, с. 14]. В. М. Чернов,

идеолог партии социалистов-революционеров, к слову сказать, в своей политике делавших ставку на крестьянскую общину, вспоминая «дни великих потерь, <...> между ними – день смерти Толстого», писал: «Такие дни способны давать толчок пробуждению общественной совести» (курсив автора. – Н. Н.) [8, с. 67]. Очевидно, что толстовский авторитет, складывавшийся десятилетиями, ко времени противостояния писателя с политиком был, несомненно, выше, чем у только приступившего к обязанностям председателя Совета министров.

Л. Толстой «считал своим долгом», что закономерно для него, достучаться до сознания человека, в руках которого действительно было будущее России. Видимая приватность посланий П. А. Столыпину не только не исключала, а, напротив, предполагала эффект общегосударственной пользы, и не злободневной, а судьбоносной, вровень с проблемами, которые писатель выдвигал перед премьер-министром. Уже в первом письме с самого начала он убирает все барьеры между собой и адресатом, выражает все взаимно-исключающих точек зрения по острейшему вопросу внутрироссийского обустройства должны протянуть друг другу руки и доверительно друг к другу отнестись: «Пишу Вам как брату, как человеку, назначение которого, хочет он этого или не хочет, есть только одно: прожить свою жизнь согласно той воле, которая послала его в жизнь» [9]. Л. Толстой заявляет о том, что его в высшей степени тревожит, – о «недовольстве народа неправильным распределением земли» и о том, что на «доходящее до озлобления недовольство народа» опираются «революционеры всех партий» [9]. Автор письма склонен думать, что его «брату», «энергическому человеку» экстраординарного «положения», уничтожить «революционное раздражение» «возможно», в противном случае «недовольство крестьян земельным устройством» чревато «зачинающимся пожаром» [9]. По мысли Л. Толстого, катастрофы можно избежать, если «содействовать уничтожению давней, великой, общей всем народам жестокой несправедливости земельной собственности, сделать истинно доброе дело и самым действительным средством – удовлетворением законных желаний народа успокоить его, прекратив этим те ужасные злодеяния, которые теперь совершаются как со стороны революционеров, так и правительства» [9]. Вне всякого сомнения, другая «дорога» для П. А. Столыпина как государственного мужа – «начатая <...> деятельность не только участия, но и руководства в ссылках, каторгах, казнях», с опасностью тем самым «повредить своей душе» [9], должна быть закрыта. При этом Л. Толстой, стремясь убедить своего оппонента, совершенно искренне обраца-

ется к нему в доверительном тоне: «Пишу Вам, Пётр Аркадиевич, под влиянием самого доброго, любовного чувства к стоящему на ложной дороге сыну моего друга» [9].

В восприятии Л. Толстого, «любезный Пётр Аркадиевич» оказался «на страшном распутье: одна дорога, по которой Вы, к сожалению, идёте, – пишет он, – дорога злых дел, дурной славы и, главное, греха; другая дорога – дорога благородного усилия, напряжённого осмысленного труда, великого доброго дела для всего человечества, доброй славы и любви людей» [9]. По Л. Толстому, небезразличный ему человек оказался в ситуации уготованного временем трагического выбора, а поскольку он облечён сильной властью, значит, от его выбора зависит то, по какому пути пойдёт страна. Автор письма вызывает к уму и сердцу прирождённого государственника. При этом публицистически неотразимо и вместе с тем однозначно принимается во внимание только внешняя сторона происходящего, в обозреваемый круг явлений не входят объективные причины и обстоятельства, оставшиеся за кадром: глава правительства вынужден был стать острием орудия во имя сбережения дела, которому себя посвятил; он мужественно отвечал на вызовы времени, которые опрокидывали его собственную репутацию, – не она заботила его в ту «историческую минуту», когда, по его же словам, «действия должны вести не ко взаимной борьбе, а к благу нашей родины» [4, с. 306].

Растиражированные образы «стольпинских галстуков», «стольпинских вагонов» – порождение антистольпинской кампании, и Л. Толстой оказался в разномастном стане тех, кому было выгодно устранить реформатора – для этого были хороши любые средства. П. А. Столыпин знал, на что шёл, и запомнившееся думцам «Не запугаете», произнесённое им с трибуны первого же их заседания, в котором он участвовал в качестве председателя Совета министров, ни у кого не оставило сомнений: «вызвать у правительства, у власти паралич воли и мысли» [4, с. 306] при П. А. Столыпине не удастся. Л. Толстой, как приверженец идеи ненасилия, не постигает монолитности стольпинской натуры; им не делаются поправки и на учиняемое «людьми, близкими к населению», как отозвался бы А. Аверченко о выслуживающихся исполнителях. Писателю достаточно было вопиющей жестокости текущего дня, перед которой он не считал позволительным «молчать», чтобы заставить премьера принять единственно правильное, по его мнению, решение: «Неужели возможно колебание?» [9]. Всеобщее спасение, по убеждению Л. Толстого, должно было принести опять-таки «уничтожение земельной собственности»: именно это «есть

первая настоятельная мера, без исполнения которой невозможно никакое изменение к лучшему общественной жизни» [9].

Исключительным благом для России, терзаемой «земельной собственностью», Л. Толстой признаёт и «осуществление единого налога» [9], который он оценил благодаря знакомству с книгой «Прогресс и бедность» американского экономиста и публициста Генри Джорджа. «Сторонником земельной реформы в духе Генри Джорджа и его системы единого налога» [6, с. 651] писатель становится ещё с 1885 г. [6, с. 54]. Более того, в 1891 г. он относит названный труд к «сочинениям, произведшим впечатление» [6, с. 230], в 1894 г. Генри Джордж присылает ему «все свои книги» [6, с. 307], они в прямом смысле слова становятся настольными. Упоминаниями о Генри Джордже пестрит дневник писателя. Перечитав его «Избранные речи и статьи» в переводе С. Д. Николаева, 16 апреля 1905 г. он делится впечатлением: «и вновь восхищён» [10, с. 196].

В рассуждениях американца, нетипичного русского помещика, каковым Л. Толстой с его «мыслью народной» и являлся, могло подкупить, скорее всего, узнаваемое, внутренне близкое: «...основной причиной бедности народа является лишение его земли» [6, с. 652]. Кроме того, впечатлил писателя и внятный, на первый взгляд, рецепт избавления от этой бедности: «национализация земли буржуазным государством (без ликвидации частного землевладения) и изменение системы налогов», что должно привести «к всеобщему достатку» [6, с. 652]. 2 сентября 1906 г. в дневнике Л. Толстого появляется запись: «Говорят и спорят о системе Генри Джорджа. Дорога не система (хотя я не только не знаю, но не могу себе представить лучшей), но дорого то, что эта система устанавливает общее и равное для всех людей отношение к земле. Пускай найдут лучшее» [10, с. 218]. Именно у Генри Джорджа Л. Толстым был найден ответ на узловую вопрос существования аграрного по сути государства. Перспективы не могли не завораживать, но до предметной оценки системы предложений своего кумира писателю земли русской было далеко, а в то, насколько она применима к утвердившимся реалиям деревенской России, он вряд ли вникал. Однако с упорством и безоглядностью проповедника Л. Толстой как «лучшее» рекомендует её П. А. Столыпину – в противовес его системе, точнее – взамен её, кардинально отличающейся от «толстовской». Повторимся: в ходе реализации в ней действительно вскрылись изъяны, но в целом стольпинская аграрная программа не нуждалась в специальной подгонке, поскольку создавалась она на месте и, что принципиально важно, не в четырёх стенах.

Наэлектризованность толстовского тона снижается к концу письма, писатель увещивает своего корреспондента: «Только начните это дело, и вы увидите, как тотчас же примкнут к Вам все лучшие люди всех партий; с Вами же будет всё стомиллионное крестьянство, которое теперь враждебно Вам. С Вами будет могущественнейшая сила общественного мнения. А когда эта сила будет с Вами, очень скоро само собою уничтожится, рассеется то растущее озлобление и озверение народа, которое так тщетно пытается подавить правительство своими жестокостями» [9]. Заканчивается письмо и вовсе примиряюще: «Пожалуйста, простите меня, если Вам покажутся резкими выражения этого письма. Я писал его от души, руководимый самым хорошим, любовным чувством к Вам» [9]. Сомневаться в этом не приходится, как и в том, что писатель, силой своего воздействия на общественное сознание, объективно препятствовал столыпинским новациям.

Сразу следует оговориться, что эпистолярный диалог двух подлинных героев времени не сложился: было бы большой натяжкой признать ответное письмо П. А. Столыпина, датированное 23 октября 1907 г., продолжением разговора или хотя бы попыткой его. Иллюзий по поводу полноценного диалога нет и быть не может. В конце письма недавний толстовский адресат признаётся: «Впрочем, не мне Вас убеждать, но я теперь случайно пытаюсь объяснить Вам, почему мне казалось даже бесполезным писать Вам о том, что Вы меня не убедили. <...> Сознаю, что всё это пишу Вам напрасно – это и было причиной того, что я Вам не отвечал» [5, с. 92]. Однако, несмотря на то что Л. Толстой демонстрирует полное непонимание и непризнание аграрной политики П. А. Столыпина, позволяет себе нелестные, оскорбительные характеристики в его адрес, тем самым побуждая к одному – игнорированию оппонента, обращение последнего к писателю состоялось. Мотивируется оно несколькими причинами, среди которых потребность полемизировать, совместными усилиями ища истину, исключена. Спор как таковой между Л. Толстым и П. А. Столыпиным в сложившейся ситуации попросту непредставим: автор письма отдаёт себе отчёт в том, что даже подобие диалога невозможно, так как участники его, судя по всему, будут говорить на разных языках. Проявляющаяся в данном случае самодостаточность главы правительства свидетельствует о неколебимой его убеждённости в собственной правоте, в зрелости новаторской идеи преобразований, в оптимальной пригодности государственного курса.

Скорее, сам факт отклика со стороны премьера – знак уважения к деду, благодаря которому его сослуживец, к тому же начинающий писатель,

вошёл в семью «домашним образом». Кроме традиции воспитания – и в русле её – в ответном шаге проявились и подобающая вежливость, и нерастраченное уважение к писателю («Вы мне всегда казались великим человеком» [5, с. 92]), неподдельное благородство и самоуважение: нарушать приличия не принято, равно как, из соображений чести, принято поднимать брошенную перчатку. По всей видимости, так расценивается эпистолярный жест Л. Толстого: «Не думайте, что я не обратил внимания на ваше письмо. Я не мог на него ответить, потому что оно меня слишком задело» [5, с. 91]. П. А. Столыпин предельно чётко изъясняется на сей счёт, не делая скидок на авторитет собеседника, ибо к сфере его деятельности таковой приложимым не ощущает: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” на землю у крестьян создаёт всё наше неустройство» [5, с. 91]. На первый взгляд, эту внятность нарушает один штрих – «мне кажется». Но, пожалуй, здесь это означает персонализацию огромной ответственности и отнюдь не является признаком неопределённости, неуверенности, хотя чуть ниже, передавая ощущение от допускаемого соположения с Л. Толстым, он не скроет: «Я про себя скромного мнения» [5, с. 92].

И далее пишущий с завидной простотой и твёрдостью, логически прозрачно излагает квинт-эссенцию своей программы. Надо полагать, он делает это не с целью переубедить Л. Толстого, открыть ему глаза на то, что на самом деле в настоящий момент требует вложения ума и души – он дорожит своим детищем, если не сказать больше, и прозревает его плоды, поэтому не считает обременительным о нём говорить: «Природа вложила в человека некоторые врождённые инстинкты, как-то: чувство голода, половое чувство и т.п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землёю. Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нём врождённого чувства собственности ведёт ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. И теперь – то же крепостное право, – за деньги Вы можете так же давить людей, как и до освобождения крестьян. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным. А это достижимо только при свободном приложении труда к земле, то есть при наличии права собственности на землю» [5, с. 92]. Здесь есть всё то, о чём неоднократно говорилось

с трибуны, публично, и вместе с тем камерная интонация, органичные вкрапления просторечной лексики позволяют увидеть в программном по сути заявлении лицо человека, не умогнительно теоретизирующего, а близко стоящего к мужику, понимающего нужды труженика, мыслящего по-крестьянски, а при наличии энергии государственника – «вечного работника» на том «троне», который был доверен ему государем. Ассоциации с пушкинским героем в данном случае не идут вразрез с характером деятельности героя земельной «революции».

П. А. Столыпин касается в своём письме и «учения Джорджа», «не отвергая» его, даже предполагая, что «со временем» «единый налог» «поможет борьбе с крупною собственностью» [5, с. 92]. Заметим: вместе с письмом премьер-министр получил от Л. Толстого книгу Генри Джорджа «Общественные задачи» с предисловием писателя и брошюру «Письмо крестьянину о земле», в которых излагал программу решения земельного вопроса [9]. «Но теперь», с точки зрения реформатора, надлежит сосредоточиться на безусловно насущном: «Я не вижу цели у нас в России сгонять с земли более развитый элемент землевладельцев и, наоборот, вижу несомненную необходимость облегчить крестьянину законную возможность приобрести нужный ему участок земли в полную собственность. Теперь единственная карьера для умного мужика быть мироедом, то есть паразитом. Надо дать ему возможность свободно развиваться и не пить чужой крови» [5, с. 92]. Столь неожиданно-сермяжная аттестация, по идее, содержит намёк на закономерную поэтапность становления мужика как крепкого сельского хозяина и указывает не на противоречие самому себе, а всего лишь на уместный случай употребления премьером той лексики, которая была в ходу у его ругателей, создававших потенциальному владельцу земли и работнику на ней самый непривлекательный, отталкивающий «имидж». В связи с этим сошлёмся на один показательный пример: даже у М. М. Пришвина, инженера-землеустроителя по образованию, страстного агронома, которого никак нельзя заподозрить в незнании жизни российской глубинки, в непонимании аграрных отношений, промелькнуло, причём в дневниках последних лет: «Столыпин, истративший жизнь свою на устройство кулаков-единоличников» [11, с. 321].

Раз и буквально навсегда, явственно, исчерпывающе изложив писателю свою точку зрения на земельный вопрос, П. А. Столыпин исключает вариант эпистолярного повторения сказанного, ибо ни при каких обстоятельствах оно не будет подвергаться им пересмотру. В конце письма

П. А. Столыпин возвращается к изначальной толстовской мысли о его предназначении, перед загадкой которого он и сам не раз останавливался. Это – единственная точка схождения между авторами писем. И она приоткрывает то, что находится за антагонизмом программных выкладок. По-своему реагируя на этот пассаж, премьер, как будто необъяснимо раскрепощаясь, позволяет себе проникновенное по эмоциональному наполнению, по тону и смыслу высказывание: «Меня вынесла наверх волна событий – вероятно на один миг! Я хочу всё же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили её в старину» [5, с. 92]. Высоким слогом, отвечающим уникальности момента, одухотворённо и торжественно, но вместе с тем – с сердечной теплотой и без тени самолюбования П. А. Столыпин говорит о том, о чём, как он знает, не принято говорить вслух (кому как не Л. Толстому была ведома «скрытая теплота патриотизма»). Глава правительства истолковывает своё избранничество не как дарованное свыше превосходство над всеми, а как великое труженичество, в котором себе не принадлежишь. Он словно помогает Л. Толстому «дойти до сути» в понимании того, кем является. Слово забывает о том, что перед ним – убежденчески чуждый человек, не внушающий надежды на взаимопонимание.

И различая себя на гребне этой «волны», этого призывания, П. А. Столыпин посвящает Л. Толстого в коллизию своего положения, которая лично для него не является дилеммой: «Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путём» [5, с. 92]. На пронзительной ноте, делясь сокровенным, он заканчивает общение с тем, с кем заведомо не сойдётся. И эту откровенность, непредсказуемую в логике заочной встречи двух интеллектуальных и нравственных колоссов, можно, пожалуй, объяснить тем, что она исходила от человека, действительно чувствующего себя у последней черты и в глазах властителя дум не желающего остаться в ложном свете.

Тяжело переживая абсолютное непонимание со стороны «яснополянского старца», автор письма закончит его по-христиански, зеркально отражая финал толстовского письма: «Простите. Ваш П. Столыпин» [5, с. 92]. В рассмотренных письмах отражается драматический накал процесса реализации в России аграрных нововведений и поистине драматическое положение их инициатора и проводника. Не прячась от опасности не

только моральной, но и физической расправы, этот недюжинный деятель не сойдёт с непроторённого пути, не изменит себе, до конца сохраняя верность призванию. Но удивительно то, что предложенная П. А. Столыпиным реформа на поверку уходит своими корнями ... в художнический мир Л. Толстого, в созданные им картины деревенской жизни, в его индивидуально-творческий анализ отношений землевладельца и крестьянина, встающие со страниц рассказов «Утро помещика» (1856) и «Много ли человеку земли нужно» (1886), а также романа «Анна Каренина» (1876). Не будет лишним в этом разобраться.

Список литературы

1. Сидорович Г. П. Лев Толстой против Петра Столыпина. Спор о земле // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 4 (36). С. 72–78.
2. Рыбас С. Ю. Столыпин. М. : Молодая гвардия, 2009. 420 с.
3. Степанов С. А. Столыпин – история убийства. Жизнь и смерть ради России. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. 448 с.
4. Избранные речи Столыпина в Государственной Думе // Степанов С. А. Столыпин – история убийства. Жизнь и смерть ради России. М. : Яуза ; Эксмо, 2006. С. 286–361.
5. Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник / собрал и редактировал Н. Н. Гусев. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 440 с. (Труды Толстовского музея).
6. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 19–20. Письма. 1882–1910. М. : Художественная литература, 1984. 879 с.
7. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 21. Дневники. 1847–1894. М. : Художественная литература, 1985. 575 с.
8. Чернов В. М. Не вовремя родившийся // Заветы. 1912. № 1. Отд. II. С. 37–67.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 77. Письма, 1907 г. URL: <https://bookshake.net/r/pss-tom-77-pisma-1907-g-lev-nikolaevich-tolstoy?page=88> (дата обращения: 01.02.2022).
10. Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 22. Дневники. 1895–1910. М. : Художественная литература, 1985. 559 с.
11. Пришвин М. М. Дневники. 1950–1951. СПб. : Росток, 2016. 736 с.

Поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 232–237

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 232–237

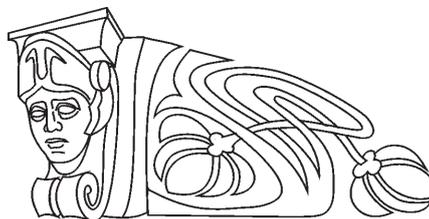
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-232-237>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-94+929[Столыпин+Витте+Коковцов+Милюков+Джунковский]

Смерть П. А. Столыпина в воспоминаниях современников: С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и другие

А. И. Ванюков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ai_vanyukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>

Аннотация. Трагическое событие 1 сентября 1911 г. в Киеве, смерть председателя Совета министров, министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина рассматриваются в «зеркале» воспоминаний известных современников: бывшего министра финансов, председателя Комитета министров Российской империи (1903–1906), графа Сергея Юльевича Витте, министра финансов, ставшего после смерти Столыпина премьер-министром Владимира Николаевича Коковцова, историка, лидера кадетской партии Павла Николаевича Милюкова и генерал-майора Свиты, московского губернатора (1905–1912), товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915) Владимира Фёдоровича Джунковского. В каждом из этих мемуаров раскрываются в соответствии с жизненным, государственным опытом и взаимоотношениями авторов со Столыпиным определённые стороны, грани политического портрета и рокового конца Столыпина. В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте мы видим почти эпопейный, политико-государственный и морально-правовой масштаб «диалога», «распри» автора со Столыпиным, осуждение его политики и личности: «сам виноват». В. Н. Коковцов – живой свидетель «события 1 сентября» и прямой наследник Столыпина. Его мемуары хроникально насыщены, документально точны и психологически выразительны. Они были внимательно прочитаны П. Н. Милюковым, борющимся со Столыпиным в Думе и давшим точную характеристику его внутренней политики и метафоры конца («мавр может уйти»). «Воспоминания» В. Ф. Джунковского интересны своим честным свидетельством, патриотическим пафосом, прямым неприятием недостатков охранной службы. Взятые в единстве, эти мемуары дают целостную, выразительную картину исторического события: 1 сентября 1911 г., смерти П. А. Столыпина, помогают за внешним видеть внутренние пружины действия.

Ключевые слова: смерть Столыпина, воспоминания, С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. Н. Милюков, В. Ф. Джунковский, свидетельства, оценки, время, портрет, судьба

Для цитирования: Ванюков А. И. Смерть П. А. Столыпина в воспоминаниях современников: С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов и другие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 232–237. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-232-237>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The death of P. A. Stolypin in the memoirs of contemporaries: S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov and others

A. I. Vanyukov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksandr I. Vanyukov, ai_vanyukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>

Abstract. The tragic event of September 1, 1911, in Kiev, the death of the Chairman of the Council of Ministers, Minister of Internal Affairs Pyotr Arkadyevich Stolypin, is considered through the lens of the memoirs of his famous contemporaries: the former Minister of Finance, Chairman of the Committee of Ministers of the Russian Empire (1903–1906), Count Sergei Yulievich Witte, Minister of Finance, who became Prime Minister after the death of Stolypin; Vladimir Nikolayevich Kokovtsov, historian, leader of the Cadet Party; Pavel Nikolayevich Milyukov and Major General Svita, Moscow Governor (1905–1912), Deputy Minister of Internal Affairs, commander of the Separate Corps of Gendarmes (1913–1915), Vladimir Fedorovich Dzhunkovsky. Each of these memoirs reveals certain sides, facets of the political portrait and the fatal end of Stolypin based on the life and state experience, on the authors' relationships with him. In the *Memoirs* of S. Yu. Witte, we see the almost epic, political-state and moral-legal scale of the «dialogue», of the «feud» between the author and Stolypin, the condemnation of his policy and personality: «he is to blame». V. N. Kokovtsov is a living witness of the «event of September 1» and the direct successor of Stolypin. His memoirs are chronically rich, documentarily and psychologically expressive. They were carefully read by P. N. Milyukov, who fought with Stolypin in the Duma and gave his exact metaphor for the internal policy and for his demise (“the Moor may go”). The memoirs of V. F. Dzhunkovsky are interesting for their honest

testimony, patriotic pathos, direct rejection of the shortcomings of the security service. Taken together, these memoirs give a holistic, expressive picture of the historical event of September 1, 1911, the death of P. A. Stolypin; they help to see the inner springs of action behind the external. **Keywords:** Stolypin's death, memoirs, S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov, P. N. Milyukov, V. F. Dzhunkovsky, testimonies, estimates, time, portrait, destiny

For citation: Vanyukov A. I. The death of P. A. Stolypin in the memoirs of contemporaries: S. Yu. Witte, V. N. Kokovtsov and others. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 232–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-232-237>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

110 лет назад, 1 сентября 1911 года (ст. ст.) в киевском городском театре прозвучали два выстрела, смертельно ранившие председателя Совета министров Петра Столыпина. Тайна преступления не раскрыта до сих пор. Какие силы за ним стояли?

Валерий Шамбаров. Август 2021

1 сентября 1911 г. в Киеве произошло событие, которое описывается словами «покушение», «убийство» и далее «смерть» председателя Совета министров, министра внутренних дел Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911): «катастрофа, которая... изменила положение вещей» [1, с. 555].

В первых по времени создания (1912) воспоминаниях современников – «Воспоминаниях» С. Ю. Витте [2], бывшего министра финансов, председателя Комитета министров, это звучало так: «1 сентября в Киеве при исключительно театральной обстановке произошло покушение на жизнь Столыпина» [1, с. 555]. В той же главе (гл. 69) «От государственного переворота 3 июня 1907 г. до убийства Столыпина 1 сентября 1911 г.» С. Ю. Витте пишет: «Могут сказать, что это случайность <...> Я со своей стороны думаю, что это не есть случайность, что при том режиме, который водворил Столыпин, так или иначе, а дело должно было кончиться его гибелью» [1, с. 557]. И весь ход мемуарного повествования последовательно и убедительно (с точки зрения автора) ведёт к этой трагической точке политического сюжета, связанного с именем Столыпина. Понятен личностный, субъективный, сравнительно-оценочный момент в изложении С. Ю. Витте, но весь материал, взятый в единстве и целостности, даёт возможность установить наличие в российской государственной системе на её высоком уровне различных политических линий и стилей поведения. Воспоминания С. Ю. Витте интересны как раз своими морально-этическими, государственно-правовыми интонациями и оценками. И столыпинский сюжет особенно показателен.

В 63-й главе «Моя отставка» главным пунктом можно считать раздел «О назначении Столыпина министром внутренних дел и моём мнении по поводу назначения его впоследствии председателем Совета министров»: «В то время

я Столыпина считал порядочным губернатором <...> и потому назначение это считал удачным. <...> но затем каждый месяц я всё более и более разочаровывался в нём» [1, с. 351].

Следующая, 64-я глава уже в своём заглавии «Первая Дума. Столыпин» выводит на первый план взаимоотношения Государственной думы как «первой законодательной инстанции» [1, с. 361] и правительства, Столыпина. Главное: «В то время Столыпин крайне либеральничал: он говорил в Думе весьма либеральные речи, давал всевозможные обещания» [1, с. 366].

Но глава не случайно заканчивается покушением на Столыпина на Аптекарском острове. «Покушение на жизнь Столыпина, между прочим, имело на него значительное влияние, – писал С. Ю. Витте. – Тот либерализм, который он проявил во время Первой Государственной думы <...> с того времени начал постепенно таять, и в конце концов Столыпин в последние два–три года своего управления водворил в России положительный террор» [1, с. 369].

И здесь уместно сделать одно небольшое отступление, касающееся сути действия государственного механизма Российской империи. Современный историк, характеризующий один из важных аспектов «политической жизни России конца XIX – начала XX в.», приводит письмо Николая II своей матери, «вдовствующей императрице Марии Фёдоровне», от января 1906 г., в котором есть нелюбимая характеристика С. Ю. Витте: «Витте после московских событий резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он» [3, с. 146]. В апреле 1906 г. Витте был уволен с поста председателя Совета министров [3, с. 146].

«Да, это было до бомбы Аптекарского острова, а теперь я стал другим человеком», – приводит Витте слова-объяснения Столыпина своего поведения «после катастрофы на Аптекарском острове» [1, с. 369].

Основные «тезы» 66-й главы «Между I и II Думами» продолжают фиксировать политико-государственные разногласия автора со Столыпиным [1, с. 390–393], и вывод С. Ю. Витте идёт в той же морально-политической сфере: «Можно сказать, что Столыпин был образцом политиче-

ского разврата, ибо он на протяжении пяти лет из либерального премьера обратился в реакционера...» [1, с. 393].

Новые грани политического портрета Столыпина С. Ю. Витте раскрывает в 68-й главе «Вторая Дума. Государственный переворот 3 июня 1907 г.» (т.е. роспуск Второй Государственной думы [1, с. 446, 448]). «К этому времени Столыпин приобрёл уже значительную силу и в глазах императора и придворной партии. Сила Столыпина заключалась в одном его несомненном достоинстве, это – в его темпераменте. По темпераменту Столыпин был государственный человек <...> Но в том-то и была беда, что при большом темпераменте Столыпин обладал крайне поверхностным умом и почти полным отсутствием государственной культуры и образования», – живописует граф своего противника [1, с. 446].

«Убийство Столыпина 1 сентября 1911 г.» – основной сюжет 69-й главы третьего тома «Воспоминаний» С. Ю. Витте, это трагическое событие берётся автором в широком контексте политической жизни России: «...после роспуска второй Думы курс правительства Столыпина сделался ещё более реакционным» ([1, с. 453]; «В течение всего времени со вступления на пост председателя Совета министров Столыпина происходили отдельные анархические революционные убийства» [1, с. 469] – «происходило это от того, что Столыпин, вступая в министерство внутренних дел в такое трудное время, не имел решительно никакого понятия об организации русской секретной полиции и об её функциях» [1, с. 470].

Подробно Витте излагает события, предшествующие 1 сентября 1911 г.: «...для мало-мальски дальновидного человека было ясно, что это торжество накануне его политической гибели» [1, с. 546].

Передавая основные содержательные моменты столыпинской «катастрофы», Витте сосредоточился на «последствиях режима Столыпина», его «гибельных итогах»: «В своём беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда» [1, с. 559].

Ответ на русский вопрос «кто виноват?» для С. Ю. Витте очевиден: «Виноват сам Столыпин: он был министром внутренних дел, он был главою всей полиции» [1, с. 560].

Н. В. Коковцов (1853–1943), министр финансов в правительстве Столыпина, был вместе с ним в Киеве и отразил это событие в своих воспоминаниях «Из моего прошлого» (1933, Париж). В Предисловии к воспоминаниям автор так определил свою позицию мемуариста: «Я не пишу

истории моего времени. Я говорю о том, что было при мне и при моём непосредственном участии» [4, с. 30]. Именно этим интересны и важны для нас воспоминания В. Н. Коковцова: он честный и правдивый свидетель 1 сентября 1911 г. в Киеве. В тексте воспоминаний Коковцова понятия «покушение на Столыпина», «смерть Столыпина» получают реальность исторического документа, пропущенного через свидетельские показания очевидца-современника. Сильными сторонами этого трагического сюжета в изложении Коковцова являются хроникальность, осведомлённость о внешней, парадной, процедурной/процессуальной составляющей события, а также о её внутренней, скрытой, потаённой, метафизической атмосфере.

«27-го августа 1911 г. ... я выехал, как желал того Столыпин, в Киев и прибыл туда вечером 28-го числа <...> Наутро 29-го... я отправился к Столыпину и застал его далеко не радужно настроенным...» [4, с. 37]. Далее, сразу же – характеристика киевской атмосферы и «4 роковых дней пребывания в Киеве» [4, с. 37].

«Два дня мы объезжали город и его окрестности вместе <...> Мы буквально не разлучались эти 2 дня <...> Вместе были на скачках, вместе были в Лавре, вместе вошли и вышли вечером из Купеческого сада», т.е. везде где «легко могло совершиться покушение Багрова» [4, с. 38]. «Вместе мы приехали в 8 ч. вечера 1-го сентября в городской театр на парадный спектакль» [4, с. 38].

И вот пошли театральные кадры – вплоть до «двух глухих выстрелов» [4, с. 40] и кульминационной сцены: «Я побежал к Столыпину, стоявшему ещё на ногах <...> Столыпин, шатаясь, обернулся к царской ложе, совершил крестное знамение в её сторону и стал опускаться в кресло <...> Столыпина понесли на кресле к проходу <...> царская семья появилась в ложе <...> раздались звуки народного гимна <...> государь кланялся публике, затем быстро начался разъезд» [4, с. 40]. Коковцов вышел из зала, узнал: преступник задержан, подвергается допросу, царская семья выехала благополучно, Столыпин отвезён в клинику доктора Маковского.

Он выехал тотчас туда и «распорядился установить какой-либо внешний порядок» [4, с. 40]. В лечебнице Коковцов узнаёт – со слов одного из врачей, – что «дело скверно». «Его слова оказались пророческими» [4, с. 41].

«2-го сентября, с 9-ти часов утра» Коковцов «был уже снова в лечебнице Маковского». Столыпин «немедленно позвал <его> к себе, передал ключи от своего портфеля, просил разобрать в нём бумаги и доложить наиболее спешное государю в этот же день, в назначенное для него время, в 4 ч. дня, а затем высказал желание повидать на минуту генерала Курлова и переговорить с ним наедине» [4, с. 42].

«В 12 ч. было назначено молебствие в Михайловском соборе об исцелении Петра Аркадьевича» [4, с. 43]. Как отмечает Коковцов, «никто из царской семьи не приехал и даже из ближайшей свиты государя никто не явился» [4, с. 43]. Коковцов отправляется «на всеподданнейший доклад»: «Государя я нашел совершенно спокойным <...> он утвердил по обыкновению всё, что ему было предложено именем Столыпина» [4, с. 44]. Коковцов «передал всё, что успел узнать об обстоятельствах, при которых преступник оказался в театре» [4, с. 45].

3 сентября приехал министр юстиции Щегловитов, и возник вопрос «по существу совершенного преступления»: «...следствие успело уже выяснить вопиющую халатность (курсив мой. – А. В.) в действиях охранного отделения, генерала Курлова и его ближайших подчинённых» [4, с. 45].

«Утром 4-го приехала О. Б. Столыпина». Коковцов «встретил ее на вокзале, привёз в лечебницу и сдал больного всецело на её руки» [4, с. 46]. «Его состояние становилось всё хуже <...> он начинал терять сознание, бредил и стонал» [4, с. 46]. Был в лечебнице и государь, больного не видел, пробыл недолго, вынес впечатление, что Коковцов «преувеличивает опасность», и «уехал в Чернигов, откуда возвратился в 6 ч. утра 6-го сентября, не заставши уже Столыпина в живых. Его не стало в ночь с 5-го на 6-е число <...> около 5-ти часов дня больной впал в забытие, не выходя из которого и перешёл в вечность» [4, с. 46].

Утром 6 сентября Коковцов встречает государя на паровой пристани: тот «выслушал ... краткий доклад и сказал, что едет прямо поклониться праху Столыпина» [4, с. 50]. В лечебнице отслужили панихиду, и «государь ... вернулся в Николаевский дворец» [4, с. 51].

Далее события разворачиваются во дворце: государь «со своей обычной улыбкой» «просит» Коковцова «быть... председателем Совета министров, оставаясь, разумеется, и министром финансов» [4, с. 52]. В разговоре «на ногах» намечился конфликт, связанный с «кандидатурой на должность министра внутренних дел» [4, с. 52].

После письма Коковцова, уже из Петербурга, царь согласился на предложение премьера, и мемуарист излагает содержание письма государя, из которого можно было сделать определённый вывод: «В этих словах было явное неодобрение политики только что сошедшего столь трагическим образом со сцены Столыпина...» [4, с. 60].

В следующей главе Коковцов пишет о первом «медовом месяце» в должности председателя Совета министров: поездке в начале октября 1911 г. в Ялту, Ливадию на встречу с государем – и приводит беседу с императрицей Александрой Фёдоровной в контексте столыпинской темы. «Я бук-

вально записал её слова, сказала по-французски: “Слушая Вас, я вижу, что вы делаете сравнения между собой и Столыпиным. Мне кажется, что Вы очень чтите его память и придаёте слишком много значения его деятельности и личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало <...> Опирайтесь на доверие государя – Бог Вам поможет. Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место, и что это – для блага России”» [4, с. 66]. «В ту минуту, как и теперь, – пишет Н. В. Коковцов, – мне было ясно одно: о Столыпине, погибшем на своем посту, через месяц после его кончины уже говорили тоном полного спокойствия, мало уже кто и вспоминал о нём...» [4, с. 66].

В контексте решения многих вопросов, связанных со Столыпиным и его политикой, в «Воспоминаниях» Н. В. Коковцова выделяется ещё один важный момент, касающийся «дела по обвинению генерала Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича» [4, с. 175]. Как обычно, Коковцов излагает события, опираясь на первоисточники, в данном случае – на разговор с государем, который «закрыв дело»: «Я хочу ознаменовать исцеление моего сына каким-нибудь добрым делом (курсив мой. – А. В.) и решил прекратить дело по обвинению генерала Курлова» [4, с. 175]. Н. В. Коковцов прямо высказал своё мнение – «только для того, чтобы Вы не имели повода упрекнуть меня, что я не предостерёг Вас от вредных последствий вашего великодушного шага <...> вашим решением Вы закрываете самую возможность пролить свет на это тёмное дело (курсив мой. – А. В.), что могло дать только окончательное следствие, назначенное сенатом» [4, с. 176, 177].

29 января 1914 г. Н. В. Коковцов получил «собственноручное письмо государя о своем увольнении» [4, с. 337–338].

Политические аспекты «убийства Столыпина» ярко раскрываются в «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова (1955, Нью-Йорк), это часть седьмая, посвящённая Третьей Государственной думе. П. Н. Милюков (1859–1943) – лидер кадетской партии, председатель фракции в Государственной думе.

В разделе «Разложение Думского большинства (Эволюция Третьей Думы)» Милюков прямо пишет: «Основным ферментом разложения Третьей Думы являлся сам её творец: Столыпин» [5, с. 67]. И здесь же, в контексте судьбы Столыпина Милюков даёт его политический портрет: «П. А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от её “великих потрясений”. В эту свою задачу он внёс свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и в своё назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте» [5, с. 67].

Изложив основные стадии столыпинской тактики в Третьей Думе, Милюков указывает на основной вектор: «отступление вправо» [5, с. 70], «двойное обличье – либерала и крайнего националиста» [5, с. 74], и выделяет в этой части целый раздел, посвящённый «убийству Столыпина», он называется «Der Mohr kann gehen (Мавр может уйти)» [5, с. 80]. П. Н. Милюков активно опирается на «Воспоминания» Н. В. Коковцова: «Приехав в Киев 28 августа, Коковцов застал Столыпина в мрачном настроении» [5, с. 80]. «31 он предложил Коковцову сесть в его экипаж <...> так разъезжали по городу два министра два дня – и вместе приехали вечером 1 сентября на парадный спектакль в городском театре» [5, с. 81]. В двух предложениях Милюков описал ситуацию – и вышел на покушение: «...не успевший выйти из зала Коковцов услышал два глухих выстрела. Убийца, еврей Богров, полуреволюционер, полуохранник, свободно прошел к Столыпину, стоявшему у балюстрады оркестра, и так же свободно выстрелил в упор» [5, с. 81]. И далее – опять конспект воспоминаний Коковцова: «Коковцов, вместо вокзала, поехал в клинику и автоматически принял на себя обязанности Столыпина» ([5, с. 81] – имеется в виду обязанности премьера). Затем – молебствие в соборе «в полдень 2 сентября» [5, с. 81]. «4 сентября вечером, соблюдая программу, Николай отплыл в Чернигов <...> Столыпин был ещё жив, но уже терял сознание, и царь его не видал. В ночь на 6-е Столыпин скончался, несмотря на успокоительные прогнозы доктора Боткина <...> царь, прямо с пристани, поехал в лечебницу поклониться его праху» [5, с. 82]. П. Н. Милюков идёт по основным событийным моментам, связанным с поведением государя в эти дни: «Коковцов правильно усмотрел в этих намёках “явное неодобрение политики только что сошедшего столь трагическим образом со сцены Столыпина” <...> и если царь выражался намёками, то царица высказывалась прямее и категоричнее» [5, с. 83]. Милюков передаёт разговор Коковцова с Александрой Фёдоровной 5 октября 1911 г. Сразу после слов царицы Милюков приводит строки, вынесенные в заглавие раздела:

Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan,
Der Mohr kann gehen

(«Мавр сделал своё дело – мавр может уйти (из трагедии Шиллера «Заговор Фиеско») [5, с. 84]).

И в самом начале восьмой части своих воспоминаний «Четвёртая Дума» П. Н. Милюков как историк-мемуарист отмечает: «Убийство Столыпина 2 сентября 1911 года было естественным концом того этапа нашей внутренней политики, который представлен Третьей Государственной Думой» [5, с. 133].

Интереснейшие материалы, касающиеся «1 сентября 1911 года», представлены в «Вос-

поминаниях» В. Ф. Джунковского (1865–1938), московского губернатора (1905–1911), командира Отдельного корпуса жандармов, товарища министра внутренних дел (январь 1913 – август 1915). Джунковский писал свои «Воспоминания» в начале 1920-х гг., во всеоружии своего опыта государственной службы: по должности 1913–1915 гг. он отвечал за охрану государя и царской семьи. Поэтому он начинает изложение Столыпинского конца (покушение и кончина) именно с охранных аспектов: «Согласно высочайшего повеления, по представлению Столыпина, начальником всей охранной службы назначен был Курлов – товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов, которому, таким образом, были подчинены все представители киевской администрации...» [6, с. 598].

Джунковский сразу же указывает на возникшие «трения», которые неизбежны при таком «порядке охраны», и прямо формулирует свое мнение: «Неправильное по существу и логике решение Столыпина, закреплённое высочайшим повелением, устранявшее местные власти, не замедлило сказаться и на деле, а неправильная постановка дела охраны <...> не могли не привести к катастрофе...» [6, с. 599].

Далее идёт профессиональная хроника: «1 сентября в Киеве в городском театре был назначен торжественный спектакль в высочайшем присутствии <...> была избрана особая комиссия (по воспоминаниям Курлова, стр. 144. – А. В.) для распределения билетов» [6, с. 599]. 2 сентября «вся Россия содрогнулась, прочитав телеграмму министра императорского двора, посланную всем губернаторам: “Первого сентября во время второго антракта народного спектакля в киевском городском театре на жизнь Председателя Совета Министров П. А. Столыпина было произведено покушение”» [6, с. 599]. Следом Джунковский излагает поступавшие подробности: «П. А. Столыпин остался в партере <...> опершись на барьер, разговаривал с графом Потоцким <...> В это время к ним подошёл молодой человек <...> Блеснул револьвер, раздались два коротких сухих выстрела. Столыпин... резким движением расстегнул китель и снял его. Над правым карманом белого кителя виднелось красное пятнышко. Только тут стало ясно, что произошло покушение <...> повернулся к царской ложе и перекрестил её <...> отвезли в частную лечебницу доктора Маковского. Положение раненого было признано очень тяжёлым <...> Опасались поражения печени, что и оказалось впоследствии» [6, с. 600].

Как московский губернатор Джунковский пишет о восприятии этого печального события в Москве: «...известие о злодейском покушении передавалось из уст в уста, все слои общества одинаково негодовали» [6, с. 600]. Получив раз-

решение министерства внутренних дел, Джунковский «выехал в Киев, но уже не застал Столыпина в живых. Он скончался 5 сентября <...> Он выразил желание быть похороненным в Киеве, несмотря на то, что в Москве находился семейный склеп Стольпиных. Воля почившего была свято выполнена <...> по высочайшему повелению, для погребения отвели место в лавре, рядом с исторической могилой Кочубея и Искры <...> Здесь был весь русский Киев и множество прибывших» [6, с. 602].

И далее Джунковский выражает свои чувства в отношении Столыпина-человека и государственного деятеля, «рыцаря России, воина Русского государства» [6, с. 602].

Вернувшись в Москву, Джунковский издаёт приказ по полиции (от 13 сентября): «5 сентября от ран, нанесённых рукою убийцы, скончался Председатель Совета Министров, статс-секретарь Пётр Аркадьевич Столыпин. Чувствами глубочайшей скорби и острого негодования отозвалась Россия на весть о предательском нападении на почившего. В течение нескольких дней мысль всех русских людей была прикована к Киеву, где медленно угасал бесстрашный слуга Престола и Родины <...> Будем же, следуя его доблестному примеру, бесстрашно бороться с врагами Престола, какие бы опасности ни возникали на пути исполнения нашего долга» [6, с. 604, 605].

Именно следуя своему пониманию «долга», Джунковский пишет о «преступной политике охранных отделений...», как в Киеве»; «Убийцей Столыпина оказался Богров, агент охранного отделения. Убийство особенно ужасно своей простотой и лёгкостью, с какою оно было совершено» [6, с. 606].

Здесь можно привести второе отступление, в котором современный автор «Жизнеописания» П. А. Столыпина Г. Сидоровнин в главе XV «Смерть» приводит среди других материалов «Показания Богрова» (7, с. 458–469) и заключает: «...похоже, тайну главного для России убийства Богров унёс с собою в могилу» (7, с. 470).

Особо неприятен Джунковскому генерал Курлов, который «в своих воспоминаниях об этой, более чем печальной трагедии <...> старается выгородить себя, <...> пытается свалить вину на покойного министра, а это приём уже более чем недостойный» [6, с. 607]. Столыпин же, считает Джунковский, «доверившись» Курлову, «пал жертвой этого доверия» [6, с. 607].

Таким образом, мы видим, что трагическое событие 1 сентября 1911 г. в Киеве, смерть П. А. Столыпина, оставило свой яркий след и в государственной, политической жизни России, и в памяти современников. Особенно интересны и показательны в этом плане воспоминания видных

участников-свидетелей того временного периода, самой «катастрофы»: графа С. Ю. Витте, министра финансов, ставшего премьером Н. В. Коковцова, лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, генерал-майора Свиты, московского губернатора (1905–1912), товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915) В. Ф. Джунковского. В их мемуарах стольпинский сюжет излагается со знанием дела и пониманием (в разных, но взаимосвязанных аспектах) существа события – в его внешних и внутренних слагаемых и проявлениях.

Воспоминания Н. В. Коковцова и сейчас могут быть основой телесериала «1 сентября 1911» или художественного фильма «Смерть Столыпина». А какие «стилистические страсти» кипят в мемуарах С. Ю. Витте, как точен и вместе с тем метафоричен в своей аналитике П. Н. Милюков, как честен и верен своему долгу В. Ф. Джунковский.

Вот кого нужно было бы прочитать современному публицисту В. Шамбарову [8], чтобы понять и «тайну преступления», и «версии заказа», и «действующие силы». Труды наших мемуаристов дают/раскрывают атмосферу времени, российские нравы, механизмы государственной системы. И это главное.

Список литературы

1. *Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. Т. 3. (17 октября 1905–1911). Царствование Николая II. М. : Соцэкгиз. 1960. 724 с.
2. *Голиков А.* Воспоминания С. Ю. Витте : публикации и публикации // Российская история. 2021. № 6. С. 159–167.
3. *Русин Д.* Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С. Ю. Витте в политической жизни России конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2021. № 4. С. 137–147. <https://doi.org/10.31857/S086956870016253-9>
4. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919 / сост., авт. вступ. ст., коммент. С. С. Волк. М. : Современник, 1991. 590 с. (Серия мемуаров «Память»).
5. *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. Т. 2. / сост., авт. вступ. ст. М. Г. Вандалковская. М. : Современник. 1990. 446 с.
6. *Джунковский Ф. Ф.* Воспоминания : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Л. Паниной.; предисл., примеч. И. М. Пушкарёвой, З. И. Перегудовой. М. : Изд-во им. Сабашниковых. 1997. 736 с.
7. *Сидоровнин Г. П.* А. Столыпин. Жизнь за Отечество : Жизнеописание (1862–1911). Саратов : Культ. центр им. П. А. Столыпина (ГУП Сарат. полигр. комб.), 2002. 600 с.
8. *Шамбаров В.* «Им нужны были великие потрясения» // Свой. 2021. № 8. С. 4–7.

Поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 238–244

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 238–244

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-238-244>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Солженицын+Столыпин]

Образ П. А. Столыпина у А. И. Солженицына

Г. М. Алтынбаева , Л. Е. Герасимова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, altynbaevagm@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Герасимова Людмила Ефимовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, gerasimovale@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1677-3388>

Аннотация. В статье на материале «Красного Колеса», «Дневника Р-17», мемуаристики и публицистики А. И. Солженицына проанализирован образ П. А. Столыпина. Авторы прослеживают, каким путём шёл писатель в работе над художественным воплощением образа одного из самых выдающихся отечественных государственных деятелей XX в., показывают мастерство Солженицына в стремлении открыть читателю всю «рельефность», «экспрессивность» этой великой фигуры и значение судьбы Столыпина для будущего России. Авторы исследования прослеживают, как в «Красном Колесе» судьба Столыпина связана с судьбой России, поднимаясь вслед за Солженицыным к пониманию Столыпина как ответственного перед Россией «делателя». В ходе исследования подробно проанализирована столыпинская глава с обзорами в «Августе Четырнадцатого». Это позволило авторам статьи осознать образ Столыпина, с одной стороны, как «узловой» в «Красном Колесе», с другой стороны, как любимого солженицынского героя, при всей достоверности всё-таки поданного очень лично, сочувственно, через «диалектику души». Перед читателем предстаёт прямолинейный, волевой, динамичный, целеустремлённый и нравственно выдержанный политик. Важны для понимания образа Столыпина сюжетные линии Гучкова, Богрова, Николая II. Обращая внимание на этих героев, авторы статьи показывают роль Столыпина и в их судьбах. В «Красном Колесе» художественный образ Столыпина создается сложными формами несобственно-прямой речи, цитирования, свободного косвенного дискурса, чередованием сцен и сводок (суммарного изложения событий), богатством авторских «врезок», многофункциональностью иронии. В ходе исследования к работе были привлечены тексты выступлений П. А. Столыпина, воспоминания его детей, биография, мнения историков. Выбранный исторический контекст позволил глубже понять солженицынский историзм и историософское мышление писателя.

Ключевые слова: П. А. Столыпин, А. И. Солженицын, «Красное Колесо», «Дневник Р-17», историзм

Для цитирования: Алтынбаева Г. М., Герасимова Л. Е. Образ П. А. Столыпина у А. И. Солженицына // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 238–244. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-238-244>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of P. A. Stolypin in A. I. Solzhenitsyn's works

G. M. Altynbaeva , L. E. Gerasimova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gulnara M. Altynbaeva, altynbaevagm@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Ludmila E. Gerasimova, gerasimovale@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1677-3388>

Abstract. In the article the image of P. A. Stolypin is analyzed on the material of *The Red Wheel*, *Diary R-17*, memoirs and essays by A. I. Solzhenitsyn. The authors trace the course the writer took while working on the artistic presentation of the image of one of the most prominent Russian state figures of the 20th century; they show Solzhenitsyn's artistry in endeavoring to reveal to the reader all the "prominence", "expressiveness" of this great person, as well as the significance of Stolypin's destiny for the future of Russia. The authors of the research observe how in *The Red Wheel* Stolypin's destiny is linked to that of Russia, following Solzhenitsyn in comprehending Stolypin as a "doer" responsible to Russia. In the course of the research Stolypin's chapter with reviews in *August 1914*, has been analyzed in detail. This enabled the authors to grasp Stolypin's image as the focal one in *The Red Wheel*, on the one hand, and, on the other hand, as Solzhenitsyn's favourite character, conveyed realistically, and, at the same time, personally, compassionately, through "the dialectic of the soul". The reader perceives a straightforward, strong-willed, dynamic, determined and ethically wholesome politician. The storylines of Guchkov, Bogrov, Nikolas II are essential to understanding Stolypin's image. Focusing on these characters, the authors of the article show Stolypin's role in their destinies. In *The Red Wheel* the artistic image of Stolypin is created by complex forms of inner monologues, quotes, free indirect discourse, the alternation of scenes and reports (summaries of events), by

the abundance of the author's "insertions", by the multiple functions of irony. In the process of research the texts of P. A. Stolypin's speeches were drawn upon, his children's reminiscences, his biography, historians' opinions. The chosen historical context provided a valuable insight into Solzhenitsyn's historical method and the writer's historiosophic reasoning.

Keywords: P. A. Stolypin, A. I. Solzhenitsyn, *The Red Wheel*, *Diary R-17*, historical method

For citation: Alтынбаева Г. М., Герасимова Л. Е. The image of P. A. Stolypin in A. I. Solzhenitsyn's works. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 238–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-238-244>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В «очерках изгнания» «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» Александр Исаевич Солженицын признался, что для него с юности убийство Столыпина было фактом, «заножавшим загадкой» [1, с. 112]. В разговоре с французским журналистом Бернаром Пиво писатель заявил: «Если бы Столыпин не был убит, <...> и Россию нельзя было бы свалить так легко. Я глубоко убеждён, что убийство Столыпина, выстрел этот, решил судьбу развития России...» («Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения», Кавендиш, 31 октября 1983) [2, с. 177]. В 18 лет начав работу над историей русской революции, Александр Солженицын не мог обойти образ этого великого человека, который «вытянул из хаоса и Россию, и династию, и царя» («Размышления над Февральской революцией») [3, с. 399].

Выступая в Саратовском университете, А. И. Солженицын сказал: «Почему я стал писать о Столыпине? Потому что это один из самых оболганных и в то же время – один из величайших государственных деятелей России и, несомненно, самый великий наш государственный деятель в XX веке» («Встреча в Саратовском университете, 13 сентября 1995») [4, с. 323].

Столыпин – одна из самых мифологизированных фигур русской истории. Миф о Столыпине-вешателе безболезненно сменился в массовом сознании мифом о Столыпине-мученике и национальном герое. Солженицын убеждён: «Как бы ни относиться к Столыпину, одни считают его либералом, другие считают его консерватором, – но это крупный государственный деятель России, как же можно подвергать его цензуре?» («Телеинтервью с конгрессменом Лебутийе об американском радиовещании на СССР», 12 октября 1981) [5, с. 571].

Солженицын как художник, изображая Столыпина, «давшего своё направление, свет и имя предвоенному десятилетию России» [6, с. 435], в «Красном Колесе» усложняет понимание не только этого десятилетия, но и всей русской истории XX в. Писатель открывает *узловой* для русской судьбы характер.

По словам самого Солженицына, работа над образом Столыпина началась с чтения его речей (первое прочтение – в 1972 г.), затем полноценную помощь он смог получить уже в изгнании, оказавшись в мае 1975 г. в Гуверовском институте (США), где «познакомился с обильными

материалами столыпинской жизни, всей его деятельности и убийства его» («Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала “Тайм”», Кавендиш, 23 мая 1989) [2, с. 329].

Записи «Дневника Р-17» [7] за июль-август 1972 г. и особенно за весь 1976 г., когда в Вермонте шла основная работа над «столыпинским циклом», дают представление о том, как Солженицын шёл от поисков путей включения Столыпина в роман к завершающим выводам о важности работы над образом этого героя для общего понимания механизма выстраивания диалога с читателем в сюжетно насыщенных переломных «узлах» «Красного Колеса».

В 1972 г., работая над главами о Гучкове, Солженицын быстро приходит к пониманию того, что Столыпин, как значимую фигуру истории, нельзя дать в дополнение к линии Гучкова; при этом Столыпину пока нет полноценного места в романе, которое бы соответствовало его положению. Солженицын признаётся, что сначала интуитивно предчувствовал своего героя, но после прочтения текстов столыпинских публичных выступлений пришло убеждение представить эту великую фигуру как ключевую для современного обезумевшего мира. Но возможно это только при условии, если показать Столыпина рельефно, экспрессивно (см. запись от 29.08.1972) [7, р. 196–197].

Солженицын признаётся, что не столько сам факт, что фигура Столыпина была искажена и покрыта ложью в русской историографии, подтолкнул к работе над этим героем, сколько его полезность для современной мировой истории. Именно эта необходимость требовала ввести его полноправно (см. запись от 29.08.1972) [7, р. 197].

Трудности в ходе работы над столыпинским сюжетом были связаны и с формой подачи, и с объёмом, и с масштабом охвата исторического материала.

Изучив много текстов самого Столыпина и материалов о нём, Солженицын понял, что было бы ошибкой всё это взять и уместить в одну главу с обзорами. И тогда пришло решение: отобрать крошечные зёрнышки, чтобы через них эта великая фигура выростала во весь рост, во всей полноте (см. запись от 15.07.1976) [7, р. 303]. Психологическую напряжённость описываемых исторических событий Солженицын создаёт за

счёт сопоставления столыпинских речей с тем контекстом – днём, местом, – в котором они были произнесены. Проблему создавала избыточность внешних обстоятельств, что приводило к размыванию линии героя, и сам автор, сбитый с толку, не всегда был в состоянии сказать то, что нужно, в лучшее время и лучшими словами (см. запись от 25.10.1976) [7, р. 316].

Глава с обзорами – вот форма, которую продиктовал Солженицыну столыпинский материал. В «Дневнике Р-17» записано, что именно эта большая глава с обзором о Столыпине (в «Августе Четырнадцатого» глава 65' занимает больше 80 страниц) станет ключом к пониманию истории государства после манифеста 1905 г. (см. запись от 28.01.1976) [7, р. 294]. Более того, по замыслу Солженицына, материал о Столыпине должен подвести читателя к образу возрождающейся России. Композиционно положение столыпинской главы также было тщательно продумано: сразу после глав о Самсонове, в окружении глав, посвящённых гражданской жизни (см. запись от 17.01.1976) [7, р. 293].

Солженицын увидел в Столыпине характер «узловой». К тому же герой, ощущающий в себе «перекрестье всех тяжёлых России» [8, с. 269], близок автору психологически.

Соединяя историю случившегося и историю «в сослагательном наклонении», Солженицын видит в судьбе Столыпина трагический конфликт «опозданных годов» России. «Опозданных» во многих отношениях, в том числе и в непоправимом разрыве власти с общественным мнением. Исследуя этот разрыв на протяжении всего XIX в., историк В. В. Пугачёв отмечает, что расхождение власти с интеллигенцией усиливалось с каждым десятилетием после казни декабристов и было «не столько политически, сколько нравственным, психологическим» [9, р. 33].

Многие в России – вопреки ожиданию Столыпина – не сумели «отличить кровь <...> на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей, применяющих самые чрезвычайные, может быть, меры с одним только упованием, с одной надеждой, с одной верой – исцелить трудно больного» [10, с. 77]. Для реального исторического Столыпина не было нравственно безупречного выбора. Долг государственного деятеля велел ему, безжалостно подавляя беспорядки, направить нравственную силу на обновление страны. Для Солженицына, обращающегося к конкретным историческим обстоятельствам и понимающего, что Столыпин не был «влюблён в виселицу» (как язвил Л. Толстой), важен и выбор Столыпина, и вечный, не решаемый историей конфликт государства и частного человека. Коллизия «Медного всадника».

Столыпин для Солженицына – «делатель», *ответственный* перед историей, перед Россией с ее традициями и исторической правдой, и это отделяет его и от безответственных болтунов в Думе, и от «бомбовых социалистов». Путь Столыпина – созидание. «Он принял государственную жизнь в расползе и хаосе – и вытягивал созидательно» [8, с. 176]. «Он – всё вложил в свою государственную линию, он вёл её сердцем, умом и жизнью» [8, с. 184].

«Ответственность – величайшее счастье моей жизни», – говорил реальный П. А. Столыпин [10, с. 364]. Ответственность правительства видел он и в точном ощущении *времени* истории, *скорости* истории, в отказе от опозданий и неподготовленных ускорений. Его ответственность – ответственность делателя.

Для Солженицына здесь ядро характера, центр, вокруг которого концентрируется, как писал А. П. Скафтымов, «внутренний состав персонажа». В петитной 65-й главе «Августа Четырнадцатого» и в последующих главах создается именно *художественный* образ Столыпина. Создается сложными формами несобственно-прямой речи, цитирования, свободного косвенного дискурса, чередованием сцен и сводок (суммарного изложения событий), богатством авторских «врезок», многофункциональностью иронии.

Особое значение приобретают *масштаб*, *ритм* отображения сознанием героя частных и государственных событий. «Столыпинские» главы по ритму создаваемого образа противоположны главе о Николае II. Для императора в изображении Солженицына течение жизни определяется семейными радостями и заботами, сменой настроений, а исторические события, государственные дела, которые «и поднять нельзя и обойти нельзя. Крест Господень» [8, с. 361], врываются, раздражая и пугая. Столыпин же идёт «по лезвию, между двух бездн» [8, с. 178], ощущает каждый день как последний, каждое дело как неотложное; частное, личное отступает.

Полемическая заострённость, любовь писателя к своему герою берут верх над беспристрастностью историка. Сын П. А. Столыпина, Аркадий Столыпин, оценивая главы «Августа Четырнадцатого», посвящённые «политическому творчеству» его отца, как «неоценимый вклад в изучение и понимание эпохи Думской монархии», отмечая психологическую проницательность Солженицына-художника («А. Солженицын проник глубоко, как пожалуй никто до него, в самую глубь личности моего отца» [11, с. 59]), во многом не соглашается с его трактовкой характера Николая II.

Авторское повествование отличается «векторностью». Точно так же развиваются, прорываются через боль и бред предсмертные размыш-

ления героя о своей жизни. Солженицын пишет «собой» разных героев. Столыпин особенно. Даже предсмертное обращение Столыпина к Богу в романе очень похоже на молитву Солженицына – по духу и по стилю. «Как это устроено Тобою, Господи, с непонятным планом для нас: сколько бы Ты ни отпустил каждому сделать, сколько б раз мы ни пересекли наш последний предел замысла, – но на каждом новом горизонте и даже на последнем горизонте смерти – ещё больше, ещё больше тревожно неуправного, где так нужен я, но Ты повелел рукам моим опуститься» [8, с. 268] – так молится в романе Столыпин. А в «крохотке» «Молитва» Солженицын благодарит Бога: «Когда расступается в недоумении / или сникает ум мой, / когда умнейшие люди / не видят дальше сегодняшнего вечера / и не знают, что надо делать завтра, – / Ты снисылаешь мне ясную уверенность, / что Ты есть / и что Ты позаботишься, / чтобы не все пути добра были закрыты». И самый конец молитвы: «А сколько не успею –/значит, Ты определил это другим» [13, с. 554].

Сравним с письмом реального П. Столыпина жене от 26 апреля 1906 г. из Петербурга: «...Вчера судьба моя решилась! Я Министр Внутренних Дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть мира. И это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне. Я чувствую, что Он не оставляет меня, чувствую по тому спокойствию, которое меня не покидает...» [13, с. 16].

Столыпин у Солженицына – человек прямой линии, идущий «с открытым забралом», динамичный (любит ходьбу, верховую езду, задыхается в «зачехлённом» Зимнем дворце). Спрессовывая мемуарные источники, Солженицын плавно переходит от авторского повествования к непосредственно-прямой речи, подчёркивает контраст живой динамики личности премьеры и мёртвой статичности доставшейся ему придворной среды. В воспоминаниях дочери Столыпина М. П. Бок даётся описание Зимнего дворца, удручающего и детей, и самого Петра Аркадьевича: «Строгой и стройной анфиладой тянулись зала за залой, гостиная за гостиной. Гордо и уверенно глядели со стен портреты императоров и таинственно блестела в полумраке позолота рам, мебели и люстр. А в тронном зале покрытый чехлом трон навесил тяжелые думы. Странно: сильна и крепка была еще монархия, на недостижимой высоте, окруженный ореолом вековой славы, возглавлял Россию её император; революция притихла, припала к земле, примолкла... а вместе с тем, какое-то инстинктивное чувство сжимало грудь в этом

огромном дворце, никогда больше не оживавшем, не видящем теперь ни нарядных балов, ни приёмов, будто забытом всей царской семьёй...» [13, с. 192]. А вот описание этого же интерьера в «Августе Четырнадцатого»: «В залах Зимнего горели только дежурные лампочки, отчего было ещё мрачней. В полумраке тускнела позолота рам безчисленных портретов, позолота и хрусталь несветящих люстр. Чехлами была покрыта неподсчитанно богатая отслужившая мебель, столько высокоумных сановников принимавшая в свои изящно-изогнутые объятия, а вот с пустыми затянутыми зевами, с застывшей хваткой мертвецов. И чехлом же был покрыт императорский трон. Как тоже отслуживший» [8, с. 163]. Автор заостряет, «договаривает» ощущения героя: «И забирала продрожь: да жива ли русская монархия? И та династия, что готовилась к 300-летию? ... Перепуганным Манифестом 17 октября не сама ли себя удушала? За этой мёртвой мебелью Столыпин ощущал тысячи высокопоставленных живых мертвецов, кто сбившейся своей толпой хотел бы остановить всякое движение истории» [8, с. 163]. Автор романа передаёт подлинное настроения Столыпина, легко восстанавливаемые по биографическим источникам, но как художник он концентрирует эти настроения, пропитывает их силой своего сочувствия, почти психофизическим ощущением мучительности выбора «почти невероятного пути» – «пути равновесной линии по обломочному хребту» [8, с. 163].

В «Красном Колесе» Столыпин дан как человек волевого упора. Немецкий журналист спрашивал у А. И. Солженицына во время интервью: может ли писатель изменить нравственный портрет политического деятеля тем, что «в известном смысле вставит механизм психологии в структуру персонажа». «Я не вставляю психологический механизм от себя, – ответил Солженицын. – Я всеми силами стараюсь открыть, каким он мог быть» («Интервью немецкому еженедельнику “Ди Цайт”» (Интервью ведёт Фриц Раддац), Мюнхен, 8 октября 1993) [2, с. 452].

Автора увлекает единоборство Столыпина со «сферами», мертвящими и каменно-неподвижными, с «чвакающей средой», сложная тактика премьер-министра, вынужденного «балансировать, чтобы не повредить уязвимых робких чувств Государя». Страстно-напряжённо следит писатель за борьбой Столыпина с Думой. Политическое содержание этой борьбы передано документально точно. От романиста – ритм, темп повествования, микропсихология фразы. Темп повествования то убыстряется авторским гневом, то замедляется, чтобы читатель (в отличие от современников героя) мог замедленно-укрупнённо увидеть точки, в которых история могла бы повернуть, но не повернула.

В «точках бифуркации» истории наиболее приложим к ней *нравственный* критерий. Именно здесь особенно пристально разглядывает писатель не только дела, слова, но и побуждения людей. В столкновениях Столыпина с противниками его реформ особый интерес вызывают позиции людей нравственно чистых, любящих народ и ищущих пути изменения жизни. Таким противником, оппонентом Столыпина предстает в романе Дмитрий Шипов: «...он возражал против разгона Думы – не по взрывоопасности такого действия, но: какая есть, неработоспособная, неработоохочая, бунтарская – пусть, пусть Дума делает ошибки! Куда б она Россию ни завела, это естественное развитие: население будет знать, что это – ошибки его избранников, и исправит при следующих выборах. А Столыпин возражал, что прежде такой проверки свалится вся телега. Что в России опаснее всего – проявление слабости. <...> Мало иметь правильные мысли – нужно проявить и волю, осуществляя их. А Шипов возражал, что и уверенная воля и успешные действия тоже не всё, но выше того должна быть глубина нравственного мирозерцания – и в его недостатке винил Столыпина» [8, с. 151–152].

Солженицын верит в искренность Столыпина, в то, что ему важно остановить «размашистый расшат России» ради созидательной программы. «Тут и была вся программа начатого боя: обе стороны хотели *поднять* крестьянство: радикальные интеллигенты – поднять на поджоги и погромы, чтобы развалить и перепрокинуть русскую жизнь; консервативно-либеральный правитель – поднять крестьян в благосостоянии, чтобы русскую жизнь укрепить» [8, с. 157].

Когда писался «Август Четырнадцатого», как справедливо замечает автор, ему пришлось прибегнуть к «излому романной формы», т. е. взять на себя и функцию документалиста, потому что раньше того «была грубо изломана сама история России, вся память её, и перебиты историки» [8, с. 509]. Романисту пришлось не только расчищать путь от завалов лжи советской историографии, от «гибкой словесности» и «неотмываемого оболгания» прессы разных лет, но и концентрированно излагать программу Столыпина.

Видит ли Солженицын промахи, ограниченность Столыпина или только восхищается своим героем? Видит. Цитируя речи Столыпина, писатель вдруг неожиданно в скобках откомментирует: «...он скользил ногой по основам того Манифеста, который тщился сохранять» [8, с. 209]. Солженицын-историк отмечает и нажим на закон (в случае с западными земствами), и тактические просчеты в отношениях с Думой

и Государственным советом, и некоторую недооценку внешней политики. Романисту важнее трагический конфликт, в который был втянут Столыпин: «упущенные десятилетия» усилили «незаживающее пыланье» крестьян, углубили непоправимый разрыв власти и интеллигенции. Выбор: действовать или обречённо отступить в этой ситуации – трагический выбор. И именно на нём сосредоточен писатель. Критики, ожидавшие другого – конфликта в душе героя между целью и средствами – и не нашедшие этого, упрекают романиста в идеализации исторического деятеля.

На мгновение распахнул автор «Августа Четырнадцатого» вечный конфликт: «Может быть, здесь разногласие шире и общины, шире и самой России: свобода действия и достача нужны человеку на земле, чтобы распрямиться телом, но в извечной связанности, в сознании себя лишь крохой общего блага витает духовная высота?». И тут же голосом Столыпина: «Если думать так – невозможно действовать». И следом: «Столыпин всегда был реалист, он думал и действовал едино» [8, с. 144]. Ответ героя однозначен. Автор ещё не раз вернётся к этим сомнениям в своих художественных и публицистических произведениях.

Зона автора и зона героя могут быть разграничены и в «бессносочном повествовании» петитных глав. Например, внутренний монолог Столыпина, уставшего от трудных отношений с императором, переходит в несобственно-прямую речь, все слышнее иронические модуляции авторского голоса. Столыпинское отношение к монарху и его воле явно отличается от авторского. Солженицын «доверяет» герою собственные мысли, неоднократно высказывавшиеся в публицистике, в «Размышлениях над Февральской революцией».

Эти наблюдения подкрепляются и прямым суждением А. И. Солженицына: «...освободиться от своей системы чувств я не могу. Но это вовсе не в ущерб изложению исторического материала. Наоборот, это может идти к выигрышу в изложении истории. Ведь я скрупулезно, до малейших деталей, соблюдаю каждую историческую подробность... С моим чувством можно спорить, но оно не борется с фактами, оно органично, как живая ткань, входит в историческое повествование» («Интервью немецкому еженедельнику “Ди Цайт”» (Интервью ведёт Фриц Раддац), Мюнхен, 8 октября 1993) [2, с. 453].

Не раз высказывались Солженицыну обвинения в том, что вопреки русской передовой мысли он не разоблачает карателя, а, наоборот, целые главы посвящает злу революционного террора. Проблема террора в плане историческом, психологическом, религиозном проходит

через всё творчество А. И. Солженицына – от «Архипелага ГУЛАГ» до публицистики. В «Красном Колесе» проблема террора взята автором в аспекте разрушения одного из идолов русского сознания – идола нравственной безупречности революционера-террориста.

Солженицын видит правду не только Столыпина, но и уходящую в историческую глубину правду тех, кто бросает власти вопрос: «Да кто же *первый* начал угнетать свой народ? Кто первый загородил все иные пути освобождения? Кто – первый казнил за каждый шаг к свободе?» [8, с. 84]. Женщины-революционерки, о которых восторженные тетушки рассказывают Вероне, не выглядят «бесами», скорее, фанатичными жертвами. Автор нисколько не окарикатуривает и Богрова. Он пишет его изнутри, спрессовывая дневники, письма, воспоминания. Богров в камере, Богров, размышляющий о смысле своей жизни, Богров перед судом написан глубоко психологично, с взглядом в бездну человеческой души: «И – любишь себя. И – презренье к себе» [8, с. 129].

За годы, прошедшие после выхода в свет «Августа Четырнадцатого», созданы многочисленные версии – разгадки тайны убийства Столыпина, разгадки личности и мотивов преступления Богрова, но они не поколебали созданный Солженицыным образ Богрова и только усилили интерес к главному аспекту раскрытия этого образа в первом узле «Красного Колеса»: воздействию «всерадикального Поля, в котором молодой Богров счёл себя в праве и даже обязанным – убить Столыпина» [6, с. 436].

В. В. Розанов вскоре после смерти Столыпина писал: «...в эпоху *типично* нигилистическую и *всеобъемлюще* нигилистическую, – Столыпин ни одной крупинкой тела и души не был нигилистом» [14, с. 132]. Почти физически ощущается в «Августе Четырнадцатого» противостояние Столыпина не только «бесам» и «сферам», но и «поток веку». «Поток века» мощно несётся в эпопее, передаваемый всеми художественными средствами – от символики до документа, от кинокадров до ритмики фразы. В публицистике автор понятийно закрепляет образ: «...создаётся некоторый поток века, поток общественного мнения, так что люди с авторитетом, видные профессора, учёные, стесняются спорить, даже когда они имеют другое мнение...» («Телеинтервью компании Би-Би-Си» (Интервью ведёт Майкл Чарлтон), Лондон, 22 февраля 1976) [5, с. 332].

Противостояние безумному разрушению русскими своего прошлого и своего будущего – сквозной мотив «Красного Колеса». В этом противостоянии не раз возникает в сознании героев образ Столыпина.

Когда Воротынцев спорит со Свечиным о смысле мировой войны, он как будто без всякой связи вспоминает Столыпина:

«Ну подумай, ведь последняя неизбежная и всем понятная война была – Крымская. А с тех пор... У тебя никогда так?»

– Как же мы можем послужить, если не войной?

– Вот и я задумался! Одной силой стоящей армии! – вот как. И я вспомнил Столыпина...

Ну, это уже до бессвязности. Свечин поморщил выкатистый лоб и возвратил друга на землю:

– Втянули бы нас. Напали бы, как сейчас напали» [8, с. 465].

Впоследствии Солженицын еще раз возвращается к истории «в сослагательном наклонении». Рассуждая о выстреле Богрова, «которым было подсечено выздоровление России», Солженицын пишет: «Столыпин – и без того был бы уволен царём, но несомненно был бы снова призван в круговращательном безлюдьи 1914–16, и при нём – мы не кончили бы так позорно, ни в войне, ни в революции. (Если б ещё, при нём, мы в ту войну вступили бы.)» [6, с. 440]. Очень близко к этим размышлениям Солженицына суждение С. С. Ольденбурга: «Смерть Столыпина была тяжёлым ударом для *Русского государства*. Ведь и в случае отставки такой крупный государственный деятель, как Столыпин, только *отошёл бы в “запас”* и в нужную минуту мог быть снова призван к власти. Рука убийцы лишила Россию именно того человека, который наиболее подходил к сложным условиям думской монархии» [15, с. 420]. Но История сложилась как сложилась. И смысл романного эпизода, о котором шла речь, не сводится к вопросу: избежали или не избежали бы вступления России в войну. Смысл более широк. Полковник Воротынцев ощущает необходимость во всех сферах жизни – в том числе и в военной – ясной и последовательной позиции: что это даёт человеку? Что это даёт России? Созидательное ощущение жизни, разрушаемое, но не разрушенное войной, – снова против «потока века».

«*Всеобъемлюще* нигилистической» эпоха могла предстать лишь в интеллигентском историческом кругозоре. Реальная история была многообразнее. Сила Солженицына-художника в том, что он передал многослойность эпохи, увидел Столыпина не только в политическом масштабе, но в масштабе реальной истории России, позитивной деятельности людей, жизнестроительства, изменения народного сознания. Глава о Столыпине, показавшаяся некоторым критикам Солженицына чужеродной в «Августе Четырнадцатого», становится органичной и принципиально важной в контексте всего «Красного Колеса».

Жорж Нива обратил внимание на то, что в романе убийство Столыпина «подано трижды – через самого Столыпина, через его убийцу Богрова и через уполномоченного охранного отделения, и событие приобретает сюрреалистическую выразительность, будто под электронным микроскопом» [16, с. 32]. Не менее важно, как нам кажется, и пересечение в этой точке трёх типов *исторического видения*.

Богров видит свой поступок как «поединок с целым государством», как «событие мировой истории», мысленно включает себя в ряд её великих творцов – деятелей освободительного движения. Не случайно так заботится он о том, чтобы остаться в исторической памяти *честным* человеком. «И как это в конце концов оказалось несложно – поворачивать историю: всего только получить театральные билеты, миновать 17 рядов партера – и нажать гашетку» [8, с. 257].

Умирающий *Столыпин* думает о несделанном, о том, «как ещё заклинена Россия. И как вырваться ей», о строительных лесах, которые яростно рубят противники, не давая строить; страшится, что «не найдётся наследников и не придёт додел» [8, с. 271]. «И неужели – уйти сейчас? Перед главной своей реформой?» [8, с. 268].

И *третий* взгляд: не хитрого «хорька» Курлова, прячущего свою вину, но объективного сенатора, расследующего причины убийства в сплетении недогляда, знания-незнания, «выпирающего из материала соучастия». Он явно не видит *масштаба* случившегося, бессилен перед монаршей милостью к виновным. Взгляд из неподвижного, опасно неподвижного времени.

В «Красном Колесе» Солженицын показывает столкновение не только «делателей» и «преобразователей», но и разных типов *исторического мышления*, выходящих за пределы изображаемого периода. Его интересует сам процесс *семиозиса* истории. Потому фигура Столыпина принципиально важна для него и в политическом, и в историософском плане.

Список литературы

1. Солженицын А. И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть вторая (1979–1982) // Новый мир. 2000. № 9. С. 112–183.
2. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд-во, 1997. 560 с.
3. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. В Советском Союзе. 1967–1974 ; На Западе. 1974–1989. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 512 с.
4. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. Публицистика : На западе. 1990–1994 ; В России. 1994–2003. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. 576 с.
5. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. Т. 2. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхне-Волж. кн. изд-во, 1996. 624 с.
6. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 26. Двести лет вместе. Ч. 1. В дореволюционной России. М. : Время, 2015. 512 с.
7. Soljénitsyne A. Journal de La Roue rouge / traduit de russe par F. Lesourd. Paris : Fayard, 2018. 704 p.
8. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 8. Красное Колесо : Повествование в отмеренных сроках в четырёх Узлах. Узел 1 : Август Четырнадцатого. Кн. 2. М. : Время, 2006. 536 с.
9. Пугачев В. В. Кто победил 14-го декабря? // Россия/Russia : Studi e recherche a cura di Vittorio Strada. 1993. Vol. 8, № 1–2. P. 33–41.
10. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... : Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М. : Молодая гвардия, 1991. 410 с.
11. Столыпин А. П. Столыпин и Николай II в «Августе Четырнадцатого» // Посев. 1984. № 3. С. 58–60.
12. Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М. : Время, 2007. 672 с.
13. Бок М. П. П. А. Столыпин : Воспоминания о моем отце. М. : Современник, 1992. 321 с.
14. Розанов В. В. Историческая роль Столыпина (8 октября 1911) // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 1 (2). С. 130–133.
15. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М. : Центрполиграф, 2018. 654 с.
16. Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. Маркиш в сопр. с автором. М. : Художественная литература, 1992. 189 с.

Поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022